

RUSSIAN ETHNOCENTRISM AND THE WEST:
CULTURAL AND HISTORICAL DYNAMICS OF PERCEPTION
OF THE WEST IN RUSSIA.

A thesis
submitted in partial fulfillment
of the requirements for the Degree
of
Doctor of Philosophy in European Studies
in the
University of Canterbury
by
O. Derbisheva-Sutherland

University of Canterbury
2009

СОДЕРЖАНИЕ

Abstract	5
Резюме	6
Acknowledgments	7
Introduction	8
Введение	18
 Chapter I. Ethnocentrism as a Phenomenon of Formulaic Awareness: The Main Theoretical and Methodological Approaches to the Study of its Genesis and Functions	
 1.1. The Concept of Ethnocentrism, its Structure, Forms and Levels of Manifestation	 29
 Глава I. Этноцентризм как феномен обыденного сознания: основные теоретико-методологические подходы к исследованию его генезиса и функций.	
1.1. Понятие этноцентризма, его структура, формы и уровни проявления	43
1.2. Психоаналитические подходы к изучению этноцентризма	59
1.3. Групповой конфликт интересов как детерминант этноцентризма	66
1.4. Культурная дистанция как источник межэтнического негативизма	70
1.5. Негативный этноцентризм как механизм социально-психологической защиты позитивной этнической идентичности	75
1.6. Социальный статус этноконтактных групп как фактор проявления негативного этноцентризма	78

1.7. Феномены межэтнической суггестии и контрсуггестии как условия формирования этноцентризма	85
--	----

Глава II. Особенности динамики культурно-исторического восприятия Запада в России досоветского периода.

2.1. Методологические основы изучения парадигмы 'Россия – Запад'	90
2.2. Возникновение и формирование образа Запада в России (XI – XVI вв.)	96
2.3. Русский этноцентризм и Запад в условиях социального реформирования России в XVII – начале XVIII вв.	105
2.4. Модернизация как детерминант русского этноцентризма	114
2.5. Влияние процессов модернизации на трансформацию массового сознания русского народа	122

Глава III. Русский этноцентризм и Запад: советский синдром.

3.1. Феномен коммунистической революции и его влияние на восприятие Запада в послереволюционный период	137
3.2. Динамика восприятия Запада в условиях становления и укрепления Советской власти	145
3.3. Особенности восприятия Запада в условиях укрепления советского тоталитаризма	152
3.4. Трансформация образа Запада в СССР в период Второй Мировой войны	161
3.5. Динамика восприятия Запада в период распада СССР	169

Глава IV. Восприятие Запада в постсоветской России.

4.1. Влияние 'советского' фактора на особенности постсоветской	
--	--

модернизации российского общества	178
4.2. Аккультурационный этноцентризм как фактор модернизации сферы экономики и культуры постсоветской России	183
4.3. Динамика демифологизации Запада как фактор постсоветской модернизации России	189
4.4. Особенности адаптации различных поколений к постсоветской модернизации как фактор этноцентризма	198
4.5. Динамика образа 'Запада' в массовом сознании и основные предпосылки к формированию нового идеологического климата в постсоветской России	209
4.6. Государство и институализация нового идеологического климата в постсоветской России	218
Заключение	229
Conclusion	242
Глоссарий	254
Список аббревиатур	255
Библиография	256

ABSTRACT

Opposition to the West is one of the stable characteristics of the Russian history. It is not only enshrined in the mentality of Russian people, but has become an integral part of the social and political culture of the country. The crisis facing Russia at the present time, the active modernisation and inclusion in the globalisation not only further exacerbate this confrontation, but also actualise the perennial alternative facing Russia: to converge with the West, or enter a new confrontation with it. This study explores the influence of the ethnocentric dimension on the cultural and historical dynamics of the paradigm 'Russia vs the West'. The new concept of content, structure, forms and levels of the ethnocentrism phenomenon developed by the author is tested on the basis of integrated analysis of cultural and historical evolution of Russia, the exploration of interaction between the processes of modernisation and the peculiarities of the perception of its 'modernisation standard' – the West. The data employed by the author comes from sociological studies conducted in the last 20 years and enables not only to identify the major determinants and factors influencing the current strategy of relations between Russia and the West, but also to predict the possible scenario of the development of processes of post-Soviet modernisation of this country and its interaction with the outside world.

РЕЗЮМЕ

Противостояние Западу — одна из устойчивых характеристик русской истории. Оно не только закреплено в ментальности русского народа, но и стало неотъемлемой частью социальной и политической культуры страны. Кризис, переживаемый Россией в настоящее время, ее активная модернизация, включенность в глобализационные процессы не только еще более обостряют это противостояние, но и актуализируют стоящую перед ней извечную альтернативу: либо ее конвергенция с Западом, либо новое противоборство с ним. Данное исследование посвящено изучению влияния этноцентристского фактора на культурно-историческую динамику парадигмы 'Россия — Запад'. Выдвинутая автором новая концепция содержания, структуры, форм и уровней феномена этноцентризма апробирована на основе комплексного анализа культурно-исторической эволюции России, изучения взаимосвязи между процессами ее модернизации и особенностями восприятия ею 'модернизационного эталона' — Запада. Используемые автором данные социологических исследований за последние 20 лет позволили не только выявить основные детерминанты и факторы, влияющие на современную стратегию отношений России с Западом, но и прогнозировать возможный сценарий развития процессов постсоветской модернизации этой страны и ее взаимодействия с внешним миром.

AKNOWLEDGEMENTS

I would like to give sincere thanks to the University of Canterbury and the National Centre for Research on Europe for giving me the opportunity to write this thesis.

I am extremely grateful to my supervisor Dr. Natalia Chaban and my co-supervisor professor Martin Holland for attentive and kind regard for me, their understanding and tact. This work would not have been possible without their support

I would like to say special thanks to my first mentor, Dr. Alexandra Smith, who inspired me to write this paper. Our fruitful collaboration, and her belief in me have helped me finish this dissertation.

INTRODUCTION

With the collapse of the Soviet Empire, the opposition of the Soviet Union to the capitalist world was replaced with the more traditional and deeply historically rooted opposition 'Russia vs the West'. This transformation is quite logical, because, ultimately, the notion of 'capitalism' and 'West' in the Russian psyche are nearly synonymous. The fact of incredible resilience of this opposition in the Russian culture is symbolic in itself.

In determining the genesis of this phenomenon, many researchers refer primarily to the peculiarities of the country's development, the specifics of its geopolitical situation and the perennial and urgent problem of modernising the country in accordance with the standards of the Western civilisation. The crisis facing the country at present further exacerbates the drama of this antagonism and, as never before, brings into the limelight the issue of possible options for socio-economic, political and cultural development of Russia. And in this case, it is precisely the reality of Russia's strategic opposition to the West that determines the alternatives of the country's development:

either the escalation of this opposition and inertia of the historical and political consciousness of Russian society will lead to renewed confrontation of the two civilizations;

or Russia in accordance with the global trend of globalisation and modernisation will lose its uniqueness and become part of the 'Western' world.

Ideally, it would be possible to achieve compromise between these contrasting strategies for the development of the country, namely acquiring the benefits of economic and political systems of the Western society, while preserving the core values and traditions of the Russian culture.

The question of which of the above tendencies will prevail is one of the most frequently discussed in virtually all areas of social and humanitarian science centered on Russia.

This paper would like to consider this issue within the framework of ethnocentrism, the essence of which is the assertion that any ethnic group is inclined to perceive and

evaluate other ethnic groups in negative terms, usually through the prism of its own culture, traditions and social values, elevated to the rank of standard.

The author and the creator of this theory, William Graham Sumner (1840 - 1910), came to this conclusion (1906), studying the life of so-called 'primitive societies' (115).¹ Time has not refuted the main hypothesis of this theory. Moreover, the postulates of the theory of Sumner had a decisive influence on the development of theoretical and specifically empirical research in the area of interethnic relations. The accumulated knowledge resource has not only enabled specifying the main points of Sumner's theory, but also provided an opportunity to switch from studying the functions of this phenomenon to exploring its nature and origin.

Scholars faced a dilemma: is ethnocentrism the result of the interaction of different ethnic groups, or is it rooted primarily in the peculiarities of the human psyche? The outcome of this debate has been summarised in the famous work of Le Vine, and Campbell «Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes, and Group Behaviour» (85). This study argues that, considering the existence of such a brilliant literature review, it does not make sense to include a detailed history of the well-known concepts of ethnocentrism, established by the beginning of the 70-ies. This research will limit itself to mentioning the main conceptual approaches to the exploration of the genesis of ethnocentrism.

There have been widespread attempts to explain the causes of ethnocentrism on the basis of theories of psychoanalysis and neobehaviourism. Among the most prominent representatives of this school of thought are such authors as Dollard, Miller, Berkowitz, Adorno, and others. The phenomenon of ethnocentrism was considered by these authors within the framework of the concepts of "congenital narcissism," "projection," "self-esteem – self-respect", and the theories of "replacement of frustration – aggression" and "authoritarian personality" (85).

Finding a solution to the problem of ethnocentrism being determined by the conditions of group dynamics was attempted by such famous scholars as Sherif, Campbell, and their followers. One of the most discussed was the hypothesis of

¹ When citing the source, the number in the Bibliography is included and, where appropriate, page numbers. The citations provide the necessary details for each reference to be identified and validated where necessary.

ethnocentrism originating as a result of the struggle among groups for the possession of resources vital for survival (110, 111). No less interesting was the suggestion by Campbell and a number of other scholars that cultural distance was the root of interethnic negativism (31). Some also supported the idea that social status of ethnic groups could be a factor in the manifestation of ethnocentrism (60, 107, 131).

Unfortunately, none of the hypotheses mentioned above can be considered absolutely convincing. The results of numerous studies only succeeded in proving once again that ethnocentrism is a complex socio-psychological phenomenon and has yet to find an unequivocal interpretation. Therefore, scholars have continued the pursuit of knowledge in this direction. So, Tajfel has tried to explain ethnocentrism within the framework of the theory of social identity (117 - 124). The main postulate put forward by him was the hypothesis that ethnocentrism acts as a mechanism of social and psychological protection of the group from the influence of other cultures.

From subsequent research, related in some degree to the issues of ethnocentrism, special attention, in opinion of this research, should be paid to the so-called "Return of Ethnicity" theory. One of the authors subscribing to it is Bell, who explains the phenomenon of ethnic negativism in contemporary society by the processes of "mass retribalisation of the world" (8 - 10).

A great contribution to the further development of issues of ethnocentrism was made by researchers working in the field of cross-cultural psychology. So, the studies of Wilson, Rokeach, Triandis, and many others provided not only extensive empirical material, but also revealed the relationship between cultural distance and manifestations of ethnic negativism (26, 36, 61, 85).

However, all the aforementioned authors primarily focused on identifying trends and determinants of manifestation of the phenomenon of ethnic negativism. Meanwhile, the empirical data of numerous cross-cultural studies provided evidence of a more positive scenario for the development of interethnic relations, when those are based on cooperation and intercultural exchange (23, 24, 130). This clearly contradicts the main postulates of the theory of ethnocentrism, the most important one being the assertion that the essence of the phenomenon of ethnocentrism is not only a negative interaction between cultures, but interethnic strife. This thesis claims that this paradox deserves special attention. Therefore it has focused its attention on verifying the following

hypotheses:

Perhaps the definition of the phenomenon of ethnocentrism as only a mechanism for the formation of manifestations of interethnic negativism springs from the narrow interpretation of the concept?

Since empirical studies refute some postulates of the theory of ethnocentrism, perhaps, the structure and content of the phenomenon requires a broader interpretation?

Can the phenomenon of positive mutual intercultural perception and interethnic interaction be explained within the framework of the theory of ethnocentrism? And if so, to what extent are they consistent with the findings of the inevitability of ethnic negativism?

If ethnocentric mechanisms determine the interethnic interaction, can we assume that this phenomenon is representative of a social and psychological balance between the positive and the negative tendencies in the dialogue of cultures?

This research is devoted to testing the proposed *hypotheses*. This study, attempts not only to clarify the content of the concept, but also to propose a radical change in the interpretation of this phenomenon. Moreover, it aims to justify the legitimacy of the interpretation of ethnocentrism not only as a mechanism for the formation of interethnic negativism, but also the positive interethnic interaction and mutual influence.

This thesis uses the example of Russia in order to prove the above hypotheses. This choice is due to the fact that with the collapse of the Soviet Empire, Russia became not only a peculiar 'testing ground' for studying manifestations of interethnic tensions within its borders, but also one of the main players involved in the new geopolitics. In this regard, it faced issues of self-determination as a nation and a state, as well as developing a new strategy for relations with the outside world and especially with the West.

The problem of relations between Russia and the West has always been the epicenter of attention of the Russian thinkers. Within the country's Humanities there evolved entire social and philosophical trends, that interpreted the relationship between the two civilizations from different perspectives: 'Slavophilism' and 'zapadnichestvo'. The representatives of the former, such as, for example, Khomyakov, Aksakov, Danilevskiy and others, insisted on the idea of the uniqueness of Russia and its right to a 'cultural sovereignty', while their most prominent opponents, namely, Belinsky,

Gertsen, Berdyaev and others supported the idea of the natural inclusion of Russia in the Western civilization (141, 149, 152, 170, 195, 342).

After the Russian revolution of the beginning of the XX century, there emerged yet another direction - 'Eurasianism'. From the standpoint of its representatives – Savitsky, Florovskiy, Karsavin and others, Russia is a unique civilization, the synthesis of East and West (221, 313, 341). This concept has gained enormous popularity at present. Moreover, its followers, such as Dugin, Kara-Murza, Panarin, and others not only interpret ideas of Eurasianism in relation to current conditions, but also emphasise the fact that peculiarities of Russia's civilisation type separate it from the West, creating a fundamentally different socio-cultural specificity (162, 219, 220, 267).

Despite the fact that the postulates of this concept are open to discussion, and that they are challenged by a number of well-known scholars, such as Diligensky, Zagorski, Levada and others, who champion the idea of the closeness of the Russian and the Western cultures and its inclusion in the so-called 'Euro-Atlantic' civilisation, Eurasian concept of the 'Russian idea' or a 'special way' has become not only the official ideologem in post-Soviet Russia, but also is a determinant of the new geopolitical strategy of Russia, as well as its relationship with the West (194, 195, 248).

In this regard, the following questions arise: what factors influence the interaction of Russia with the West? What dictates this or that strategy of its relations with the Western powers? What mechanisms regulate how Russia perceives the Western civilisation? Arguably, answers to these questions should be found in the determinants and mechanisms of manifestation of the phenomenon of ethnocentrism. This research will attempt to confirm this *hypothesis* on the basis of results of previous studies on the theory of ethnocentrism, as well as our own work in this area.

It is suggested that the *relevance* of studying the phenomenon of Russian ethnocentrism, directed at the West, is determined first and foremost by the strategic importance of analysing the interaction between the two civilizations, and by the opportunity to give a unique prediction regarding the dilemma of Russia's development mentioned above. In formulating the significance of the problem, we assume that as the perception of the outside world has played and still plays a very important role not only in the dynamics of society's consciousness, but also in the process of cross-cultural,

social and economic interaction, so in critical situations it can dramatically influence the choice of one or another strategic foreign policy decisions.

The following defines the subject and object of this research.

Subject of this research is: the phenomenon of ethnocentrism as a factor in strategic self-determination of social consciousness in the process of its evolution and in the context of socioeconomic changes.

Object of this research is: Russian society, and the characteristics of its historical, cultural and socio-political engagement with the West.

Within the framework of this discourse the study in particular identifies the *range of issues*, concerned with studying the following areas: a) the impact of the phenomenon of ethnocentrism on the Russia's perception of the West; b) the dynamics of the development of the West's image in Russian culture and politics; and c) the patterns of the formation of perceptions regarding the West in the mass consciousness of Russian society.

These issues require addressing the following *research objectives*:

First, analysis of the genesis of the concept of "ethnocentrism", its functions and characteristics of manifestation.

Second, development and substantiation of the author's approach to defining the content, structure, forms and levels of ethnocentrism.

Third, studies of major theoretical approaches and methodological principles of studying the mechanisms of manifestation of ethnocentrism.

Forth, identification of patterns of manifestation of various forms and levels of ethnocentrism, depending on the characteristics of the formation and development of the paradigm 'Russia vs the West'.

Fifth, exploration of the dynamics of the processes of modernisation in Russia and their influence on the formation of ethnocentric attitudes toward the West.

The solution of these problems will contribute to achieving the following *goal of this research*: to identify the relationship between the determinants of the formation of ethnocentric attitudes in Russian society and the development of the paradigm 'Russia vs the West'; and to examine characteristics of the manifestations of ethnocentrism in different historical and socio-economic conditions relating to the interaction between Russia and the West .

The *methodology* of this thesis is based on theoretical advances in such fields of scientific knowledge as social psychology, sociology, anthropology, ethnography, philosophy, history, cultural studies, and political science. This integrated approach has allowed us not only to develop the author's concept of the content and the structural-functional model of ethnocentrism, but also to verify it in the instance of the development of the paradigm 'Russia vs. the West'.

The interdisciplinary nature of the problem under investigation dictated the necessity of integration in the study of such generic scientific methodological principles as dialectic, systemic and historical. These methodological principles enable us to consider the dynamics of the Russian ethnocentrism within the framework of the paradigm 'Russia vs. the West' as a phenomenon that is diverse, complex, contradictory, and at the same time having a certain internal and external logic and integrity.

Thus, the dialectic principle has enabled us not only to trace the genesis and evolution of the paradigm 'Russia vs. the West', but also to carry out a multivariate analysis of Russian ethnocentrism within the framework of this paradigm. The principle of systemic approach has allowed us to look at the Russian ethnocentrism as a whole, a social phenomenon that has a certain internal logic, as well as to identify the patterns of its development. The historical principle, in turn, has helped to reproduce the cultural and historical reconstruction of the main stages of development of the paradigm 'Russia vs. the West', as well as the social, economic and political determinants, deciding the characteristics and nature of the phenomenon of Russian ethnocentrism.

The complexity of the problem under investigation also determined the methodological approaches to the definition of the empirical basis of the research, which consists of, in the first place, such sources as historical monographs, articles, memoirs and epistolary heritage of figures of the Russian culture and politics, foreign diplomats and travellers. A valuable source for analysing the evolution of Russian ethnocentrism were the heirlooms of Old Russian literature, as well as official documents and policy materials of Russian political subjects. The dissertation research has also examined the approaches of contemporary Russian scientists, presented in scientific monographs, proceedings of scientific conferences, and the mass media, to the analysis of identification issues facing modern Russia, the determination of its place and status in the conditions of a new geopolitical reality. An important and significant part

of the empirical basis of this thesis are the data of sociological studies conducted over the past 20 years by such eminent and leading institutions for the study of the public opinion in Russia as VCIOM (The Russian Centre for Public Opinion Research) and FOM (Public Opinion Foundation). When dealing with empirical sources, generic scientific methods of socio-historical, dialectic, and systemic analysis were also used.

Scientific originality and *theoretical significance* of this paper is based on the fact it is the first to:

- a) develop a new approach to the interpretation of the fundamental concepts of the theory, namely, the term "ethnocentrism", based on the analysis of previous research on the theory of ethnocentrism;
- b) propose a fundamentally new concept of the content, structure, forms and levels of the phenomenon of ethnocentrism;
- c) confirm, by collating and reordering the results of socio-psychological, anthropological and cultural studies of interethnic interactions, the data supporting the fact that the phenomenon of ethnocentrism is ambiguous and one-sided definitions of it are unjustified;
- d) test the author's concept of the phenomenon of ethnocentrism on the basis of exploring the paradigm 'Russia vs the West';
- e) conduct a comprehensive analysis of cultural and historical dynamics of the perception of the West in Russia through the prism of the socio-psychological phenomenon of ethnocentrism;
- f) identify a direct relationship between the processes of Russia's modernisation and the patterns of its perception of 'the modernisation standard', namely, the West, based on the analysis of socio-economic evolution of Russia;
- g) identify the main determinants and factors affecting the current strategy of the relationship between Russia and the West, based on the analysis and scrutiny of sociological data.

The *practical significance* of the study lies in the fact that:

- a) materials and research findings can be used as a methodological and theoretical framework for further research in the field of ethnocentrism theory;

- b) the method used by the author to investigate the phenomenon of ethnocentrism in the case of the interaction between the two civilisations can be used in the study of other phenomena of the same nature;
- c) cultural-historical analysis of the impact of ethnocentrism on the strategy for the development of relations between Russia and the West will serve as a source and a basis for exploration of the history of their relationship, as well as the basis for a more comprehensive analysis of the current situation of the interaction of post-Soviet Russia with the outside world;
- d) the study conclusions regarding the identification of the main determinants and factors affecting the formulation of Russia's own strategy in its relationship with the West may find application in various discourses relating to the paradigm 'Russia vs the West', as well as in the work of professionals directly concerned with the development of foreign policy relations with Russia.

All the above determined the logic and *structure of the thesis*.

The paper consists of the introduction, four chapters, conclusion, a glossary, list of abbreviations, and bibliography.

The *Introduction* grounds the relevance of the research subject, analyses the degree of its scientific development, defines the research goal, objectives and main research hypotheses, describes the methods and methodological basis of the study, and reveals the scientific originality, the theoretical and practical significance of the work.

The *first chapter* is devoted to exploring the phenomenon of ethnocentrism, as well as the main theoretical and methodological approaches to the study of its genesis and functions and, based on these, to developing, the author's concept of the content, structure, forms and levels of manifestation of the given socio-psychological phenomenon.

The *second chapter* reveals the characteristics of the cultural and historical perception of the West in Russia prior to the Soviet time. Prerequisites for the formation of the paradigm 'Russia vs the West' and its socio-cultural dynamics from the XI and until the beginning of the XX century are analysed within the framework of ethnocentrism. Particular attention is paid to the analysis of the process of modernisation as one of the key factors of manifestation of Russians' ethnocentric attitudes toward the West.

The *third chapter* focuses on the impact of the so-called 'Soviet syndrome' on the interaction of processes of modernisation in Russia and the mechanisms of manifestation of ethnocentrism toward the West. This chapter examines the sources and the main factors of the development of a particular 'totalitarian' world view of the Soviet people and its impact on the relationship with the West. The chapter also explores the prerequisites and reasons for the collapse of the Soviet society and their relationship with the processes of modernisation in Russia.

The *fourth chapter* analyses the main factors determining the dynamics of the relationship of post-Soviet Russia with the West. Based on the analysis of sociological data from the last 20 years, it attempts to predict the possible scenario of the development of relations between Russia and the West. The chapter also reveals peculiarities of contemporary ethnocentric attitudes of Russians toward the West, as well as the main mechanisms of formation of post-Soviet myths and stereotypes relating to the West. In this chapter, particular attention is paid to the phenomenon of the development of 'a new ideological climate', which currently determines the relationship between Russia and the West.

The *Conclusion* summarises the study's findings and draws the overall conclusion.

ВВЕДЕНИЕ

Противопоставление СССР всему капиталистическому миру с распадом советской империи вновь сменилось более традиционной и имеющей глубокие исторические корни оппозицией 'Россия – Запад'. Эта трансформация достаточно логична, поскольку, в конечном итоге, понятия 'капитализм' и 'Запад' в русском сознании почти синонимичны. Символичен сам по себе факт невероятной устойчивости этого противопоставления в русской культуре.

Определяя генезис этого феномена, многие исследователи ссылаются прежде всего на особенности развития страны, на специфику ее геополитического положения, на извечную и насущную проблему модернизации страны в соответствии со стандартами западной цивилизации. Кризис, переживаемый страной в настоящее время, еще более усугубляет драму этого противостояния и, как никогда, актуализирует проблему предопределения возможных вариантов социально-экономического, политического и культурного развития России. И в этом случае именно реалия стратегической оппозиции России Западу обуславливает альтернативы развития страны:

либо эскалация этого противостояния и инерция исторического и политического сознания российского общества приведет к возобновлению противоборства двух цивилизаций;

либо Россия в соответствии с общемировой тенденцией глобализации и модернизации утратит свою самобытность и станет частью западного мира.

В идеале возможен и компромисс между этими полярными стратегиями развития страны, а именно усвоение ею преимуществ экономической и политической системы западного общества и сохранение при этом основных ценностей и традиций русской культуры.

Вопрос о том, какая из вышеназванных тенденций утвердится в качестве доминирующей, является едва ли не самым дискутируемым практически во всех областях общественно-гуманитарного знания, посвященного России.

Нам бы хотелось рассмотреть данную проблему в рамках теории этноцентризма, суть которого сводится к утверждению, что любая этническая

общность предрасположена негативно воспринимать и оценивать другие этносы, как правило, через призму собственной культуры, традиций и общественных ценностей, возводимых в ранг эталона.¹

Автор и родоначальник этой теории, Уильям Грэхэм Самнер (William Graham Sumner) (1840 - 1910), пришел к такому выводу (1906), изучая жизнь так называемых 'примитивных обществ' (115).² Время не опровергло основной тезис данной теории. Более того, постулаты теории Самнера оказали определяющее влияние на развитие теоретических и конкретно-эмпирических исследований в области межэтнических отношений. Накопленный ресурс знаний позволил не только конкретизировать основные положения теории Самнера, но и дал возможность перейти от изучения функций данного явления к исследованию его природы и происхождения.

Учеными была обозначена дилемма: является ли этноцентризм результатом взаимодействия различных этнических групп или его первопричину следует искать прежде всего в особенностях человеческой психики? Итоги этой дискуссии были подведены в известной работе Р. Ле Вина (R. Le Vine) и Д. Кэмпбелла (D. Campbell) “Этноцентризм: теории конфликта, этнических позиций и группового поведения” (85). Я думаю, при наличии такого блестящего обзора нет смысла обращаться к подробной историографии известных концепций этноцентризма, сложившихся к началу 70-х годов. Мы ограничимся лишь обозначением основных концептуальных подходов в исследовании генезиса этноцентризма.

Так, достаточно распространенными были попытки объяснить причины этноцентризма исходя из теорий психоаналитического и необихевиористского направления. К числу наиболее выдающихся представителей этой школы относятся такие авторы как Дж. Доллард (J. Dollard), Н. Миллер (N. Miller), Л. Берковиц (L. Berkowits), Т. Адорно (T. Adorno) и другие. Явление этноцентризма этими авторами рассматривалось в рамках концепций “врожденного

¹ The academic styles adopted in this thesis reflect specific cultural requirements. The English text follows an accepted Western style, while for the Russian text the more appropriate Russian format is adopted

² В ссылках на источники указывается их №№ в “Библиографии” и, по мере необходимости, №№ страниц

нарциссизма”, “проекции”, “самооценки-самоуважения”, теорий “замещения фрустрации-агрессии”, и “авторитарной личности” (85).

Найти решение проблемы детерминации этноцентризма в зависимости от условий межгруппового взаимодействия пытались такие известные ученые как М. Шериф (M. Sherif), Д. Кэмпбелл (D. Campbell) и их последователи. Одной из наиболее дискутируемых была гипотеза о возникновении этноцентризма как результата борьбы групп за обладание жизненно важными ресурсами (110 - 111). Не менее интересным было и предположение того же Д. Кэмпбелла и ряда других ученых о культурной дистанции как первопричине межэтнического негативизма (31). Нашла своих сторонников и идея рассматривать в качестве фактора проявления этноцентризма социальный статус этнических групп (60, 107, 120, 131).

К сожалению, ни одну из вышеобозначенных гипотез нельзя было принять за абсолют. Результаты многочисленных исследований лишь еще раз доказали, что феномен этноцентризма представляет собой сложное социально-психологическое явление и пока не поддается однозначному толкованию. Поэтому поиски ученых в этом направлении были продолжены. Так, Г. Тэджфел (H. Tajfel) попытался найти объяснение этноцентризму в рамках теории социальной идентичности. В качестве основной предпосылки им было вынесено положение об этноцентризме как механизме социально-психологической защиты группы от инокультурного влияния (117-124).

Из последующих научных изысканий, в той или иной мере затрагивающих проблемы этноцентризма, особого внимания, на наш взгляд, заслуживает так называемая теория “возврата этничности”. Такой автор, как Д. Бэлл (D. Bell) объясняет явления межэтнического негативизма в современном обществе процессами “массовой ретрайбализации” (8 -10).

Большой вклад в дальнейшую разработку проблем этноцентризма внесли ученые, работающие в сфере кросс-культурной психологии. Так, исследования Дж. Уилсон (G. Wilson), М. Рокич (M. Rokeach), Г. Триандис (H. Triandis) и многих других представили не только обширный эмпирический материал, но и выявили взаимосвязь между культурной дистанцией и проявлениями межэтнического негативизма (26, 36, 61, 85).

Однако работы всех вышеназванных авторов, главным образом, концентрировались на выявлении закономерностей и детерминантов проявления феномена межэтнического негативизма. Тем временем, эмпирические данные многих кросс-культурных исследований представили доказательства о более позитивном сценарии развития межэтнических отношений, когда они основывались на сотрудничестве и межкультурном обмене (23, 24, 130). Это явно противоречило основным постулатам теории этноцентризма, главным из которых является утверждение о том, что сутью феномена этноцентризма является не только негативное взаимовосприятие культур, но и межэтническая вражда. На наш взгляд, данный парадокс заслуживает особого внимания. Именно поэтому мы сосредоточили наше внимание на проверке следующих *гипотез*:

Возможно, абсолютизирование феномена этноцентризма только как механизма формирования явлений межэтнического негативизма связано с однозначной трактовкой данного понятия?

Поскольку эмпирические исследования опровергают некоторые постулаты теории этноцентризма, вероятно, структура и содержание его феномена требуют более широкого толкования?

Можно ли объяснить явления позитивного взаимовосприятия культур и межэтнического взаимодействия в рамках теории этноцентризма? И если да, то в какой мере они согласуются с выводами о неизбежности межэтнического негативизма?

Если механизмы этноцентризма детерминируют межэтническое взаимодействие, то можно ли предположить, что феномен этого явления представляет собой определенный социально-психологический баланс между позитивными и негативными тенденциями развития диалога культур?

Проверке предложенных *гипотез* и посвящена данная работа. В нашем исследовании мы попытались не только уточнить содержание данного понятия, но и предложить кардинальное изменение трактовки данного явления. Более того, мы хотели бы обосновать правомерность толкования этноцентризма не только как механизма формирования межэтнического негативизма, но и позитивного межэтнического взаимодействия и взаимовлияния.

Доказать выдвинутые гипотезы нам бы хотелось на примере России. Наш выбор обусловлен тем, что с распадом советской империи Россия не только явилась своеобразным 'полигоном' тестирования явлений межнациональной напряженности на своей территории, но и стала одним из главных задействованных субъектов новой геополитики. В связи с этим перед ней актуализировались задачи как национально-государственного самоопределения, так и выработки новой стратегии взаимоотношений с внешним миром и прежде всего с Западом.

Проблема взаимоотношений России и Запада всегда являлась эпицентром внимания российских ученых. В гуманитарном знании этой страны сформировались даже целые социально-философские направления, трактующие взаимоотношения двух цивилизаций с различных позиций: славянофильство и западничество. Если представители первого течения, такие как, например, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский и другие, настаивали на идее самобытности России и ее праве на своеобразный 'культурный суверенитет', то их наиболее известные оппоненты, а именно, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Бердяев и другие поддерживали идею органичной включенности России в западную цивилизацию (141, 149, 152, 170, 191, 342).

После русских революций начала XX века появилось еще одно направление – евразийство. С точки зрения его представителей – П.Н. Савицкого, Г.В. Флоровского, Л.П. Карсавина и др., Россия является особой цивилизацией, синтезирующей в себе Восток и Запад (221, 313, 340). Чрезвычайную популярность данная концепция приобрела в настоящее время. Более того, ее приверженцы, А. Дугин, А. Кара-Мурза, А.С. Панарин и др. не только трактуют идеи евразийства применительно к современным условиям, но и подчеркивают, что особенности цивилизационного типа России отделяют ее от Запада, создают принципиально иную социокультурную специфику (162, 219, 220, 267).

Несмотря на дискуссионность положений данной концепции и их оспаривание многими известными учеными, такими как Г. Дилигенский, А. Загорский, Ю. Левада и др., отстаивающими идею близости русской и западной культур и ее включенности в, так называемую, 'евроатлантическую' цивилизацию, евразийская концепция 'русской идеи' или 'особого пути' стала не только официальной

идеологемой постсоветской России, но и явилась детерминантом как новой геополитической стратегии России, так и ее взаимоотношений с Западом (194, 195, 248).

В связи с этим возникают следующие вопросы: какие факторы влияют на взаимодействие России с Западом? Чем диктуется та или иная стратегия ее взаимоотношений с западными державами? Какие механизмы регулируют восприятие Россией западной цивилизации? По-нашему мнению, ответы на эти вопросы следует искать в детерминантах и механизмах проявления феномена этноцентризма. Мы попытаемся подтвердить эту *гипотезу* как на основе результатов предыдущих исследований по теории этноцентризма, так и наших собственных разработок в этой области.

На наш взгляд, *актуальность* изучения феномена русского этноцентризма, обращенного к Западу, обусловлена прежде всего стратегической важностью анализа взаимодействия двух цивилизаций и возможностью дать своеобразный прогноз относительно обозначенной нами выше альтернативы развития России. При формулировании важности поставленной проблемы мы исходим из того, что поскольку восприятие внешнего мира играло и играет огромную роль не только в динамике общественного сознания, но и в процессе межкультурного, социального и экономического взаимодействия, то в критических ситуациях может кардинально повлиять на выбор тех или иных стратегических внешнеполитических решений.

Настоящим определяется предмет и объект исследования.

Предмет исследования: феномен этноцентризма как фактор стратегического самоопределения общественного сознания в процессе его эволюции и в условиях социальноэкономических изменений.

Объект исследования: российское общество, особенности его историко-культурного и социально-политического взаимодействия с Западом.

В рамках обозначенного дискурса следует, на наш взгляд, особо обозначить *проблемное поле*, акцентированное на изучении: а) воздействия феномена этноцентризма на особенности восприятия Россией Запада; б) динамики развития образа Запада в российской культуре и политике; в) закономерностей

формирования представлений о Западе в массовом сознании российского общества.

Поставленные проблемы требуют решения следующих *исследовательских задач*:

1. Анализа генезиса понятия “этноцентризм”, его функций и особенностей проявления.
2. Разработки и обоснования авторского подхода к определению содержания, структуры, форм и уровней проявления этноцентризма.
3. Исследования основных теоретических подходов и методологических принципов изучения механизмов формирования этноцентризма.
4. Выявления закономерностей проявления различных форм и уровней этноцентризма в зависимости от особенностей формирования и развития парадигмы 'Россия – Запад'.
5. Изучения динамики процессов модернизации России и их влияния на формирование этноцентристских установок по отношению к Западу.

Решение данных задач будет способствовать достижению следующей *цели нашего исследования*: выявить взаимосвязь между детерминантами формирования этноцентристских установок в российском социуме и развитием парадигмы 'Россия – Запад'; рассмотреть особенности проявления этноцентризма в зависимости от различных культурно-исторических и социально-экономических условий взаимодействия России и Запада.

Методология диссертации базируется на теоретических достижениях в таких сферах научного знания как социальная психология, социология, антропология, этнография, философия, история, культурология, политология. Такой комплексный подход позволил не только разработать авторскую концепцию содержания и структурно-функциональной модели этноцентризма, но и апробировать ее на примере развития парадигмы 'Россия — Запад'.

Междисциплинарный характер изучаемой проблемы продиктовал необходимость интеграции в исследовании таких общенаучных методологических принципов как диалектичность, системность и историзм. Эти методологические принципы позволяют рассматривать динамику русского этноцентризма в рамках парадигмы

'Россия — Запад' как многообразное, комплексное, противоречивое и при этом, обладающее внутренней и внешней логикой и целостностью явление.

Так, диалектический принцип дал возможность не только проследить генезис и эволюцию парадигмы 'Россия — Запад', но и осуществить многофакторный анализ динамики русского этноцентризма в рамках данной парадигмы. Принцип системного подхода позволил увидеть русский этноцентризм как целостное, обладающее внутренней логикой общественное явление, а также выявить закономерности его развития. Принцип историзма, в свою очередь, помог воспроизвести культурно-историческую реконструкцию основных этапов развития парадигмы 'Россия — Запад', а также социальных, экономических и политических детерминантов, обусловивших особенности и характер феномена русского этноцентризма.

Комплексность изучаемой проблемы обусловила методологические подходы и к определению эмпирической базы исследования, которую составили, в первую очередь, такие источники как исторические монографии, статьи, мемуары и эпистолярное наследие деятелей российской культуры и политики, иностранных дипломатов и путешественников. Ценным источником для анализа эволюции русского этноцентризма явились памятники древнерусской литературы, а также официальные документы и программные материалы политических субъектов России. В диссертационном исследовании рассмотрены также представленные в научных монографиях, материалах научных конференций и текущей прессе подходы современных российских ученых к анализу проблем идентификации современной России, определения ее места и статуса в условиях новой геополитической реальности. Важной и значительной составной частью эмпирической базы диссертации явились материалы социологических исследований, проведенных за последние 20 лет такими авторитетными и ведущими институтами изучения общественного мнения России как ВЦИОМ и ФОМ. При работе с эмпирическими источниками также использовались общенаучные методы социально-исторического, диалектического и системного анализа.

Научная новизна и теоретическая значимость работы состоит в том, что впервые:

- а) на основе анализа предыдущих научных разработок по теории этноцентризма разработан новый подход к трактовке основополагающего понятия данной теории, а именно, самого термина “этноцентризм”;
- б) автором предложена принципиально новая концепция содержания, структуры, форм и уровней феномена этноцентризма;
- в) на основе обобщения и систематизации результатов социально-психологических, антропологических и культурологических исследований межэтнического взаимодействия подтверждены данные о неоднозначности явления этноцентризма и неправомерности его одностороннего толкования;
- г) авторская концепция феномена этноцентризма была апробирована на основе исследования парадигмы 'Россия – Запад';
- д) через призму социально-психологического феномена этноцентризма был осуществлен комплексный анализ культурно-исторической динамики восприятия Россией Запада;
- е) на основе анализа социально-экономической эволюции России обоснована непосредственная взаимосвязь между процессами ее модернизации и закономерностями восприятия ею 'модернизационного эталона', а именно, Запада;
- ж) на основе анализа и изучения социологических данных выявлены основные детерминанты и факторы, влияющие на современную стратегию взаимоотношений России с Западом.

Практическое значение работы состоит в том, что:

- а) материалы и выводы исследования могут быть использованы в качестве методологической и теоретической базы исследований в области теории этноцентризма;
- б) предложенная автором методика исследования явлений этноцентризма на примере взаимодействия двух цивилизаций может быть использована при изучении других феноменов такого же характера;
- в) культурно-исторический анализ влияния фактора этноцентризма на стратегию развития отношений России с Западом послужит как источником и базой изучения истории их взаимоотношений, так и основой для более многостороннего анализа современной ситуации взаимодействия постсоветской России с внешним миром;

г) итоги исследования на предмет выявления основных детерминантов и факторов, влияющих на выработку Россией своей стратегии взаимоотношений с Западом могут найти применение как в различных дискурсах, посвященных парадигме 'Россия – Запад', так и в работе специалистов, непосредственно занимающихся формированием внешнеполитических взаимоотношений с Россией.

Все вышеизложенное обусловило логику и *структуру диссертации*.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, глоссария, списка аббревиатур, библиографии.

Во *Введении* обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень ее научной разработанности, формулируются цель, задачи и основные гипотезы исследования, излагаются методы и методологическая основа исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава посвящена изучению феномена этноцентризма, основным теоретико-методологическим подходам к исследованию его генезиса и функций и выработке на этой основе авторской концепции содержания, структуры, форм и уровней проявления данного социально-психологического феномена.

Во *второй главе* раскрываются особенности культурно-исторического восприятия Запада в России досоветского периода. Предпосылки формирования парадигмы 'Россия – Запад' и ее социально-культурная динамика в период с XI и вплоть до начала XX веков изучаются с точки зрения теории этноцентризма. Особое внимание уделяется анализу процесса модернизации как одного из основных факторов проявления этноцентристских установок россиян по отношению к Западу.

Третья глава акцентируется на изучении влияния так называемого 'советского синдрома' на взаимосвязь процессов модернизации России и механизмов проявления этноцентризма по отношению к Западу. В данной главе анализируются источники и основные факторы формирования особого 'тоталитарного' мировосприятия советского народа и его отражение на взаимоотношениях с Западом. Изучаются предпосылки и причины распада советского общества и их взаимосвязь с процессами ее модернизации.

В *четвертой главе* анализируются основные факторы, определяющие динамику взаимоотношений постсоветской России с Западом. На основе изучения социологических данных за последние 20 лет делается попытка прогнозировать возможный сценарий развития отношений России и Запада. Раскрывается специфика современных этноцентристских установок россиян по отношению к Западу, а также основные механизмы формирования постсоветских мифов и стереотипов о Западе. В данной главе особое внимание уделяется феномену формирования 'нового идеологического климата', который в настоящее время предопределяет взаимоотношения России с Западом.

В *Заключении* подводятся итоги исследования, делается общий вывод.

CHAPTER I. Ethnocentrism as a Phenomenon of Formulaic Awareness: the Main Theoretical and Methodological Approaches to the Study of its Genesis and Functions.

1.1. The Concept of Ethnocentrism, its Structure, Forms and Levels of Manifestation.

Every era of the development of human society is distinguished by a certain socio-political dominant, which dictates the nature, content and meaning of the historical dynamics of modern civilisation. The evolution of mankind witnessed periods of formation of religious consciousness and religious confrontation, as well as periods of formation of class consciousness and class struggle, of emergence of nation-state sovereignty and of antagonism of these sovereignties. Feminism can be considered a symbol of sorts of the recently concluded XXth century, as it not only brought the gender factor into the limelight, but also defined the gender barrier. With regard to the arrival of the XXIst century, there is every reason to suppose that it has a tendency to be defined as the century of extreme growth of ethnic consciousness and, unfortunately, of ethnic conflict as 'the ethnic' factor, having already declared itself and having been manifested in previous centuries, is obviously beginning to acquire the status of a critical determinant in modern geopolitics.

The pertinence of ethnicity, increased activity of ethnocratic institutions and communities, as well as recently observed interethnic conflicts are proof of the above postulate. The interethnic problems have become a kind of an epicenter of the social reality. Humanity is confronted more and more with such phenomena as ethnic violence, ethnic intolerance, catastrophic increase in the number of ethnic refugees, and so on.

Thus, life itself requires researchers to investigate the nature of interethnic relations, particularities of the ethnic perspective, and the causes of ethnic tension.

The phenomenon of ethnocentrism is considered to be one of the main mechanisms determining the characteristics of interethnic perceptions and the patterns of interethnic interaction.

The study of any scientific subject requires, above all, clarification of the main concept and key terms and concepts related to it. This is particularly true in relation to those subjects which are still under discussion. The issue of ethnocentrism is precisely one such subject, since scientists have yet to come to a unified view of the essence of this socio-psychological phenomenon.

In scientific use the notion of ethnocentrism was introduced in the early XXth century. Its author Sumner produced the following definition:

Ethnocentrism is the technical name for this view of things in which one's own group is the center of everything, and all others are scale and rated with reference to it (115, p.8).

As it happens with the best and the most pertinent theoretical findings, the notion of ethnocentrism was immediately utilised in the broadest scientific discourse: from anthropology and cultural studies to psychology and political science. Apparently, it is that cross-disciplinary demand, primarily, that explains the ongoing academic debate regarding the nature and contents of this phenomenon. The most ambiguity lies in the positions of scholars concerning the genesis of ethnocentrism, its purpose and functions, the issue of the legitimacy of the social and moral evaluation of this phenomenon and, finally, the definition of the range of phenomena, which contribute to the concept of ethnocentrism.

This study focuses primarily on addressing the latter problem, namely, clarifying the notion of ethnocentrism and its contents, as our study would like to propose a somewhat radical change in the interpretation of this phenomenon. In addition, the focus of this work lies in the ultimate objectives formulated above, namely, confirming our scientific positions and approaches concerning this issue using the example of a particular social phenomenon: Russian ethnocentrism.

It should be noted at once that Sumner, introducing the concept of ethnocentrism, was quite categorical, as while developing the main postulates of his concept within the framework of social Darwinism, popular in the beginning of the XXth century, the scientist, in fact, absolutised his observations of manifestations of ethnocentrism in

accordance with the well-known law of survival of the fittest and presented these as the only possible strategy for interaction between different social groups. Using extensive empirical material, based on studying the lives of the so-called 'primitive' societies, the scientist concluded that the relations within an ethnic group are based, as a rule, on the principles of cooperation, mutual support, compliance with specified norms of conduct and subordination. By contrast, relations between ethnic groups are characterised by hostility, competition, confrontation, and often, even war.

Analysing the folk customs and mores, Sumner noted that ethnocentrism occurs when a "group nourishes its own pride and vanity, boasts itself superior, exalts its own divinities, and looks with contempt on outsiders" (115, p.8). Next, Sumner drew attention to the fact that "each group thinks its own folkways the only right ones, and if it observes that other groups have other folkways, these excite its scorn" (Ibid.). As a result, the position which regards one's own ethnic group as the indisputable standard, in relation to which other ethnic groups are judged, creates conditions for the formation of a positive evaluation of one's own group and its culture, the so-called in-group favouritism, and the negative evaluation of the out-group. These notions are accompanied by experiencing feelings of trust towards one's own group, the desire to keep in-group membership, to comply with its standards and requirements, up to and including the willingness to sacrifice oneself for the interests of the group. At the same time in regards of the out-group, one experiences feelings of disdain, distrust, fear, and in terms of behavior isolation, or hostile acts are characteristic (Ibid.).

Given that these attributes of intraethnic and interethnic relations are considered by Sumner to be manifestations that belong together, and that are inextricably linked in a coherent set, some scholars believe it is legitimate to outline this phenomenon in the concept of "the syndrome of ethnocentrism." (115, p.7) According to this position, ethnocentrism as the socio-psychological phenomenon, is a particular state of consciousness of an ethnic group, associated with hypertrophy of positive ethnocultural characteristics of the in-group, affirmation of the superiority of its culture over the culture of the out-group, which is inseparable from manifestation of animosity and hostility with regard to the latter. This intraethnic solidarity and loyalty, on one hand, and interethnic negativism, on the other, are connected by an important functional relationship: the maintenance of such in-outgroup balance is necessary to enhance

integration within the ethnic group, bringing order to its intragroup relationships with the goal of ethnic survival.

Thus, the concept of Sumner, had two main postulates, with the first one regarding the relationship between intraethnic cohesion and interethnic negativism (the stronger the hatred and rivalry of a particular ethnos towards other ethnic groups surrounding it, the greater its internal organisation and cohesion, and vice versa), and the second one arguing that interethnic (ethnocultural) differences inevitably lead to hatred and alienation in intergroup relationships. Considering only one possible perspective on the relationship of ethnic groups in contact, Sumner not only gave it a universal, inevitable quality, but also stated its necessity (115, 116).

These postulates have had a decisive influence on the development of theoretical and specific empirical research in the field of interethnic, and more generally, intergroup relationships. For a long period of the development of relevant scholarship, the attention of researchers has been focused almost exclusively on the negative aspects of interethnic relations. This has contributed to the amplification of the role of negativism in relation to ethnic groups, the underestimation of the positive aspects of interethnic contacts, and has led to a simplified understanding of the nature of the phenomenon of ethnocentrism and interethnic relations in general.

In order to visualise the certain conservatism of the development of the theory of ethnocentrism, this study turns to various interpretations of this notion in such representative sources as encyclopedias, justifiably supposing that these sources summarise and reflect the most significant and consistent positions of scientists and experts in various areas. For example, "Dictionary of Sociology", published in 1944, provides the following definition of ethnocentrism:

An emotional attitude which holds one's own group, race or society to be superior to other racial or cultural entities, combined with contempt for the outsider and his ways ... (37, p.453)

"A Comprehensive Dictionary of Psychological and Psychoanalytical Terms", published in 1958, interprets ethnocentrism as following:

1. the tendency to exalt the superiority of the group (esp. the national or ethnic group) to which one belongs and to judge outsiders, often contemptuously, by

the standards of one's own group ...

2.a hypothesized syndrome of underlying attitudes that involve the following division of the social world into in-group with which one identifies and to which one submits, and out-groups to which one is hostile; positive stereotype of the former and negative stereotype of the latter; and the arrangement of the in-groups and out-groups into an evaluative hierarchy in which the former are always dominant and the latter always subordinate (1, p.189).

As we can see, despite the nearly fifteen year interval, in both cases the interpretation of the phenomenon of ethnocentrism very strongly focuses on only one version of interethnic relations, based on contempt, hostility, and arrogance.

Moreover, the above definitions are on the whole consistent with Sumner's understanding of the phenomenon of ethnocentrism. Consequently, even several decades later, science is still dominated by the concept of the pioneer of this notion.

Meanwhile, subsequent ethnographers, who observed intertribal relations in the so-called 'primitive' societies in different regions of the world, noted that the model of interaction between ethnic groups, as described by Sumner, and later accepted as the canon, does not always correspond to the real models of interethnic relations. The accumulated factual material gave the basis for the following statement made in the 50s:

... we sociologists have been wont to repeat, rather than to test in its many implications, the thesis advanced by Sumner. Rather than regarding the in-groups that special kind of membership group which is characterized by inner - cohesion-and-outer-hostility, we have tended to develop the practice, encouraged by Sumner's own ambiguous formulations, of assuming that all membership groups exhibit the characteristics of the in-group. Nor are sociologists alone in this practice (85, p.61).

The answer to this question can be considered the results of numerous ethnographic expeditions describing the picture corroborating the multiple variations of ethnic contact situations: from open hostility to neutrality and even friendship and cultural exchange. Such are, for example, the results of Redfield's study, according to which the friendly relations between various tribes are not affected even by such important factors, as differences in language and culture (101).

Another example of an early ethnographic study refuting Sumner's postulates is the result of ethnographic research by Beidelman, conducted in East Africa. He described

instances where tribes living in Northern Tanzania and Western Kenya territories, considered certain Nilo-Hamitic tribes to be the exemplar, and imitate them in many aspects of culture and everyday life (7).

Observation and study of the mechanisms of the more general laws of human development is obviously easier in the instance of a more compact, isolated, and therefore more observable societies, such as contemporary oral societies. The picture becomes much more complicated when we witness the manifestation of these laws in more highly developed communities. Nevertheless, here as well we can find convincing historical facts of harsh interethnic rivalry going hand-in-hand with profound cultural exchange, as well as reasonably compelling paradoxes of our time, namely the synthesis of the truly primeval brutality of interethnic conflicts and the mutual interest and attraction, shared by representatives of different ethnicities. Apparently, the authors are right in claiming that:

... attitude towards another culture is a complex amalgam of the mistrust of others - and the desire to explore and attain it, of the attachment to one's way of life and ethnic peculiarities - and the desire to emulate everything, whether it is indeed the achievements of other peoples or just the outwardly impressive exotics (144, p.13).

Nevertheless, the conservatism in the interpretation of the concept of ethnocentrism has not yet been overcome. Scientists are still inclined to limit its definition to the components of xenophobia and in-group favouritism. For example, if we consider the most recent definitions of this notion in various encyclopaedias, it can be seen that the modern interpretation of ethnocentrism is still based on the main postulates of Sumner's concept. So, in the latest edition of "The Encyclopaedic Dictionary of Psychology", edited by Davey (2006), ethnocentrism is seen as a "Set of reactions in which preference for the culture of the in-group is coupled with hostility to one or more out-groups "(126, p. 247). Meanwhile, the "APA Dictionary of Psychology", also published in 2006, and edited by VandesBos, provides the following definition:

Ethnocentrism the tendency to reject and malign other ethnic groups and their members while glorifying one's own group and its members. Just as egocentrism is the tendency to judge oneself as superior to others, so ethnocentrism is the parallel tendency to judge one's group as superior to other groups (5, p.345).

As we can see, it also ignores the obvious facts of contrary phenomena identified by us, in accordance with the above, such as xenophilia and out-group favouritism. Faced with these phenomena, many researchers, reluctant to upset the established tradition, prefer to just add to the concept of ethnocentrism such epithets as "sympathetic" or "flexible", rather than violate the established canons in the definition of this phenomenon.

Nevertheless, the obvious equivocalness and ambiguity of the interpretation of this notion make themselves felt one way or another. So, in the previously published "Encyclopedia of Psychology" (1994), edited by Consini, the authors, referring to Sumner, draw a clear distinction between his two main ideas, namely:

- (1) the tendency for people to view their own group as the reference against which all other groups are judged;
- (2) the tendency to view one's own group as superior to other groups (41, p.455).

Moreover, they emphasise the fact that "... in its first usage ... this tendency in itself does not imply the second ". Despite the subsequent remark that "ethnocentrism is more commonly tied today to the second of Sumner's tendencies", their questioning in itself indicates the clear equivocalness of the interpretation of this concept (Ibid.).

Indeed, if we look at the primary source, namely Sumner's definition of ethnocentrism, we can see that the person responsible for the origin of the concept defined it only as a "view of things", in other words, the point of view or even the ideology which considers its own group, occupying the centre in ethnocentrism's consciousness, to be the standard, and therefore dictates the need and necessity to measure and evaluate other groups only in relation to it. As it could be seen, in the definition of the essence of ethnocentrism itself, there is not a hint of a single negative or positive attitude towards external groups. If we consider this primary and, in our view, the fundamental definition of ethnocentrism, without subsequent unilateral interpretations of this phenomenon, then, in our view, all known models of relationships between different ethnic groups, regardless of their nature and content, can be attributed to the phenomenon of ethnocentrism, since an ethnic group and the subject representing it will compare, measure and evaluate all foreign ethnic groups and their subjects from

its own perspective. One's own group is the imperative point of reference, the center of the worldview. The focus of vision, the system of values, as well as the views regarding interaction with representatives of the out-group in each particular case will depend on the influence of various psychological, social, political, cultural and economic factors. Therefore, we concur with those authors who argue that:

ethnocentrism is not necessarily equated with ethnic prejudice and racism; instead, it is the tendency to use one's group or culture as the reference in judging other groups, with this judgement resulting in negative, indifferent, or positive evaluation (45,p.315).

Thus, we understand ethnocentrism as a type of ordinary, in other words, everyday life worldview, in which ideas about the world and people are refracted through the prism of ethnic consciousness. The bearer of the so-called ethnocentric worldview is the *ethnofore*, a person or a social group that perceives reality as ethnic diversity and considers it from the perspective of its own ethnic group, its culture, traditions and way of life.

Based on results of previous research, and on the basis of our proposed concept that ethnocentrism is a specific worldview that regulates the conduct of an individual, group, and society (IGS) in various situations of ethnic contact, this study distinguished the following ethnocentric perspectives or views and their corresponding forms of manifestation of ethnocentrism:

1. The system of views that recognises the priority of harmonious coexistence of ethnic groups, suggests that the individual, group, or society viewing the image of their own ethnic community as positive, perceiving their history, culture and traditions in a positive light, experiencing a sense of pride and patriotism, recognise the right of others to the same point view in relation to their own ethnic group. Such position enables the following alternative of development of an ethnic contact situation:
 - a) in-group displays tendencies towards active communication, collaboration and cultural interchange with the out-group. Let us call this particular form of ethnocentrism '**sympathetic**'. Typically, this form of interethnic interactions is characteristic of ethnic groups with a relatively adequate socio-cultural and economic status, as well as a reasonably lengthy historical coexistence. An example if this is the peaceful coexistence

of many European nations, especially those that have proved the possibility of cross-cultural interaction based on mutual respect and fruitful cooperation.

b) behavioral strategy of the in-group is distinguished by intent to preserve a distance from the out-group. In this instance, the relationship between the ethnic groups continue to be relatively peaceful, and are characterised by mutual respect and tolerance. We define this as '**tolerant**' ethnocentrism. One example in this case could be relationships between some Diasporas in countries of active emigration, such as the United States, Canada, Australia or New Zealand. These are so-called 'parallel', rarely intersecting worlds. The main obstacles to an active convergence of certain ethnic groups in these societies are not only reasonably profound cultural, historical, and socio-psychological differences, but also a relatively short period of mutual adaptation.

2. The ideological position, based on the belief in the legitimacy of the electoral and critical exploration of interethnic space, is that in this case the in-group favouritism is combined with a moderate helping of criticism towards a different ethnic group as a whole, as well as towards its individual representatives. Some degree of negativism may be caused by past historical antagonism towards this ethnic group, or by current socio-political or economic differences. External ethnonegativism can sometimes spring from dissimilarities in culture and way of life of the observed out-group that are too contrasting. Here, the relationship can take the following forms:

a) The '**flexible**' ethnocentrism, suggested to be the instance where an in-group seeks to rationally regulate the communication with the out-group in the more vulnerable areas of the relationship, giving the main priority to the development of those contacts that from the point of view of the in-group suit its interests and do not cause any damage. It is argued that the relationships of many post-Soviet countries are based precisely on the principles of flexible ethnocentrism. The most telling example in this case is the relationship between the Baltic States and Russia, since both parties seek to manage all the processes of international and intercultural interaction in the most efficient and optimal way.

b) The '**confrontational**' ethnocentrism is when an in-group, seeking maximum protection of its interests, focuses on resolving conflicts with the out-group. In this case, the development of all contacts is subject to solving this particular problem. Unfortunately, not many countries can claim that they lack certain ethnic regions, struggling for some form of sovereignty, not to mention the more global cross-national differences. Some examples could be a permanent struggle for sovereignty of the province of Quebec in Canada, the actualisation of interethnic conflicts in some post-Soviet countries, for instance relationship between Georgia and Russia, etc. Where attempts at diffusing conflicts lead to their escalation, the tension of the ethnic contact situation can increase. As a result, there is a tendency towards molding the following phase of the development of ethnocentrism.

3. Worldview that justifies and defends ideas of interethnic antagonism, entails the same classic case, which had been observed and described by Sumner. The confrontation with the out-group, cultivated over a reasonable length of time, leads to a burgeoning in-group favouritism and antagonism towards the opposing ethnic socioum. Scenarios of development of their relations differ only in the degree of escalation of ethnic tensions.

a) With '**rejectional**' ethnocentrism, if an out-group dominates, then the in-group, for the purposes of self-preservation, sometimes tries to distance itself from the out-group and to reduce the number of spheres of interaction and of contacts with it. If a larger and stronger in-group is characterised by its high degree of interethnic intolerance, the result of such a strategy is often the displacement of the weaker out-group in so-called 'reservations', which are not only territorial, but also a particular politico-economic and socio-cultural zones of exclusion. In many countries there are specific enclaves, in which intentionally or inadvertently are gathered the least socially protected and the negatively perceived in these countries ethnic minorities. An example of the politico-economic and the socio-cultural isolation is the phenomenon where, as a result of discrimination in the spheres of employment and education, people of a certain ethnicity are over-represented in the least prestigious and the lowest-paid areas of public life.

b) A harsher strategy, namely the '**militant**' ethnocentrism of an in-group suggests violent actions up to and including the destruction of the out-group through forced assimilation, active stimulation of conditions causing the natural extinction of the out-

group, physical extermination of its members in the process of interethnic conflicts and wars. Unfortunately, recent history is replete with examples of such events: a global and rather bloody ethnic division of Yugoslavia, the never-ceasing genocide in many African countries, the escalation of the modern Russian fascism, aimed against migrants from the neighboring post-Soviet countries, etc.

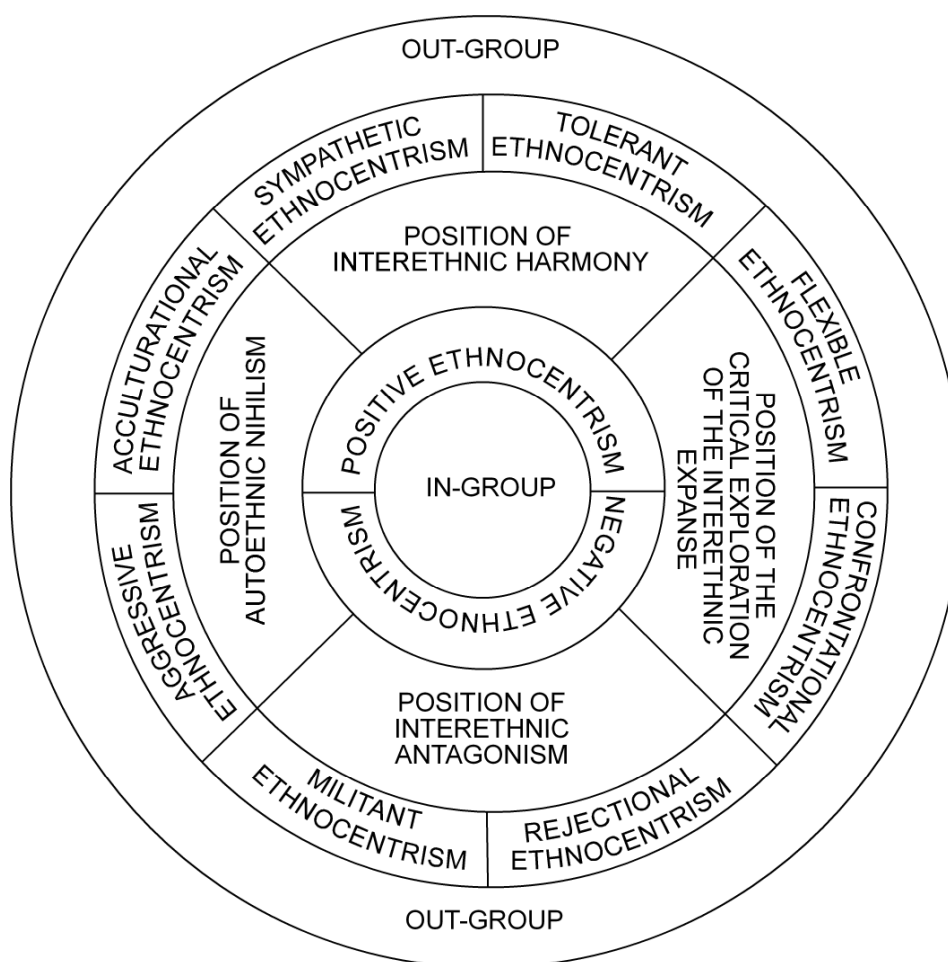
4. Views distinguished by a particular kind of autoethnic nihilism derive from the phenomenon of in-group negativism. Typically, it occurs in response to a drop in the prestige of one's own ethnic community. In extreme cases IGS perceive their own ethnic community extremely negatively, experiencing a certain complex of inferiority, shame, anger and frustration with the history, culture and traditions of their nation, and its current state. Peculiarities of attitudes and behavior of an ethnic community as a whole, as well as of an individual ethnoform in particular, in such a scenario will be determined by the specifics of the situation in which they will be forced to act.

a) where the development of relations with the out-group is favourable, and where there is to some extent, anthropological and cultural similarity of the ethnic groups in contact, as a reverse reaction there can occur out-group favouritism, which would result in the in-group striving for very close contact with the other dominant and more successful ethnic community, to various forms of interaction and exchange with it in areas where the out-group is considered to be the standard. This is a well-known process of acculturation. In extreme cases, precedents of voluntary assimilation can occur. So, for example, many post-Soviet countries display a clear trend to acculturation of some ethnic minorities with the designated ethnic group. The study calls this form as **'acculturational'** ethnocentrism.

b) where interethnic relations are characterised by a certain disharmony, while the culture and way of life of the out-group are not only unacceptable from the point of view of the in-group, but also provide a marked contrast, making assimilation more difficult, the simultaneous in- and out-group negativism takes the form of protest and develops into aggressive cultivation and demonstration of the negative ethnic image based on the principle of 'even if we are bad, we are still ourselves'. In such a scenario, an open conflict is rather likely. A suggested label in this case is **'aggressive'**

ethnocentrism. This form of manifestation of ethnocentrism mostly characterises various criminal networks, formed along ethnic lines.

The types of ethnocentrism considered above can be divided into two levels, depending on the attitude of the in-group to the out-group. The first level includes such types of ethnocentrism as **confrontational**, **rejectional**, **militant** and **aggressive**. They are all united by one feature - negativism towards the out-group. Therefore, this level of ethnocentrism is defined as **negative**. The second level, represented by **sympathetic**, **tolerant**, **flexible** and **acculturational** forms of ethnocentrism, is distinguished by positive attitude on the whole towards the out-group and, therefore, in contrast to the first level of ethnocentrism it can be described as **positive**. Our understanding of the phenomenon of ethnocentrism can be provisionally expressed in the following model:

This work intends to state that, hypothetically, any ethnic group has some capacity to exercise all of these forms and levels of ethnocentrism. The development of this potential will depend on the history of relations between the contacting ethnicities, characteristics and differences in their culture and mentality, and the evolution of political and economic situation of their interaction.

Naturally, the proportions of different forms and levels of ethnocentrism, the dynamics of their development and transformation, as well as their combination in each case will be as varied and diverse, as are varied and diverse ethnic contact situations involving one or another ethnic community. This study would like to make another postulate, namely, with any combinations, any one form of ethnocentrism will always be prevalent, and it will determine the structure of this particular ethnic worldview, as well as, so to say, conducting or managing its direction and content.

This research is fully aware that its interpretation and understanding of ethnocentrism as a specific ethnic worldview, as well as the model of its structure proposed by us are very much open to discussion. But it does not claim the absolute truth and is open for a debate, because, despite the fact that ethnocentrism has a fairly long history of study, many issues concerning its nature, structure, social and psychological functions have still not been satisfactorily resolved. They require further studies to identify the real place of this phenomenon in interethnic relations.

In turn, this investigation will attempt to consider the extent to which the concept of the nature of ethnocentrism and its structure proposed by it is consistent with the most significant theories of the origin of ethnocentrism and its functions. It should be pointed out at once that the authors of most of the concepts represented here hold traditional views on ethnocentrism as a socio-psychological phenomenon, the essence of which is interethnic hostility. It is our understanding that this is the so-called negative ethnocentrism.

In addition, it should be noted that, having acquired considerable popularity, the concept of ethnocentrism was subjected to extended interpretation. Today, in the work of many European and American authors the term "ethnocentrism" is used not only to characterise interethnic interactions, but also is introduced into the non-ethnic context and serves to indicate the negativism with respect to any social group. This to some

extent supports the concept proposed by this work, as it considers a certain megagroup, namely a geo-political and socio-cultural phenomenon, summed up by a single notion of 'the West'. This concept will be refined in the next chapter.

With regard to the analysis of works by the aforementioned authors, the thesis will certainly use the terminology proposed by them, only clarifying it in relation to the subject under consideration. At the same time, this research reserves the right, for the purposes of better articulation of our position, to continue using, where appropriate, concepts proposed here, such as, first and foremost, negative and positive ethnocentrism.

ГЛАВА I. Этноцентризм как феномен обыденного сознания: основные теоретико-методологические подходы к исследованию его генезиса и функций.

1. 1. Понятие этноцентризма, его структура, формы и уровни проявления.

Каждая эпоха развития человеческого общества отмечена определенной социально-политической доминантой, которая диктует характер, содержание и смысл исторической динамики современной цивилизации. Эволюция человечества знала периоды становления религиозного мировоззрения и религиозного противостояния, формирования классового сознания и классовой борьбы, национально-государственной суверенизации и антагонизма этих суверенитетов. Своеобразным символом недавно завершившегося XX века можно назвать феминизм, не только актуализировавшего гендерный фактор, но и обозначившего гендерный барьер. Что касается наступившего XXI века, то есть все основания предположить, что он имеет тенденцию определиться как столетие экстремального роста этнического самосознания и, к сожалению, противоборства этносов, ибо 'этнический' фактор, уже заявивший о себе и проявивший себя в предыдущие столетия, явно начинает приобретать статус решающего детерминанта в современной геополитике.

Актуализация этничности, активизация этнократических институтов и сообществ, а также наблюдаемые в последнее время межэтнические конфликты являются подтверждением вышеприведенному предположению. Межэтнические проблемы стали своеобразным эпицентром социальной реальности. Человечество все в большем объеме сталкивается с такими явлениями как этническое насилие, этническая интолерантность, катастрофическое увеличение числа вынужденных этнических эмигрантов и т.п.

Таким образом, сама жизнь поставила перед исследователями задачу изучения природы межэтнических отношений, особенностей этнического мировосприятия, причин возникновения межэтнической напряженности.

В качестве одного из основных механизмов, определяющих особенности межэтнического восприятия и закономерности межэтнического взаимодействия, признано такое явление как этноцентризм.

Изучение любого научного предмета требует, прежде всего, уточнения главного понятия и сопутствующих ему основных терминов и концептов. Особенно справедливо это по отношению к тем из них, дискуссии по которым еще далеки от своего завершения. Именно к таковым относится и проблема этноцентризма, поскольку учеными до настоящего времени не достигнута единая точка зрения на понимание сущности этого социально-психологического феномена.

В научный оборот понятие этноцентризма было введено еще в начале XX века. Его автор У. Самнер дал ему следующее определение:

Ethnocentrism is the technical name for this view of things in which one's own group is the center of everything, and all others are scale and rated with reference to it (115, p.8).³

Как это бывает с наиболее удачными и актуальными теоретическими находками понятие этноцентризма сразу было востребовано в самом широком научном дискурсе: от антропологии и культурологии до психологии и политологии. Видимо, именно этой междисциплинарной востребованностью, в первую очередь, и объясняются продолжающиеся научные дебаты по определению природы и содержания этого явления. Наиболее неоднозначны позиции ученых относительно генезиса этноцентризма, его назначения и функций, вопроса о правомерности социально-нравственной оценки этого феномена и, наконец, определения диапазона явлений, которые можно обозначить понятием этноцентризма.

Нам бы хотелось сосредоточить свое внимание, главным образом, на решении последней задачи, а именно, уточнении понятия этноцентризм и его содержания, поскольку в нашем исследовании мы хотели бы предложить достаточно радикальное изменение трактовки данного явления. Кроме того, этот фокус нашего научного интереса объясняется конечными целями данной работы, а

³ Этноцентризм - это техническое название такого взгляда на вещи, при котором своя собственная группа считается центром всего, а все остальные измеряются и оцениваются в сопоставлении с ней. - *Перевод авт.*

именно, подтвердить наши научные позиции и подходы по данному вопросу на примере конкретного социального феномена: русского этноцентризма.

Следует сразу заметить, что Самнер, вводя понятие этноцентризма был достаточно категоричен, ибо разрабатывая основные постулаты своей концепции в рамках популярной в начале XX века теории социального дарвинизма, ученый, по сути, абсолютизировал наблюдаемые им проявления этноцентризма в соответствии с известным законом борьбы за существование и представил их как единственно возможную стратегию взаимодействия различных социальных групп. Используя обширный эмпирический материал на основе изучения жизни так называемых 'примитивных' обществ ученый пришел к заключению, что отношения внутри какого-либо этноса строятся, как правило, на принципах сотрудничества, взаимной поддержки, соблюдения заданных норм поведения и субординации. И, наоборот, взаимоотношения между этносами носят характер враждебности, конкуренции, противостояния и зачастую даже войны.

Анализируя народные обычаи и нравы, Самнер отмечал, что этноцентризм проявляется, когда “group nourishes its own pride and vanity, boasts itself superior, exalts its own divinities, and looks with contempt on outsiders”.⁴ Далее Самнер указывает, что “each group thinks its own folkways the only right ones, and if it observes that other groups have other folkways, these excite its scorn” (115, p.8).⁵ В результате позиция, при которой собственная этническая группа (ингруппа) рассматривается как бесспорный эталон, соответственно чему оцениваются другие этнические группы (аутгруппы), создает условия для формирования позитивной оценки собственной группы и ее культуры, так называемый ингрупповой фаворитизм, и негативной оценки аутгруппы. Эти представления сопровождаются переживаем чувств доверия к собственной группе, стремлением сохранить ингрупповое членство, соответствовать ее нормам и требованиям, вплоть до готовности жертвовать собой ради интересов группы. Одновременно в

⁴ “группа культивирует собственную гордость и тщеславие, выставляет свое превосходство, превозносит свои достоинства и демонстрирует презрение к аутсайдерам” - *Перевод авт.*

⁵ “каждая группа считает, что их собственные традиции являются самыми правильными, а в том случае, если они становятся свидетелями чужих обычаев, то воспринимают их с презрением” - *Перевод авт.*

отношении аутгруппы испытываются чувства презрения, недоверия, страха, а в поведении наблюдается изоляция или враждебные действия.

Учитывая, что данные атрибуты внутриэтнических и межэтнических отношений рассматриваются Самнер как рядоположенные проявления, неразрывно связанные в целостный комплекс, некоторые ученые считают правомерным обозначить данный феномен таким понятием как “синдром этноцентризма” (115, р.7). Согласно такой позиции этноцентризм, как социально-психологическое явление, представляет собой особое состояние сознания этнической группы, связанное с гипертрофией позитивных этнокультурных характеристик ингруппы, утверждением превосходства ее культуры над культурой аутгруппы, одновременно неотделимое от проявлений неприязни, враждебности в отношении последней. При этом внутриэтническая солидарность и лояльность, с одной стороны, и межэтнический негативизм, с другой, связаны между собой важной функциональной зависимостью: поддержание такого ин-аутгруппового баланса необходимо для усиления интеграции внутри этнической группы, упорядоченности ее внутригрупповых отношений в целях выживания этноса.

Таким образом, для концепции У. Самнера, базовыми являются два следующих положения: 1) о взаимосвязи внутриэтнической сплоченности и межэтнического негативизма (чем сильнее ненависть и соперничество этноса с его иноэтническим окружением, тем больше его внутренняя организованность и сплоченность, и наоборот); 2) межэтнические (этнокультурные) различия неизбежно ведут к ненависти и отчуждению в межгрупповых отношениях. Рассматривая лишь один из возможных ракурсов взаимоотношений этноконтактных групп, Самнер не только придал ему универсальный, неизбежный характер, но и констатировал его необходимость (115, 116).

Указанные положения оказали определяющее влияние на развитие теоретических и конкретно-эмпирических исследований в области межэтнических, и шире, межгрупповых отношений. На протяжении долгого периода развития науки внимание исследователей почти исключительно было сосредоточено на негативных сторонах межэтнических отношений. Это способствовало гипертрофии обозначения роли негативизма в отношениях этносов, недооценке позитивных сторон межэтнических контактов, приводило к

упрощенному пониманию природы феномена этноцентризма и межэтнических отношений в целом.

Для того, чтобы нагляднее представить определенный консерватизм в развитии теории этноцентризма обратимся к различным редакциям этого понятия в таких репрезентативных источниках как энциклопедии, справедливо полагая, что именно в них суммируются и отражаются наиболее значимые и согласованные позиции ученых и специалистов по тем или иным вопросам. Так, опубликованный в 1944 году «Социологическом словаре» (“Dictionary of Sociology”) дает следующее определение этноцентризму:

An emotional attitude which holds one's own group, race or society to be superior to other racial or cultural entities, combined with contempt for the outsider and his ways ... (37, p.453).⁶

Во “Всеобщем словаре психологических и психоаналитических терминов” (“A Comprehensive Dictionary of Psychological and Psychoanalytical Terms”) 1958 года издания этноцентризм интерпретируется как:

1. the tendency to exalt the superiority of the group (esp. the national or ethnic group) to which one belongs and to judge outsiders, often contemptuously, by the standards of one's own group ...
2. a hypothesized syndrome of underlying attitudes that involve the following division of the social world into in-group with which one identifies and to which one submits, and out-groups to which one is hostile; positive stereotype of the former and negative stereotype of the latter; and the arrangement of the in-groups and out-groups into an evaluative hierarchy in which the former are always dominant and the latter always subordinate (1, p.189).⁷

⁶ Эмоциональная установка, при которой собственная группа, раса или общество считаются стоящими выше других расовых или культурных сообществ и которая сочетается с презрением к аутсайдеру и его обычаям. - *Перевод авт.*

⁷ 1. тенденция превозносить превосходство группы (особенно национальной или этнической группы), к которой принадлежит субъект, и судить аутсайдеров, часто презрительно, в соответствии со стандартами своей собственной группы...

2. гипотетический синдром основных установок, при которых общество разделяется на ингруппу, с которой субъект отождествляет себя и которой подчиняется, и аутгруппы, к которой он относится враждебно; позитивный стереотип первой и негативный стереотип последних; а также ранжирование ингрупп и аутгрупп в оценочную иерархию, в которой первые всегда доминируют, а последние подчиняются. - *Перевод авт.*

Как видим, несмотря на почти пятнадцатилетний интервал, в обоих случаях в толковании феномена этноцентризма весьма категорично делается акцент только на одной версии межэтнических взаимоотношений, основанных на презрении, враждебности, высокомерии.

Более того, вышеприведенные определения целиком соответствуют самнеровскому пониманию феномена этноцентризма. Следовательно, спустя даже несколько десятилетий в науке по-прежнему доминирует концепция родоначальника этого понятия.

Тем временем, последующие этнографы, наблюдавшие межплеменные отношения в так называемых 'примитивных' обществах в различных регионах мира, констатировали, что модель взаимодействия этнических групп, обозначенная Самнер, а затем принятая за классический образец, не везде соответствует реальным моделям межэтнических отношений. Накопленный фактологический материал дал основание еще в 50-е годы заявить:

... we sociologists have been wont to repeat, rather than to test in its many implications, the thesis advanced by Sumner. Rather than regarding the in-groups that special kind of membership group which is characterized by inner-cohesion-and-outer-hostility, we have tended to develop the practice, encouraged by Sumner's own ambiguous formulations, of assuming that all membership groups exhibit the characteristics of the in-group. Nor are sociologists alone in this practice.(85, p.61).⁸

Ответом на заданный вопрос можно считать результаты многочисленных этнографических экспедиций, представивших картину, которая свидетельствовала о многовариантности этноконтактных ситуаций: от откровенной вражды до нейтралитета и даже дружбы и культурного взаимообмена. Таковы, например, итоги исследования Р. Редфилд (R. Redfield), согласно которым на дружественные отношения между различными племенами не влияют даже такие важные факторы как различия в языке и культуре (101).

⁸ ...мы, социологи, более склонны повторять, нежели проверять тезис, разработанный Самнером. Вместо того, чтобы рассматривать ингруппы как группы с особым видом членства, отличающиеся внутренней сплоченностью и внешней враждебностью, мы, воодушевленные неоднозначными определениями Самнера, стремимся придерживаться практики, при которой считается, что все группы проявляют характеристики ингруппы. И социологи не единственные, за кем это водится. - *Перевод авт.*

В качестве другого примера ранних этнографических исследований, опровергающих постулаты Самнера, можно привести результаты этнографических изысканий Т. Бейделман (T. Beidelman), проведенных в Восточной Африке. Им были описаны случаи, когда племена, живущие на территории Северной Танзании и Западной Кении, используют в качестве эталона некоторые нило-хамитские племена и подражают им во многих аспектах культуры и повседневного быта (7).

Наблюдение и изучение механизмов наиболее общих законов общечеловеческого развития заведомо проще на примере более компактных, изолированных, а, следовательно, более обозримых социумов, каковыми являются современные бесписьменные народы. Картина намного усложняется, когда мы становимся свидетелями проявления этих законов в более высокоразвитых сообществах. Тем не менее, и здесь весьма убедительны как исторические факты сочетания жесткого межэтнического соперничества и интенсивного культурного взаимообмена, так и достаточно наглядные парадоксы современности, а именно синтез поистине первобытной жестокости межэтнических конфликтов и взаимного интереса и симпатий, разделяемых представителями различных этносов. Видимо, правы авторы, утверждающие, что:

... отношение к чужой культуре есть сложная амальгама недоверия к чужому – и стремления его узнать и освоить, привязанности к своему быту и этническим особенностям – и стремления все перенимать, будь это действительные достижения других народов или же внешне эффектная экзотика (144, с.13).

Тем не менее, консерватизм в трактовке понятия этноцентризм пока еще не преодолен. Ученые по-прежнему склонны вкладывать в его определение как исключительные компоненты ксенофобию и ингрупповой фаворитизм. Так, если обратиться к наиболее поздним редакциям этого понятия в различных энциклопедических изданиях, то можно убедиться, что современное толкование этноцентризма по-прежнему базируется на основных постулатах концепции Sumner. Так, в последнем издании “Энциклопедического словаря по психологии” (“The Encyclopaedic Dictionary of Psychology”) под редакцией Г. Дэвей (G.

Davey)(2006), этноцентризм рассматривается как “Set of reactions in which preference for the culture of the in-group is coupled with hostility to one or more out-groups”(126, p.247).⁹ А в изданном в том же 2006 году Американской ассоциацией психологов «Словаре психологии» (“APA Dictionary of Psychology”) под редакцией Г. ВандэнБос (G. VandenBos) дается следующее определение:

Ethnocentrism the tendency to reject and malign other ethnic groups and their members while glorifying one's own group and its members. Just as egocentrism is the tendency to judge oneself as superior to others, so ethnocentrism is the parallel tendency to judge one's group as superior to other groups (5, p.345).¹⁰

Как видим, и здесь абсолютно игнорируются очевидные факты обратных явлений, обозначенных нами, по аналогии с вышеприведенным, как ксенофилия и аутигрупповой фаворитизм. Сталкиваясь с вышеуказанными феноменами, многие исследователи, боясь нарушить сложившуюся традицию, предпочитают лишь добавить к понятию этноцентризм такие эпитеты как “благожелательный” или “гибкий”, не нарушая при этом установившиеся каноны в определении этого явления.

Тем не менее, явная полемичность и неоднозначность толкования данного понятия так или иначе дают о себе знать. Так, в ранее изданной «Энциклопедии психологии» (“Encyclopedia of Psychology”) (1994) под редакцией Р. Конзини (R. Consini), авторы, ссылаясь на У. Самнера, проводят четкую дифференциацию между двумя его основополагающими идеями, а именно:

- (1) the tendency for people to view their own group as the reference against which all other groups are judged;
- (2) the tendency to view one's own group as superior to other groups (41, p.455)¹¹

⁹ “Психологическая установка, при которой предпочтение собственной культуры сопровождается с враждебностью к одной или более аутигруппам”. - *Перевод авт.*

¹⁰ Этноцентризм - это тенденция отвергать и злословить о других этнических группах и их членах, одновременно превознося собственную группу и ее членов. Так же, как эгоцентризм - это тенденция считать себя выше других, так же и этноцентризм - это параллельная тенденция считать свою группу выше других групп. - *Перевод авт.*

¹¹ (1) тенденция, при которой люди рассматривают свою группу как эталон, в соответствии с которым они судят все другие группы;
(2) тенденция, при которой люди считают, что их собственная группа выше других групп. - *Перевод авт.*

Более того, они делают особый акцент на том, что “... in its first usage ... this tendency in itself does not imply the second”.¹² Несмотря на последующую ремарку о том, что “ethnocentrism is more commonly tied today to the second of Sumner's tendencies”¹³, сама постановка вопроса указывает на явную дискуссионность толкования данного понятия (Там же).

Действительно, если обратиться к первоисточнику, а именно к самнеровскому определению этноцентризма, то можно убедиться, что родоначальник этого понятия определял его лишь как “view of things”, другими словами, точку зрения или даже мировоззрения, согласно которому собственная группа, находясь в центре сознания этнофора, является референтной, а посему диктует необходимость и неизбежность соотносить ей соизмерять и оценивать другие группы. Как видим, в непосредственном определении сущности этноцентризма нет и намека на какую-либо одну отрицательную или положительную позицию по отношению к внешним группам. Если исходить из этого первоначального и, на наш взгляд, основополагающего определения этноцентризма без последующих односторонних трактовок данного явления, то, по-нашему мнению, все известные модели взаимоотношений различных этнических групп, независимо от их характера и содержания, можно отнести к явлению этноцентризма, ибо любая этническая группа и представляющий ее субъект будет сопоставлять, соизмерять и оценивать все внешние этнические группы и ее субъекты с точки зрения собственной. Собственная группа – это обязательная точка отсчета, центр мировосприятия. Фокус зрения, система оценок, а также установки на взаимодействие с представителями аутгруппы в каждом конкретном случае будут зависеть от влияния различных психологических, социальных, политических, культурных и экономических факторов. Исходя из этого, мы солидаризуемся с теми авторами, которые утверждают, что:

ethnocentrism is not necessarily equated with ethnic prejudice and racism; instead, it is the tendency to use one's group or culture as the reference in judging other groups, with this judgement resulting in negative, indifferent, or positive

¹² “... первая тенденция сама по себе не подразумевает второй”. - *Перевод авт.*

¹³ «Этноцентризм в современном толковании более употребителен в связи со второй отмеченной Самнером тенденцией». - *Перевод авт.*

evaluation (45, p.315).¹⁴

Таким образом, мы понимаем этноцентризм как разновидность обыденного, другими словами житейского мировоззрения, в котором представления о мире и человеке преломляются сквозь призму этнического сознания. Носитель, так называемого, этноцентристского мировоззрения – этнофор, личность или социальная группа, воспринимающая действительность как этническое многообразие и осмысляющая ее с позиции собственного этноса, его культуры, традиций и образа жизни.

Основываясь на результатах предыдущих исследований и исходя из предложенной нами концепции о том, что этноцентризм – это специфическое мировоззрение, регулирующее поведение индивида, группы, социума (ИГС) в различных этноконтактных ситуациях, мы выделяем следующие этноцентристские позиции или взгляды и соответствующие им формы проявления этноцентризма:

1. Система взглядов, признающая приоритет гармоничного сосуществования этносов, предполагает, что индивид, группа, социум, воспринимая образ собственного этнического сообщества как положительный, благоприятно относясь к его истории, культуре и традициям, испытывая чувства гордости и патриотизма, признают право других на аналогичную точку зрения относительно собственного этноса. При такой позиции возможна следующая альтернатива развития этноконтактной ситуации:
 - а) ингруппа проявляет установки на активное общение, взаимодействие и культурный взаимообмен с аутгруппой. Назовем именно эту форму проявления этноцентризма **'благожелательным'**. Как правило, эта форма межэтнического взаимодействия характерна для этносов с относительно адекватным социально-культурным и экономическим статусом, а также достаточно длительным историческим сосуществованием. В качестве

¹⁴ этноцентризм необязательно приравнивается к этническим предрассудкам и расизму; это скорее тенденция принимать свою группу или культуру за отправную точку при суждении других групп, выражающееся в негативной, безразличной, или позитивной оценке.- *Перевод авт.*

примера можно привести мирное сосуществование многих народов Европы, особенно тех из них, которые доказали возможность межкультурного взаимодействия, основанного на принципах взаимоуважения и плодотворного сотрудничества

б) поведенческая стратегия ингруппы отличается установками на сохранение дистанции с аутгруппой. При этом отношения этносов сохраняются довольно мирными и характеризуются взаимным уважением и терпимостью. По нашему определению это **'толерантный'** этноцентризм. Думаю, что лучшим примером в этом случае могут служить взаимоотношения некоторых диаспор в странах активной эмиграции таких, как например США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Это, так называемые, 'параллельные', редко пересекающиеся миры. Основным препятствием к активному сближению определенных этносов в таких обществах являются не только достаточно кардинальные культурно-социальные различия, но и сравнительно короткий период взаимной адаптации.

2. Идеиная позиция, основанная на убеждении о правомерности избирательного или критического освоения межэтнического пространства, выражается в том, что в этом случае ингрупповой фаворитизм сочетается с умеренной долей критицизма как в целом по отношению к другой этнической общности, так и к отдельным ее представителям. Некоторый негативизм может быть вызван либо прошлыми историческими противоречиями с данным этносом, либо современными социально-политическими или экономическими разногласиями. Источником внешнего этнонегативизма иногда могут быть слишком контрастные различия в культуре и образе жизни воспринимаемой аутгруппы. Здесь также возможны различные варианты взаимоотношений:

а) **'Гибким'** этноцентризмом мы назовем тот случай, при котором ингруппа стремится разумно регулировать общение с аутгруппой в наиболее уязвимых сферах взаимоотношений, отдавая, главным образом приоритет развитию тех контактов, которые с точки зрения ингруппы

отвечают их интересам и не наносят им какого-либо ущерба. Думаю, именно на принципах гибкого этноцентризма в настоящее время основываются взаимоотношения многих постсоветских стран. Наиболее показательным примером в этом случае послужат отношения между прибалтийскими государствами и Россией, поскольку и та и другая сторона стремятся наиболее рационально и оптимально регулировать все процессы межгосударственного и межкультурного взаимодействия.

б) '**Конфронтационным**' этноцентризм будет тогда, когда ингруппа, стремясь максимально защитить свои интересы, делает акцент на разрешении противоречий с аутгруппой. При этом развитие всех контактов подчиняется решению именно этой задачи. К сожалению, не очень многие страны могут заявить об отсутствии определенных этнических регионов, борющихся за какую-либо форму суверенитета, не говоря уже о более глобальных межнациональных разногласиях. За примерами далеко ходить не надо: перманентная борьба за суверенитет провинции Квебек в Канаде, актуализация межэтнических противоречий некоторых постсоветских стран как, например, взаимоотношения между Грузией и Россией и т.п. В том случае, если попытки разрешения противоречий приводят к их эскалации, то напряженность этноконтактной ситуации может возрасти. В результате обозначается тенденция к оформлению нижеследующей фазы развития этноцентризма.

3. Мировосприятие, оправдывающее и отстаивающее идеи межэтнического антагонизма, влечет за собой тот самый классический случай, который наблюдал и описал У. Самнер. Культивировавшаяся достаточно длительное время конфронтация с аутгруппой приводит к гипертрофированному ингрупповому фаворитизму и антагонизму с оппозиционной этнической сообщностью. Сценарии развития их взаимоотношений отличаются лишь степенью эскалации межэтнической напряженности.

а) При '**резекционном**' этноцентризме, если аутгруппа доминирует, то ингруппа в целях самосохранения иногда стремится максимально дистанцироваться от аутгруппы и сократить сферы взаимодействия и

контакты с ней. Если более многочисленная и сильная ингруппа отличается повышенной степенью межэтнической интолерантности, то результатом такой стратегии поведения чаще всего является вытеснение более слабой аутгруппы в так называемые 'резервации', не только территориальные, но и своеобразные политико-экономические и социально-культурные зоны изоляции. Во многих странах существуют специфические анклавные, в которых произвольно или непроизвольно сосредотачиваются наименее социально защищенные и неблагоприятно воспринимаемые в этих странах этнические меньшинства. Примером политико-экономической и социально-культурной изоляции могут служить явления, когда в результате дискриминации в сферах труда и образования, люди определенной этнической принадлежности сосредотачиваются в наиболее малопrestижных и низкооплачиваемых сферах общественного бытия.

б) Более жесткая стратегия поведения, а именно '**воинственный**' этноцентризм ингруппы предполагает насильственные меры вплоть до уничтожения аутгруппы посредством принудительной ассимиляции, активного стимулирования условий естественного вымирания аутгруппы, физического истребления ее членов в процессе межэтнических конфликтов и войн. К сожалению, современная история изобилует примерами подобного рода событий: глобальное и достаточно кровопролитное межэтническое размежевание Югославии, не прекращающийся геноцид во многих странах Африки, эскалация современного русского фашизма, направленная против мигрантов из соседних постсоветских стран и т.д.

4. Взгляды, отличающиеся своеобразным автоэтническим нигилизмом, являются производными феномена ингруппового негативизма. Как правило, он возникает в качестве реакции на падение престижа собственной этнической общности. В экстремальных случаях ИГС воспринимают образ собственной этнической общности крайне отрицательно, испытывая при этом определенный комплекс неполноценности, чувства стыда, гнева и разочарования за историю, культуру, традиции своего народа, его современное состояние.

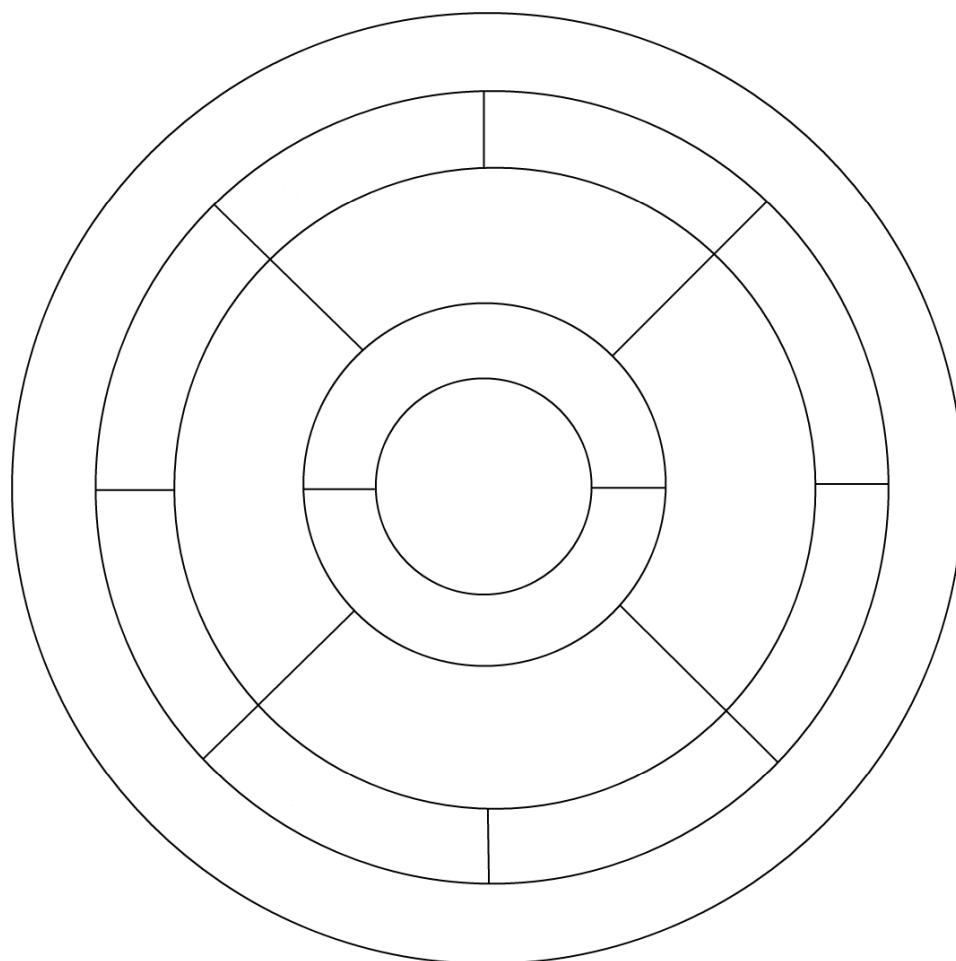
Особенности установок и поведения как этнического сообщества в целом, так и индивидуального этнофора, в частности, при таком развитии событий будут определяться спецификой ситуации, в условиях которой они будут вынуждены действовать.

а) при благоприятном развитии отношений с аутгруппой и при определенной степени антропологической и культурной тождественности контактирующих этносов как обратная реакция может возникнуть аутгрупповой фаворитизм, в результате которого ингруппа будет стремиться к самому тесному контакту с другим доминирующим и более успешным этническим сообществом, различным формам взаимодействия и обмена с ними в тех сферах, в которых аутгруппа представляется эталонной. Это известный процесс аккультурации. В крайних случаях могут возникнуть прецеденты добровольной ассимиляции. Так во многих постсоветских странах обозначилась явная тенденция к аккультурации некоторых этнических меньшинств с титульным этносом. Позволим себе обозначить эту форму проявления этноцентризма **'аккультурационным'**.

б) если межэтнические отношения характеризуются определенной дисгармонией, а культура и образ жизни аутгруппы не только не приемлемы с точки зрения ингруппы, но и отличаются чрезвычайной контрастностью, затрудняющей ее усвоение, то одновременный ин-и аутгрупповой негативизм приобретает форму протеста и перерастает в агрессивное культивирование и демонстрацию отрицательного этнического имиджа по принципу 'пусть мы плохие, но это мы'. При таком сценарии также весьма вероятен открытый конфликт. Думаю, наиболее приемлемым в данном случае будет определение **'агрессивный'** этноцентризм. Такая форма проявления этноцентризма наиболее характерна для различных криминальных структур, сформированных по этническому принципу.

Рассмотренные нами формы проявления этноцентризма можно подразделить на два уровня в зависимости от отношения ингруппы к аутгруппе. К первому уровню мы относим такие формы этноцентризма как **конфронтационный**,

резекционный, воинственный и агрессивный. Всех их объединяет одно свойство – негативизм по отношению к аутгруппе. Поэтому данный уровень проявления этноцентризма мы определяем как **негативный**. Второй уровень, представленный **благожелательным, толерантным, гибким и аккультурационным** формами этноцентризма, отличается в целом позитивным отношением к аутгруппе и поэтому по контрасту с первым этот уровень этноцентризма можно обозначить как **позитивный**. Наше понимание феномена этноцентризма можно условно изобразить в виде следующей модели:

Мы склонны утверждать, что гипотетически любая этническая общность содержит определенный потенциал к проявлению всех этих форм и уровней этноцентризма. Развитие этого потенциала будет зависеть от истории взаимоотношений контактирующих этносов, особенностей и различий в их

культуре и менталитета, эволюции политической и экономической ситуации их взаимодействия.

Разумеется, пропорции различных форм и уровней этноцентризма, динамика их развития и трансформации, а также их сочетание в каждом конкретном случае будут настолько разнообразны и многообразны, насколько разнообразны и многообразны этноконтактные ситуации, в которые вовлечена та или иная этническая общность. Хочется высказать еще одно предположение: на наш взгляд, при любых комбинациях всегда будет доминировать какая-либо одна форма этноцентризма, которая и будет определять структуру этого своеобразного этнического мировоззрения, а также, так сказать, дирижировать или управлять его направленностью и содержанием.

Мы вполне осознаем, что наше толкование и понимание этноцентризма как специфического этнического мировоззрения, а также предложенная нами модель его структуры весьма полемичны. Но мы отнюдь не претендуем на абсолютную истину и готовы к дискуссии, ибо, несмотря на то, что этноцентризм имеет довольно длительную историю изучения, многие проблемы, касающиеся его природы, структуры, социальных и психологических функций, не получили до сих пор удовлетворительного ответа. Они требуют дальнейших исследований, с целью выявления действительного места данного феномена в межэтнических отношениях.

Мы же, в свою очередь, попытаемся рассмотреть, в какой мере выдвинутая нами концепция о сущности этноцентризма и его структуре согласуется с наиболее значительными теориями происхождения этноцентризма и его функций. Следует сразу оговорить, что авторы большинства представленных концепций придерживаются традиционного взгляда на этноцентризм как социально-психологического феномена, сутью которого является межэтническая враждебность. В нашем понимании это так называемый негативный этноцентризм.

Кроме того, необходимо отметить, что, обретя значительную популярность, понятие этноцентризма подверглось расширительному толкованию. Сегодня в работах многих как европейских, так и американских авторов термин “этноцентризм” используется не только для характеристики межэтнического

взаимодействия, но вводится и во внеэтнический контекст и служит для обозначения негативизма в отношениях любых социальных групп. Это в некоторой степени поддерживает выдвинутую нами концепцию, поскольку в нашем случае речь идет о некой мегагруппе, а именно геополитическом и социально-культурном феномене, обозначенном единым понятием 'Запад'. Уточнению данного понятия мы уделим внимание в следующей главе.

Что касается анализа работ вышеупомянутых авторов, то мы, безусловно, будем использовать предложенную ими терминологию, лишь уточняя ее в рамках рассматриваемого нами предмета. В то же время мы оставляем и за собой право в дальнейшем для большей артикуляции нашей позиции употреблять, по мере необходимости, предложенные нами понятия, прежде всего, такие как негативный и позитивный этноцентризм.

1.2. Психодинамические подходы к изучению этноцентризма.

Первые попытки объяснения причин негативного этноцентризма были предприняты в рамках концепций психоаналитической и необиблиотеческой ориентации. Теоретическим источником в решении проблемы детерминации негативного этноцентризма для концепций указанной направленности послужили воззрения З.Фрейда (S. Freud) на природу межгрупповых отношений. Согласно ему, в основе любых социальных, в том числе и межэтнических, отношений лежит действие универсального “инстинкта нарциссизма”: как индивидами (членами различных групп или общностей), так и группами в целом движет представление о собственной исключительности и стремление к беспрепятственному удовлетворению своих природных влечений (52).

Концепции психоаналитической направленности рассматривают феномен негативного этноцентризма как проявление индивидуальных мотиваций в сфере межгрупповых (в частности, межэтнических) отношений. Согласно им, в основе феноменов ингрупповой приверженности и аутгруппового негативизма лежит конфликт между стремлением индивидов (членов групп) к удовлетворению тех

или иных врожденных потребностей, с одной стороны, и наличием различных препятствий и социальных ограничений на пути их удовлетворения, с другой (85, с.136-155).

Феномены аутгрупповой неприязни и враждебности понимаются как проективная реакция индивида на данный конфликт, как проявление и одновременно способ разрешения его внутриличностных противоречий за счет переноса внутренней неудовлетворенности на представителей других социальных (в частности, этнических) групп. Одновременно, феномены ингрупповой приверженности и приязни интерпретируются как замещенное удовлетворение нереализованных потребностей в любви, уважении, эмоциональной поддержке и общении с себе подобными (Там же).

Функции актов межэтнической враждебности заключаются в снятии состояния фрустрации индивидов. Такое смещение ненависти на аутгруппу может поощряться, институционализироваться в виде особых ингрупповых норм и традиций, закрепляющих негативный образ аутгруппы и враждебность во взаимоотношениях с ней. На уровне группы в целом такой межэтнический негативизм служит ее защите от внутренних конфликтов и противоречий.

Подобный взгляд на природу негативного этноцентризма обосновывается, в частности, в концепциях “врожденного нарциссизма”, “проекции”, “самооценки”, “самоуважения” (85, с.136-155).

Конкретные исследования, выполненные в русле упомянутых теоретических представлений, были, в основном, направлены на выявление взаимосвязи между степенью проявления негативного этноцентризма в группе, и ее социокультурными характеристиками, определяющими особенности удовлетворения различных 'базовых' потребностей ее членов. В качестве последних параметров использовались, прежде всего, такие как: особенности ингрупповой социализации, распределение власти и богатства, социокультурные нормы и обычаи, а также характеристики группы, например, ее размер, уровень благосостояния и т.п. (62, 63, 92).

Из концепций необихевиористского круга наиболее популярной в изучении причин и функций негативного этноцентризма явилась теория “фрустрации - агрессии - замещения” Н.Миллер – Дж. Доллард (92, 93). Ее основополагающая

идея о взаимосвязи между фрустрацией и агрессией получила свое развитие в работах Л. Берковиц и была использована им для объяснения феноменов межэтнического негативизма (12). Он сосредоточил свое внимание на изучении принципов 'смещения' агрессии индивидов на те или иные аутгруппы в их социальном окружении и попытался обосновать, почему благодаря каким-либо своим атрибутам эти группы могут ассоциироваться с источником фрустрации и стать объектом негативного этноцентризма и агрессии. Л. Берковиц также расширил круг возможных объектов 'замещения' агрессии, включив в него не только отдельных представителей иноэтнической (или любой другой) аутгруппы, но и саму аутгруппу в целом. Важнейшим направлением эмпирических исследований Берковиц, его сотрудников и последователей стало выявление взаимосвязи между конкретными социокультурными, экономическими и другими характеристиками группы и выбором ее в качестве 'мишени' негативного этноцентризма и агрессии. В частности, А. Аккерман (A. Ackerman) и Г. Ягода (G. Jahoda), Г. Беттелхейм (H. Bettelheim) и А. Яновиц (A. Janowitz), исследуя негативные этнические стереотипы, пытались установить взаимосвязь между их содержательными характеристиками и социокультурными нормами группы, определяющими особенности удовлетворения основных потребностей своих членов (85, с.146-148).

В понимании причин и природы феномена этноцентризма концепции психоаналитической и необихевиористской направленности отличаются следующими общими для них принципиальными положениями. 1) В русле этих концепций этноцентризм рассматривается как 'иррациональный' психологический феномен, представляющий собой проективную реакцию индивида на фрустрацию и выполняющий функцию 'псевдоудовлетворения' его врожденных базовых потребностей. 2) Имеет место абсолютизация феномена негативного этноцентризма, невнимание и неспособность объяснить позитивный опыт межэтнических контактов. 3) Игнорирование социальной природы рассматриваемого феномена. Исследования, осуществленные на данной концептуальной основе, справедливо критиковались за низкую социальную валидность, недостаток внимания к влиянию социокультурных и ситуативных

факторов в формировании и проявлении феноменов межэтнической неприязни и дискриминации (85, с.161).

В начале 50-х годов американский исследователь Т. Адорно попытался преодолеть указанную ограниченность предшествующих ему подходов к изучению этноцентризма и по-новому поставить вопрос о соотношении личностных и социокультурных факторов в возникновении межэтнического негативизма. С точки зрения Адорно, негативный этноцентризм не является неизбежным следствием врожденных особенностей мотивационной сферы личности. Это есть результат особых, неблагоприятных условий социализации, а точнее – неблагоприятных семейных взаимоотношений. Т. Адорно предположил, что особый стиль взаимоотношений в семье, который характеризуется высокой степенью доминантности родителей, жесткостью санкций за ненормативное поведение, эмоциональной холодностью в отношениях детей и родителей порождает особый тип “авторитарной” личности (2). Помимо специфических когнитивных и эмоциональных проявлений (интеллектуальной ригидности, догматизма, стереотипности мышления, нетерпимости к противоречиям, эмоциональной холодности) этот тип личности отличается высокой степенью конформизма и подчинения ингрупповым нормам и авторитетам (родителям, а впоследствии и различным лидерам). Указанные особенности социализации, формирующие подобный тип личности, создают в обществе благоприятную психологическую почву для усвоения предрассудков, проявления межгрупповой (межэтнической) предубежденности и дискриминации.

В сфере ингрупповых отношений для авторитарной личности характерны идеализация ингруппы, высокая степень конформности и подчинения ингрупповым нормам и требованиям. По отношению к представителям других социальных (этнических) групп авторитарная личность испытывает недоверие, враждебность, воспринимая их как аморальных уклоняющихся от общепринятых норм и правил поведения. Отношения с аутгруппой рассматриваются ею только в терминах доминирования-подчинения. При этом собственная группа рассматривается как 'высшая', а аутгруппе отводится роль 'низшей' и подчиненной. Последняя видится как источник угрозы для ценностей и интересов ингруппы (2).

Однако основной вклад автора концепции авторитарной личности в развитие взглядов на изучаемый феномен связан не с теоретическими положениями его концепции, которые охватывают лишь узкий круг проявлений данного феномена, за что и подверглись в свое время разносторонней и обоснованной критике. По справедливому замечанию оппонентов Т. Адорно, остается неясным почему аутгрупповая враждебность может становиться широко распространенной нормой поведения в обществе, все члены которой, по-видимому, не могут быть отнесены к одному определенному типу личности (38, 47, 139). Для дальнейшего изучения этноцентризма гораздо большее значение, чем предложенные Т. Адорно теоретические схемы, имел тот факт, что работами Т. Адорно и его сотрудников были заложены начала эмпирического подхода к исследованию этноцентризма.

С целью измерения выраженности названных выше интеллектуальных и эмоциональных характеристик индивидов, а также уровня их предубежденности в отношении расовых меньшинств Т. Адорно и его сотрудниками был создан специальный опросник – знаменитая Калифорнийская Шкала Этноцентризма (2). Первоначально исследования этнического предрассудка были сконцентрированы вокруг идей Т. Адорно и нацелены на выявление взаимосвязи между когнитивными и личностными характеристиками индивидов, с одной стороны, и степенью их этнической предубежденности, с другой (47, 59, 62, 72). Однако результаты дальнейших исследований показали, что наличие у индивидов этнической, расовой или другой социальной предубежденности не предполагает необходимости присутствия у них каких-либо характерных 'авторитарных' когнитивных и личностных особенностей. И наоборот, наличие таких особенностей не всегда связано с демонстрацией аутгрупповой неприязни и враждебности. В частности, проблема отношения между личностными и социокультурными факторами аутгрупповой ненависти рассматривались Т. Петтигрю (Т. Pettigrew) в его исследованиях расовых предрассудков в Южной Африке (95, 278). Результаты его исследований не подтвердили гипотезу о взаимосвязи между 'авторитарными' чертами личности респондентов и уровнем их расовой предубежденности, показав, что белые уроженцы Южной Африки имели более сильную степень предубежденности в отношении черных африканцев, чем неуроженцы, но в то же время первые не были более

авторитарны, чем вторые. Опираясь на эти данные, Петтигрю делает вывод, что в обществах с традициями расовой нетерпимости решающим фактором для проявлений расовой неприязни и степени ее выраженности является фактор социокультурный. Общий же вывод его исследований сводится к тому, что функционирование предрассудка не может быть объяснено влиянием социокультурных, личностных или ситуативных переменных в отдельности, но только их совокупностью. Работы Т. Петтигрю содействовали осознанию ограниченности прежних мотивационных подходов к пониманию природы межэтнической неприязни.

Позднее результаты других многочисленных исследований, реализующих различные направления в изучении предрассудка, показали, что проявления аутгруппового негативизма не детерминируются однозначно личностными особенностями индивидов, а обнаруживают взаимосвязь с целым рядом факторов: исторических, социокультурных и ситуативных (3, 4, 33, 47). В итоге, личностные особенности индивидов стали рассматриваться не как причина негативного этноцентризма, а как одно из условий, способствующих некритическому усвоению функционирующих в обществе предрассудков и стереотипов, определяющих негативный образ аутгруппы и враждебность во взаимоотношениях с ней.

К концу 50-х годов открывается новый этап в изучении феноменов межгруппового (межэтнического) восприятия и поведения. Этноцентризм стал рассматриваться исключительно только как кластер негативных социальных установок (аттитюдов) индивида в отношении аутгруппы и ее представителей, обозначаемых термином “этнический предрассудок” (3). Неудовлетворенность объяснительными возможностями мотивационных подходов привела к тому, что исследования этнического предрассудка стали развиваться в несколько ином направлении. От попыток объяснения его причин и природы острие исследований смещается на сам феномен, анализ его содержательных и структурно-динамических параметров, выявление социально-психологических механизмов и путей социальной трансляции предрассудков, играющих ключевую роль в их усвоении и функционировании. Исследованиям этнических и расовых предрассудков в русле структурно-динамического подхода уделялось особое

внимание. Наибольшее число исследований посвящено именно этой разновидности социальных предубеждений в силу их особой остроты, эмоциональной насыщенности и высокой степени выраженности в общественном сознании (31, 88).

История изучения этнических предрассудков весьма объемна, она включает значительное число направлений исследования и работ различных авторов, трактующих данный феномен с разнообразных теоретических и эмпирических позиций. В данной работе не уделяется специальное внимание историографии исследований этнического предрассудка, учитывая, что эта задача успешно решена в работах других авторов (25, 33, 47, 63, 76, 90, 119). Укажем лишь, что в русле структурно-динамического подхода было накоплено значительное число эмпирических данных, касающихся самых различных аспектов функционирования межэтнических аттитюдов. Наиболее значимым итогом исследований данного направления явилось, пожалуй, понимание того, что отдельные структурные элементы этнических предрассудков (когнитивные, эмоциональные, поведенческие), существуя в тесной взаимосвязи, обнаруживают в то же время 'внутреннюю противоречивость', нетождественность друг другу по степени выраженности, согласованности, устойчивости, оценочной направленности и т.д. Более того, оказалось, что они подвержены динамическим изменениям под влиянием различных внешних воздействий.

Нам в связи с этим хотелось бы сделать особый акцент на том, что данные о динамике этнических предрассудков и путях их социальной трансляции поставили под сомнение тезис о неизбежности межэтнического негативизма. Это сыграло существенную роль в дальнейшем изучении его природы и функций. Но, несмотря на это, ответы на многие вопросы не могли быть найдены с позиций, предложенных структурно-динамическим подходом, так сказать 'изнутри' самого феномена. Более того, стало очевидным, что возможности изучения феноменов межэтнического восприятия и поведения в отрыве от социокультурных и других факторов в значительной степени исчерпали себя. Тем временем, накопленный ресурс знаний позволил перейти на качественно новый уровень исследования явлений межэтнического взаимодействия, а именно, в зависимости от

особенностей складывающихся социоэкономических взаимоотношений контактирующих групп.

1. 3. Групповой конфликт интересов как детерминант этноцентризма.

Важным итогом исследования этнических предрассудков стало понимание того, что вопрос о природе, функциях и детерминантах этноцентризма не может быть найден с позиций, интерпретирующих это явление как индивидуальный феномен. Попытка вывести решение проблемы детерминации негативного этноцентризма за рамки 'отдельной личности' и взглянуть на нее сквозь призму группы в целом как специфического субъекта взаимодействия впервые была предпринята М. Шериф. Он выдвинул предположение, обоснованное затем результатами его исследований, о том, что в качестве детерминантов межгрупповой неприязни и враждебности выступают внешние, объективные условия межгруппового взаимодействия. А именно: наличие объективного конфликта в интересах групп влечет за собой, с одной стороны, негативизм в восприятии и поведении членов аутгруппы, с другой стороны, способствует усилению внутригрупповой сплоченности (110, 111). Основные выводы его исследований были развиты в дальнейшем Д. Кэмпбелл при формулировании им положений “теории реального группового конфликта” (85). Д. Кэмпбелл применил положение о реальном конфликте интересов между группами как источника межгрупповой неприязни и враждебности для объяснения взаимоотношений больших социальных групп, прежде всего, этнических. Согласно этому, первичным источником межэтнических конфликтов являются реальные противоречия их групповых интересов как следствие ограниченности природных ресурсов и борьбы групп за обладание ими. Проявления негативного этноцентризма представляют собой групповую реакцию на воспринимаемую внешнюю угрозу, функция которой заключается в сплочении группы для более эффективной защиты ее интересов. Характеризуя особенности собственного подхода к пониманию феномена межгруппового (межэтнического) негативизма, а также акцентируя внимание на принципиальном отличии

выдвинутой им концепции от теорий, основанных на выявлении психологических детерминантов межгрупповых (межэтнических) конфликтов, Д. Кэмпбелл, отмечал:

Эта теория утверждает, что групповые конфликты рациональны по своей природе в том отношении, что группы имеют несовместимые цели и соревнуются друг с другом за ресурсы. Такой реалистический источник конфликта контрастирует с положениями тех психологических теорий, которые рассматривают межгрупповые конфликты как замещение или проекцию проблем, являющихся в своей основе скорее внутригрупповыми, чем сугубо индивидуальными (85, с. 29).

Наличие объективных противоречий в интересах групп порождает, согласно Д. Кэмпбелл, ожидание угрозы, исходящей от аутгруппы. В свою очередь, ожидание такой угрозы влечет целый ряд взаимосвязанных изменений, как во внутригрупповых, так и в межгрупповых отношениях. В частности, наличие воспринимаемой аутгрупповой угрозы ведет к усилению ингрупповой сплоченности, более полному осознанию индивидами своего группового членства, усилению непреложности ингрупповых норм поведения и ужесточение санкций за их нарушение, а также способствует увеличению социальной дистанции и неприязни в ин-аутгрупповых отношениях. Кэмпбелл предлагает рассматривать феномен негативного этноцентризма как альтруистический, направленный на защиту интересов ингруппы и необходимый для ее выживания в условиях реальной угрозы со стороны социального окружения. Он, по его мнению, обеспечивает большую жизнеспособность и эффективность группы по защите своих интересов за счет 'экономии мышления', 'экономии общей обороны', а также за счет способствования разрешению ее внутренних конфликтов. 'Альтруистический' характер данного феномена понимается Кэмпбелл как функционирование его в интересах группы в целом, а не в интересах отдельной личности (30).

Реалистическая концепция группового конфликта относится к числу так называемых 'социетальных' теорий, поскольку направлена на анализ социальных причин и последствий негативного этноцентризма.

Мысль о том, что этноцентризм может актуализироваться под влиянием внеэтнических факторов (политических, экономических и т.д.) получила в дальнейшем свое развитие в работах и других авторов (56, 169). Так, американский исследователь Д. Бэлл, анализируя актуальные тенденции в развитии межэтнических отношений в современном мире, делает вывод, что феномены групповой этнической сплоченности и этнического национализма – это лишь удобная форма и способ достижения экономических и политических целей этногрупп:

Этническая группа становится удобным средством добиваться групповых прав или средством защиты от притязаний других групп ... это не изначальный феномен, в рамках которого вновь появляются глубоко укоренившиеся привязанности, но стратегический выбор индивидов, которые в другом случае выбрали бы другое групповое членство как способ добиться некоторой власти и привилегий ... Этничность есть усилие этих групп использовать культурную форму для экономического и политического продвижения (11, с.169).

В таких условиях функция этноцентризма, рассмотренная в широком социальном контексте, включающем совокупность социально-экономических, политических и других аспектов социального взаимодействия, может быть представлена как функция социальной интеграции этноса, когда другие способы сплочения группы оказываются неэффективными.

Однако с этих позиций остаются неясными собственно психологические корни и функции данного феномена. В частности, концепция Кэмпбелл не дает ответа на вопрос, почему случаи межэтнического негативизма могут иметь место в отсутствие объективных противоречий в интересах этнических групп, либо напротив, межэтническое согласие может наблюдаться при условии значительных противоречий в интересах групп. В то же время данные многих исследований подтверждают существование подобных межгрупповых тенденций (16, 22, 70, 77, 130).

Вызывают вопросы и другие положения данных концепций. Так, например, реалистическая концепция Д. Кэмпбелл поддерживает сформулированное У. Самнер положение о неразрывной взаимосвязи ингрупповой приверженности и

аутгруппового негативизма. Она лишь ограничивает его проявления таким необходимым условием как наличие объективного конфликта в интересах групп. С этих позиций аутгрупповая враждебность является, с одной стороны, неизбежным следствием ингрупповой идентификации и сплоченности, а с другой – необходимым условием последней. Тем временем, результаты некоторых позднейших исследований поставили под сомнение непреложность этой взаимосвязи, даже в условиях соревновательного взаимодействия групп. Ряд авторов, в частности, Д. Холмс (D. Holmes) и П. Грант (P. Grant), указывают, что далеко не все исследователи подтверждают усиление негативных тенденций в отношении аутгруппы в условиях межгруппового соревнования и усиления внутригрупповой сплоченности (70). В то же время, результаты тех работ, которые констатируют такие тенденции, могут быть отнесены на счет не вполне адекватных экспериментальных схем и процедур обработки данных. Одновременно, результаты некоторых исследований, например, У. Уилсон (W. Wilson) показывают, что члены ингруппы, высоко оценивающие свою группу, одновременно склонны быть более позитивными и в оценках аутгруппы (62, p.98-112). Тем самым они косвенно опровергают неизбежность взаимосвязи между ингрупповой приверженностью и аутгрупповой неприязнью и в определенной степени подтверждают нашу концепцию.

Таким образом, не имеется достаточно оснований для безоговорочного утверждения о том, что ингрупповая приверженность и сплоченность есть достаточное условие аутгруппового негативизма даже в условиях ин-аутгруппового конфликта интересов. Данными концепциями не только игнорируются факты более позитивного межэтнического взаимодействия групп вне зависимости от наличия элементов социальной конкуренции и экономического соперничества, но и психологические факторы, обуславливающие феномен этноцентризма.

1. 4. Культурная дистанция как источник межэтнического негативизма.

Еще один фактором, рассматриваемого в качестве детерминанта негативного этноцентризма, является феномен этнокультурных различий. Исследования данного направления пытаются ответить на вопрос: всегда ли, и если да, то почему существование межэтнических отличий влечет за собой нетерпимость и враждебность в восприятии и взаимодействии этнических групп? Существует значительное число исследований, направленных на обоснование положения, восходящего к постулату Самнера, о том, что воспринимаемое культурное несходство между этносами ведет к взаимной неприязни и отвержению. Если исходить от обратного то, согласно этой гипотезе, этнокультурное сходство предполагает позитивные взаимоотношения этносов. Попробуем проанализировать эту декларируемую обратно-пропорциональную зависимость. Так, исследования М. Рокич расовых установок в США выявили выраженную взаимосвязь между несходством ценностей, верований, образа мышления и негативными расовыми установками (36). Д. Кэмпбелл на основе обобщенного анализа результатов исследований этнических установок [Дж. Джасперса, (J. Jaspers) Г. Тэжфела в Германии, М. Митчелла (M. Mitchell) в Замбии, М. Бревера (M. Brewer) в Восточной Африке, Г. Уилсона в Кении и других] был сделан вывод о позитивной взаимосвязи между величиной воспринимаемого этнокультурного сходства и степенью проявления негативного этноцентризма в межэтнических отношениях (85). С другой стороны, имеются данные эмпирических исследований о том, что сходство не всегда гарантирует межэтническое приятие. Исследования Дж. Рабби (J. Rabbie) и С. Соутендайк (S. Soutendijk), Дж. Рабби и М. Горовиц (M. Horowitz), А. Айзен (A. Aizen) показали, что формирование благоприятного или неблагоприятного отношения к аутгруппе есть функция значимости, а также оценки группами существующих между ними различий (26, 36, 61). Данные исследования Л. Янга (L. Young), Г. Пирсона (H. Pierson), Г. Джайлса (H. Giles) обнаруживают, что китайские студенты, изучающие английский язык, оценивают англичан и китайцев между собой как 'похожих', но при этом демонстрируют выраженные прокитайские, а не проанглийские ориентации и настроения (140,

с.167-170). По-видимому, осознание существования ин-аутгрупповых различий или сходства само по себе не является достаточным условием для проявлений взаимного негативизма или приязни. В этой связи М. Дойч (M. Deutsch) отмечает:

... представляется большим упрощением утверждать, что сходство всегда 'позитивно', а 'несходство' - негативно Думается, более резонно мнение, что атрибуты аутгруппы могут восприниматься по-разному: как потенциально благотворные, нейтральные или негативные для своей собственной группы, и что сходство или несходство не связано жестко с позитивной или негативной оценкой (36, с.70).

Значительное внимание изучению взаимосвязи проявлений негативного этноцентризма и этнокультурных различий было уделено в рамках кросс-культурного подхода к исследованию межэтнических контактов. Кросс-культурная психология исследует межэтнические отношения, прежде всего, как межкультурное взаимодействие этносов. Феномены межэтнической неприязни и враждебности понимаются при этом как реакция этносубъектов на 'культурный барьер'. Иначе говоря, как следствие межкультурных несоответствий, рассогласования норм и обычаев этнических культур и связанных с этим трудностей, возникающих при контактах между представителями культурно-различных групп (19).

Феномен негативного этноцентризма исследуется кросс-культурной психологией на уровне межперсональных контактов. Одно из ключевых направлений этих исследований – изучение психологической адаптации мигрантов в иноэтнической культурной среде. Результаты кросс-культурных исследований этнокультурной адаптации мигрантов были проанализированы в работе Н.М. Лебедевой (242, 243). В объяснении межэтнической нетерпимости и антагонизма исследователи указанной ориентации исходят из положения о том, что феномен негативного этноцентризма является функцией этнокультурной адаптации и связывают его проявления с величиной культурных различий между этноконтактными группами (с величиной культурной дистанции, реальной или воспринимаемой).

Они базируются на концепции “культурного шока” и рассматривают негативный этноцентризм как психологическую реакцию дезадаптации, как

результат неготовности индивидов к построению адекватного взаимодействия с представителями иноэтнических групп в условиях межкультурных отличий. Различными исследователями, в частности, А. Фэрнем (A. Furhnam) и С. Бочнер (Bochner), было предложено множество оснований, по которым этнические культуры могут иметь значимые отличия друг от друга: язык, религия, одежда, структура семьи, уровень образования, ведущие ценности и нормы поведения и другие (54).

Согласно концепции “культурного шока”, наличие межкультурных (межэтнических) отличий способствует возникновению психологических трудностей у участников межэтнических контактов в виде переживания чувств дискомфорта, тревоги, взаимного непонимания, страха и так далее, вплоть до чувства неполноценности и снижения самооценки, в конечном итоге могущих вызвать ту или иную степень психологических отклонений. Следствием этого может стать отвержение иноэтнической культуры и ее носителей в виде неприязни, уклонения от контактов с ними или враждебности, замыкание на ценностях собственной культуры. Вполне вероятно в данной ситуации и реакция отвержения собственной культуры, поскольку она становится неадекватной окружающей иноэтнической среде. В сознании индивида, носителя чуждой культуры, укореняется своеобразный комплекс неполноценности, от которого в силу контрастного различия культур, нелегко, а порой невозможно избавиться. Эти психологические переживания, обозначенные термином “культурный шок”, были описаны как целостная реакция индивидов, имеющая место при столкновении с реалиями иной культуры.

По нашему мнению, именно в такой ситуации могут возникнуть проявления так называемого **агрессивного** этноцентризма, при котором слишком контрастный межкультурный диссонанс может вызвать негативизм как по отношению к собственной культуре, так и к воспринимаемой культуре.

Приведенные положения подтверждаются результатами эмпирических исследований А. Фэрнем и С. Бочнер о межэтнической адаптации мигрантов в инокультурной среде. Они свидетельствуют, что степень трудностей, испытываемых иностранными студентами в ходе адаптации к особенностям

британской культуры, прямо пропорциональна величине культурной дистанции между культурой страны выхода и страны пребывания (54, р.31).

Следует, однако, учесть, что объективно существующие культурные различия могут по-разному отражаться в групповом этническом сознании. При определенных условиях этническая группа, несмотря на значительные культурные различия с контактным этносом, может не воспринимать его как далекий от себя в культурном отношении. В других случаях небольшие различия этнических культур могут приобретать в сознании группы гипертрофированные формы, в результате чего близкие культуры воспринимаются этносами как непохожие на друг друга. Данный феномен был зафиксирован многими исследователями и по-разному объяснялся ими, исходя из тех или иных теоретических позиций (16, 85, 120, 122, 243, 283, 285).

Кросс-культурный подход связывает также психологические трудности, испытываемые индивидами при контактах с иной культурой, с определенными условиями их осуществления (временными, территориальными, организационными). В числе условий межэтнических контактов, которые могут как препятствовать, так и способствовать межэтнической адаптации и взаимному приятию представителей различных этнических культур, кросс-культурная психология называет цели контакта, его частоту, численность представителей иноэтнической группы, тип включения в контакт (его добровольный или вынужденный характер), степень близости, время контакта и другие социокультурные, территориальные, временные особенности их осуществления (243, с.38). С этих позиций межэтническая неприязнь и враждебность рассматриваются, например, как стремление коренного этноса защитить свою территорию от 'пришельцев', поскольку сам факт их присутствия на территории 'хозяев' есть 'вторжение в личное пространство' последних, пробуждающее тревогу, недоверие и неприязнь.

Кросс-культурные исследования установили также, что в ходе межэтнического взаимодействия вполне возможна успешная этнокультурная адаптация представителей различных этнических групп, и выявили ряд условий, способствующих оптимизации межэтнических контактов, а также эмоциональному приятию представителей другого этноса и его культуры.

Некоторые авторы, работающие в русле кросс-культурного подхода, в частности, С. Бочнер, исходя из фактов успешной межкультурной адаптации представителей различных этнических групп, ставят под сомнение постулат о неизбежности негативного этноцентризма как функции межкультурных отличий (19).

Однако простое расширение числа факторов, составляющих межэтническую ситуацию, еще не позволяет раскрыть сущность этноцентризма как феномена обыденного сознания и объяснить, почему при прочих сходных условиях контакта различные этнические общности могут по-разному строить свое взаимодействие. Кросс-культурные исследования не дают ответа и на вопрос о функциях данного феномена, рассматривая его, напротив, как 'дисфункцию'.

В то же время, в русле кросс-культурных исследований были получены данные, свидетельствующие о том, что проявления межэтнического согласия либо антагонизма регулируются гораздо более глубокими и сложными, иногда неожиданными, закономерностями этнического сознания, чем некоторые ситуативные условия контакта. Имеются данные о том, что следствием межкультурных несоответствий могут быть, вопреки ожиданиям, не только проявления этнического негативизма, но и поддержка, терпимость по отношению к представителям аутгруппы. Например, было установлено, что представители другой культуры, этноса могут восприниматься более благожелательно, даже когда они нарушают местные обычаи, поскольку воспринимаются как 'невладеющие' принятыми нормами поведения, и потому нуждающимися в извинении и поддержке (243). В свою очередь исследования Г. Триандис с соавторами, М. Бревер и Д. Кэмпбелл показали, что межэтнические феномены, в частности межэтнические стереотипы, обнаруживают известную 'устойчивость', независимость от 'внешних' контактов группы с ее иноэтническим окружением, и в то же время, демонстрируют свою взаимосвязь с особенностями внутриэтнического общения (23,129).

Для нас особо ценными являются те результаты вышеназванных эмпирических исследований, выполненных в рамках кросс-культурной психологии, (в частности, исследования М. Бревер и ее коллег), которые подтверждают феномен и позитивного межэтнического взаимодействия групп в различном социокультурном контексте (22 - 24).

В целом же данные упомянутых выше исследований предвосхищают точку зрения тех концепций, которые считают негативный этноцентризм обусловленным внутриэтническими причинами и рассматривают его как проявление действия особых защитных социально-перцептивных механизмов, направленных на поддержку позитивной идентичности группы. Это, в частности, рассматриваемые далее концептуальные подходы к исследованию феноменов межэтнической нетерпимости, разработанные на основе положений теории социальной идентичности Г. Тэжфел.

1. 5. Негативный этноцентризм как механизм социально-психологической защиты позитивной этнической идентичности.

Внутренние причины, порождающие негативный этноцентризм, рассматривались в русле теории социальной идентичности (118 - 122, 124). Данная концепция интерпретирует феномен негативного этноцентризма как проявление защитных социально-перцептивных механизмов, автономно действующих в межэтническом контексте и способствующих укреплению позитивной идентичности членов групп в процессе межэтнического сравнения. Теория социальной идентичности выделяет две составляющие данного феномена:

- 1) перцептивную тенденцию к фиксации и подчеркиванию (преувеличению) членами групп ин-аутгрупповых отличий;
- 2) оценочную поляризацию между ин-и аутгрупповой, то есть приписывание более высокой оценки ингрупповым атрибутам, по сравнению с аутгрупповыми.

Эту 'пристрастность' межэтнического восприятия, благоприятствование ингруппе в оценках и поведении (реальном или вербальном) Г. Тэжфел объясняет потребностью индивидов в позитивной самоидентификации. Поскольку позитивная самооценка индивида зависит в значительной степени от оценки группы, к которой он принадлежит, то он будет мотивирован воспринимать свою собственную группу как позитивно отличающуюся (непохожую и лучшую) от

аутгруппы. Групповое членство является относительно постоянной характеристикой. Изменение его, то есть переход из одной социальной группы в другую (в частности, изменение этнической принадлежности), как правило, затруднен или невозможен. Следовательно, и 'поиск позитивных отличий' ингруппы от аутгруппы, тенденция благоприятствовать собственной группе в восприятии и поведении являются, согласно Г. Тэжфел, константами межгрупповых (межэтнических) отношений. То есть сам факт существования различных групп (в данном случае этнических), обладающих специфическими характеристиками – есть достаточное условие для возникновения феноменов межэтнической неприязни и дискриминации. Иными словами, феномен этнической самоидентификации неизбежно влечет за собой проявления негативного этноцентризма в отношениях между этносами, предполагая 'автоматическую' актуализацию указанных этноцентрических тенденций в восприятии и поведении членов этнических групп (120).

Ингрупповой фаворитизм – аутгрупповая дискриминация рассматриваются авторами данной концепции как *единственно возможная* стратегия межгруппового восприятия и защиты позитивной групповой идентичности. Такое понимание феноменов межгруппового восприятия и сравнения включает в себя то скрытое допущение, что одновременно позитивная оценка ин- и аутгруппы невозможна в принципе. Поэтому и позитивной самоидентификации, согласно позиции авторов рассматриваемой концепции, невозможно достичь иначе, кроме как путем дискриминации аутгруппы, занижения ее оценки по сравнению с оценкой ингруппы (122, 123).

Однако такое допущение может быть справедливо лишь для ограниченного круга социальных ситуаций. Результаты исследований, выполненных в естественных социальных группах и опирающихся на реальный социальный контекст, доказали возможность существования различных стратегий социального сравнения и группового взаимовосприятия, альтернативных негативному этноцентризму, и, в то же время, позволяющих группе обеспечить свою позитивную идентичность (32, 134, 137).

Таким образом, стремление индивидов к позитивной самоидентификации 'деформирует', искажает процессы социального восприятия и сравнения. Согласно

этой концептуальной схеме субъект оказывается в принципе неспособным относительно объективно воспринимать социальную реальность и делать рационально обоснованные выводы о значимых характеристиках социальных, в том числе и этнических, групп.

В соответствии с положениями концепции социальной идентичности для любой группы существует только одна альтернатива: либо отстаивать свое превосходство на основе предвзятых и необъективных форм межгруппового сравнения, либо, постепенно диссоциироваться в результате утраты позитивной идентичности. Иными словами, обеспечение устойчивости и сохранение своей групповой (этнической) самобытности возможно только через аутгрупповой негативизм: неприятие чужой культуры, дискриминацию, изоляцию и тому подобных явлений. По мысли авторов концепции социальной идентичности, механизмы 'поиска позитивных отличий' призваны укрепить позитивную идентичность членов группы и способствовать тем самым ее целостности и сохранению как социального субъекта (16, 117 - 124, 132).

Однако адаптивная ценность названных механизмов 'поиска позитивных отличий' вызывает сомнение, поскольку подвергает группу постоянной конфронтации с ее социальным окружением. Данные современной науки о позитивном опыте межэтнических контактов не укладываются в схему, предложенную Г. Тэжфел. Они свидетельствуют, что межэтническое взаимодействие характеризуется не только феноменами дифференциации, обособления, но и явлениями консолидации, межкультурных заимствований и обмена, которые сопровождаются позитивным эмоционально-оценочным отношением к аутгруппе. Это предполагает, что действие социально-перцептивных переменных, регулирующих межэтническое взаимодействие, также должно быть организовано как двунаправленное, способное обеспечивать не только психологическое обособление, 'отчуждение' от аутгруппы, но и перцептивное сближение, консолидацию с ней.

Исходя из вышеизложенного, мы предполагаем, прежде всего, использовать в эмпирической части нашего исследования те положения концепции Г. Тэжфел, которые касаются понимания психологической природы межгруппового негативизма как механизма социально-психологической защиты позитивной

групповой идентичности. В то же время считаем не вполне обоснованными теоретически и не имеющими достаточного эмпирического подтверждения те положения концепции социальной идентичности Г. Тэджфел, которые предлагают рассматривать негативный этноцентризм как единственно возможную стратегию межгруппового (межэтнического) восприятия.

1. 6. Социальный статус этноконтактных групп как фактор проявления негативного этноцентризма.

Этнические группы могут отличаться по месту, занимаемому ими в социальной структуре полиэтнических сообществ в тех или иных сферах общественной жизни. Представление о статусе включает в себя определение места, занимаемом собственной и релевантными иноэтническими группами в социальной структуре, и связанную с этим оценку групп, их соотносительный престиж и ранг. Таким образом, воспринимаемый социальный статус всегда имеет соотносительный характер, то есть складывается в процессе определения социального статуса группы в иерархии ее иноэтнического окружения. Позиция, занимаемая группой в социальной структуре, связанные с этим атрибуты и присвоенные ей оценки, составляют основу позитивной или негативной групповой идентичности ее членов.

Основной вопрос о взаимосвязи социального статуса и проявлений негативного этноцентризма может быть сформулирован следующим образом: способствуют или препятствуют статусные различия, существующие между этническими группами, проявлению негативного этноцентризма в сфере межэтнического восприятия и взаимодействия? Авторы, основывающиеся на реалистической теории группового конфликта, отвечают на этот вопрос положительно. В рамках гипотезы контактов Д. Кэмпбелл было сформулировано положение о том, что негативные этнические стереотипы – есть производная и отражение объективных различий в социальном (прежде всего в социоэкономическом) статусе между

этноконтактными группами, а также стоящих за этими различиями реальных противоречий в интересах групп (85, с.159).

Анализируя данные исследований множества авторов, изучавших взаимоотношения этнических групп с неравным социоэкономическим статусом в различных регионах мира, Кэмпбелл делает следующий вывод:

Там, где этнические группы занимают особые позиции в социоэкономической системе, отличающиеся по степени их урбанизации и уровню профессиональной подготовки ... эти институционализированные ролевые позиции составляют социальный контекст для взаимодействия и наблюдения между группами. Стереотипы, которые группы формируют на основе этих наблюдений, представляют собой обобщение релевантных социоэкономической роли характеристик и их трансляцию на все другие контексты (85, с. 156).

При этом высокостатусная группа использует негативный имидж низкостатусной аутгруппы для оправдания и сохранения существующих социальных отношений. В свою очередь низкостатусная группа использует негативный имидж высокостатусной аутгруппы в целях изоляции от нее и оправдания своих действий в этом направлении. Таким образом, согласно Кэмпбелл, в процессе социального взаимодействия статусное неравенство этноконтактных групп всегда будет сопровождаться проявлениями негативного этноцентризма: в сфере взаимного восприятия в виде формирования негативных стереотипов, а в сфере межэтнического взаимодействия – в виде конфронтации и конфликтов (85, с. 153 - 161).

Противоположная точка зрения на проблему взаимосвязи социального статуса (статусного неравенства) и проявлений этноцентризма в межэтнических отношениях основывается на концепции социального сравнения Л. Фестингер (L. Festinger) (131, 142). Она заключается в том, что статусные различия между группами, увеличивая социальную дистанцию между ними и уменьшая воспринимаемое сходство, подавляют тем самым процессы социального сравнения, а следовательно, и любые проявления взаимной неприязни и антагонизма. Эта позиция подтверждается данными значительного числа исследований. Так, работами И. Катц (I. Katz), М. Розенберг (M. Rosenberg), Р.

Саймонс (R. Simmons) по изучению расовых аттитюдов в США было показано, что низкостатусная группа может уклоняться от сравнения с высокостатусной группой и выбирать в качестве релевантной сравниваемой аутгруппы более сходную группу с соответствующим социальным статусом (131, p.111-119).

В свою очередь, исследованиями У. Рансимен (W. Runcimen) было установлено, что неприязнь между высокостатусной и низкостатусной группами может уменьшаться за счет того, что последняя принимает и использует в качестве эталона ин-аутгруппового сравнения систему групповых норм и ценностей, принятых в высокостатусной группе, демонстрируя, таким образом, не антагонизм, а предпочтение в отношении нее (131, p.127-132). Именно в подобной ситуации возникают, на наш взгляд, предпосылки для формирования обозначенной нами **аккультурационной** формы проявления позитивного этноцентризма.

Результаты исследования межэтнических тенденций в современной Великобритании, осуществленного Р. Брэнсвэйс (R. Branthwaite) и Э. Джонс (E. Jones), и приведенные в качестве примера в работе А. Ван Клиппенберг (A. Van Knippenberg), также свидетельствуют о том, что в ситуации стабильной статусной стратификации высокостатусная группа может обнаруживать в отношении низкостатусной аутгруппы даже фаворитизм (134, p.118-123).

Таким образом, данные этих исследований свидетельствуют, что статусное неравенство этноконтактных групп может сопровождаться, а может и не сопровождаться проявлениями негативного этноцентризма.

В этой связи Дж. Тернер (J. Turner) и Р. Браун (P. Brown) отмечают, что теория первого типа, в частности, реалистическая теория группового конфликта, не способны объяснить:

каким образом стратифицированные общества избегают конфликтов и достигают относительной стабильности;

почему низкостатусные группы могут демонстрировать предпочтение, а не ненависть к высокостатусным (131, с.207).

А, в свою очередь, теории второго типа, например концепция социального сравнения Л. Фестингер, не дают ответа на вопрос, почему в стратифицированных

сообществах имеют место проявления негативного этноцентризма в виде неприязни, предубеждений и дискриминации (131, p.208-210).

Теория социальной идентичности Г. Тэжфел исходит в решении данной проблемы из того, что взаимосвязь между рассматриваемыми переменными опосредуется таким фактором, как интерпретация групповыми субъектами существующих статусных отношений и межгрупповой ситуации в целом (120). Согласно концепции Г. Тэжфел, отношения любых социальных групп, в том числе этнических, характеризуются постоянным стремлением устанавливать и поддерживать в сфере социальной перцепции максимальные статусные различия в пользу собственной группы как основу для достижения позитивной групповой идентичности. При этом статусные отношения могут восприниматься группами как 'стабильные' (необратимые и однозначные) или как 'нестабильные'. В первом случае процессы социального сравнения между группами подавляются, они воспринимают друг друга как 'несравнимые', что позволяет им избежать угрозы для позитивной групповой идентичности каждой из них, а, следовательно, и проявлений негативного этноцентризма (122).

Феномен негативного этноцентризма будет наблюдаться в отношениях групп с различным социальным статусом лишь в том случае, когда существующая ин-аутгрупповая статусная стратификация рассматривается ими как нестабильная (неоднозначная, обратимая, подлежащая изменению). Иными словами, когда группы становятся сравнимыми друг для друга по своим статусным характеристикам. Это создает угрозу позитивной идентичности каждой из них, что, согласно Тэжфел, составляет достаточное условие для актуализации негативного этноцентризма, выполняющего функцию социально-психологической защиты позитивной групповой идентичности путем подчеркивания превосходства ингруппы по сравнению с аутгруппой (Там же).

Концепция социальной идентичности обеспечивает значительное преимущество в решении рассматриваемой проблемы, поскольку она обращает внимание исследователей на такой фактор межгрупповых (межэтнических) отношений как восприятие и интерпретация группами статусных отношений и социальной ситуации взаимодействия в целом.

К сожалению, большинство работ, осуществленных в русле концепции социальной идентичности и подтвердивших наличие негативного этноцентризма в восприятии и взаимодействии групп с неравным социальным статусом, были выполнены в условиях лабораторного эксперимента (60, 131). Они оставляют за рамками своего внимания тот социальный контекст, в котором развиваются процессы межгруппового (межэтнического) сравнения и взаимодействия. Тем не менее, очевидно, что выбор группами той или иной стратегии взаимного сравнения для подтверждения своей позитивной идентичности связан с особенностями социальной ситуации и, шире, с особенностями социального контекста, на фоне которого развиваются процессы социального восприятия и взаимодействия.

Так, результаты, полученные в естественных группах с учетом реального социального контекста, не столь однозначны, как данные лабораторных экспериментов. Они обнаруживают существование таких стратегий межэтнического (межгруппового) восприятия и сравнения, которые позволяют группе при наличии статусного неравенства сохранить свою позитивную идентичность, не прибегая к негативной оценке аутгруппы. Так, исследование А. Ван Книпперберг выявило, что высокостатусная группа может специально 'создавать' (вводить в межгрупповой контекст) параметры сравнения в пользу низкостатусной аутгруппы с целью поддержания позитивной идентичности последней. Тем самым она снижает 'значимость' и 'яркость' тех групповых характеристик, которые важны для сохранения существующей статусной стратификации. 'Новые' параметры сравнения не угрожают позитивной идентичности высокостатусной группы и, одновременно, позволяют ей уменьшить ин-аутгрупповое сравнение по 'старым' параметрам, избежать их оспаривания со стороны низкостатусной группы (134).

Более того, исследование Р. Борхис (R. Bourhis) и П. Хилл (P. Hill) установило, что члены низкостатусной группы могут не только не избегать неблагоприятных сравнений с высокостатусной аутгруппой, но даже подчеркивать существующие ин-аутгрупповые различия, с целью добиться для себя преимуществ и паритета с ней (20).

Данные других эмпирических исследований обнаруживают, что характер взаимосвязи между рассматриваемыми переменными может быть различным. Так, в исследовании Г. Воон (G. Vaughan) рассматривается динамика межэтнического восприятия и этнической идентификации в течение 10-летнего периода социальных преобразований в Новой Зеландии, повлекших за собой изменения социального статуса основных этнических групп – 'пакеха' (потомки европейских переселенцев) и маори (коренное население). Результаты исследования зафиксировали наличие позитивной взаимосвязи между ростом урбанизации, способствующим выравниванию социального статуса данных этноконтактных групп, и усилением негативного этноцентризма у членов низкостатусной группы маори в виде тенденции к более позитивной оценке ингруппы по сравнению с аутгруппой и к более тесной идентификации с ней. Автор интерпретирует полученные результаты в терминах концепции социальной идентичности. Согласно им, урбанизация и выравнивание социального статуса этноконтактных групп привели к осознанию воспринимаемой статусной нестабильности в отношениях групп и, тем самым, к ослаблению их позитивной идентичности и более резкому проявлению негативного этноцентризма в сфере межэтнического восприятия. Однако данная взаимосвязь оказалась справедливой лишь в отношении низкостатусной группы маори, так как этническая группа 'пакеха', несмотря на частичную утрату своего статусного превосходства, не обнаруживало усиления негативного этноцентризма по отношению к низкостатусной аутгруппе маори. Очевидно, в данном случае выравнивание своего социального (социоэкономического) статуса, по сравнению с аутгруппой, не рассматривалось этнической группой 'пакеха' как угроза для ее позитивной идентичности, а потому и не сопровождалось усилением негативного этноцентризма в сфере ин-аутгруппового восприятия (137).

Исследование Д. Каппоза (D. Carroza), Е. Боналдо (E. Bonaldo) и А. Маджио (A. Maggio) имело целью выявить стратегии межэтнического сравнения, используемые этническими субгруппами северной и южной Италии для подтверждения своей позитивной идентичности в ситуации социальных изменений и преобразований. Данные изменения привели к резкому снижению социоэкономического статуса южан по сравнению с северянами и к обострению

социально-экономических противоречий в интересах указанных групп. Тем временем, анализ динамики этнических стереотипов названных групп в рассматриваемый период времени (1963 – 1978) показал, что в сфере социальной перцепции этнической субгруппы южан, традиционно имевших более низкий по сравнению с северянами социальный статус, не наблюдалось усиления негативного этноцентризма по отношению к аутгруппе (северянам). Напротив, в указанной группе увеличивается тенденция к ассимиляции с высокостатусной аутгруппой, что является еще одним подтверждением выдвинутой нами гипотезе существования и позитивных форм проявления этноцентризма, в данном случае ее **аккультурационной** формы. В группе северян также была обнаружена тенденция к уменьшению уровня негативного этноцентризма в отношении южан в виде ослабления оценочной дифференциации между ин- и аутгруппой (32).

На основе полученных данных авторы делают вывод, что социальные преобразования и изменение традиционных социоэкономических ролей этих этногрупп, а также увеличение контактов между ними способствовали 'размыванию' привычных этностереотипов и ослаблению тенденции приписывать этнокультурным атрибутам северян более высокие оценки по сравнению с южанами (32, с. 119).

Данные, полученные в этом исследовании, свидетельствуют, что изменение соотносительного социального статуса двух этноконтактных групп в описываемом социоэкономическом контексте не сопровождалось усилением негативного этноцентризма в межэтнических отношениях. По нашему мнению, это произошло, отчасти, в силу отсутствия сильного социокультурного контраста между двумя рассматриваемыми субкультурами, а также благодаря их явной антропологической тождественности, заведомо облегчающий процесс ассимиляции. В то же время в ранее приведенном примере итогов исследований новозеландского ученого изменение социально-экономических условий коренного населения маори, сделало для него еще более очевидным социокультурный и социоэкономический контраст между 'пакеха' и коренным населением, и в результате стимулировало у последнего обострение тенденций проявления негативного этноцентризма.

Для подтверждения выдвинутой нами гипотезы немаловажен тот факт, что, согласно приведенным исследованиям, следствием воспринимаемого статусного неравенства и нестабильности может быть гораздо более широкий спектр стратегий ин-аутгруппового сравнения, используемый группами для защиты своей позитивной идентичности, чем подчеркивание превосходства ингруппы по сравнению с аутгруппой. Они свидетельствуют, что выбор группой той или иной стратегии ин-аутгруппового сравнения для подтверждения своей позитивной идентичности связан не только с воспринимаемой нестабильностью статусных отношений, но и с особенностями того социального контекста, в котором развиваются процессы межэтнического сравнения и взаимодействия.

Весьма принципиален вывод и о том, что негативный этноцентризм – это не единственная социально-перцептивная стратегия, которая может быть использована группой в условиях статусного неравенства и воспринимаемой нестабильности статусных отношений для защиты своей позитивной идентичности. Тем самым еще раз подтверждается возможность многовариантного развития межэтнических отношений и широкого диапазона межэтнического восприятия, основанного как на негативном, так и на позитивном этноцентризме.

1.7. Феномены межэтнической суггестии и контрсуггестии как условия формирования этноцентризма.

Достаточно своеобразный взгляд на межэтнические отношения представляет концепция этногенеза российского этнолога Б.Ф. Поршнева. Согласно данной концепции межэтническое взаимодействие строится на основе двух диалектически взаимосвязанных социально-психологических процессов: с одной стороны – обособления, противопоставления, а с другой – уподобления, сближения этносов между собой. Данные процессы регулируются особыми феноменами «суггестии-контрсуггестии» (283).

Суггестия означает 'открытость', приятия (усвоение) внушаемого содержания. Ее глубинную эмоциональную основу составляет чувство единства, доверия к суггестору, к источнику внушаемой информации:

Психологическое доверие тождественно чувству и сознанию принадлежности к единому 'мы' (285, с.97).

Отношения внутри этноса основаны на отождествлении индивида с группой, переживаемом им как чувство единства, доверия, 'чувство-мы'. Они предполагают поэтому относительно беспрепятственный культурно-информационный обмен внутри этноса – 'суггестию'. Отношения же между группами характеризуются явлениями 'контрсуггестии' – недоверия, отчуждения от аутгруппы, сопротивления внушаемому содержанию. То есть наблюдается уклонение, неприятие, 'фильтрация' информации, исходящей от чуждого источника. Восприятие иноэтнической аутгруппы и ее социокультурного опыта сквозь фильтр 'доверия – недоверия' создает своеобразную психологическую 'дистанцию безопасности' и обеспечивает защиту, изоляцию группы от 'внешней суггестии', от некритического усвоения чужого социокультурного опыта.

С этой точки зрения межэтнические отличия выступают не только как изначально существующие барьеры, затрудняющие взаимные контакты, но и как искусственно поддерживаемые социальные границы, обеспечивающие размежевание, дифференциацию этносов и сохранение их, таким образом, в качестве уникальных социокультурных организмов:

... культурные, языковые и прочие отличия между этническими группами были не только результатом изоляции, естественного развития, но и средством искусственно поддерживаемого закрепления существующих различий, сознательно акцентируемое противопоставление ... (285, с.79).

Для нас в концепции Поршнева важно то, что она далека от утверждения фатальной неизбежности, универсальности феноменов межэтнического негативизма. Б.Ф. Поршнев прямо замечает:

... степень межэтнического противопоставления может быть различной, от

непримиримого антагонизма до миролюбивой констатации нетождественности и, таким образом, уже не противопоставления, а сопоставления (т.е. сравнения) (284, с.10).

В последнем случае процессы межэтнической дифференциации принимают форму констатации различий мировосприятия и образа жизни этноконтактных групп и не содержат негативизма и непримиримости к 'чужой' культуре. Эта мысль созвучна и высказанной нами позиции.

В поддержку нашей концепции нам бы хотелось привести и другие теоретические положения данного автора. Так, наличие феноменов межэтнической дифференциации совсем не исключает, согласно Б.Ф. Поршневу, возможности усвоения чужого социокультурного опыта. Напротив, он подчеркивает, что:

... всегда существует фактор заимствования, нивелирования различий, 'диффузия' культуры (284, с.9).

То есть, действие механизмов суггестии-контрсуггестии может иметь и обратную социальную направленность и выступать в форме 'внешнегрупповой суггестии' и 'внутригрупповой контрсуггестии', обеспечивая устранение 'информационных барьеров' и способствуя свободному межэтническому культурному обмену. Таким образом, процессы межэтнической дифференциации, отчуждения (внешнегрупповой контрсуггестии) обеспечивают устойчивость, сохранение этносов как самостоятельных, целостных социокультурных организмов, защищают их от чрезмерного внешнего влияния и распада, в то время как феномены уподобления, сближения (внешнегрупповая суггестия) предохраняют от самоизоляции и способствуют лучшему взаимопониманию этносов, их успешной взаимной адаптации.

В соответствии с рассматриваемой концепцией вопрос о роли этноцентризма в жизни этнических групп, его социальных и психологических функций оказывается неразрывно связанным с особенностями адаптационных процессов в этноконтактных группах. По мысли Б.Ф. Поршнева, действие социально-психологических механизмов 'суггестии-контрсуггестии' призвано не просто

изолировать этнос от внешнего влияния, а создать оптимальную степень 'защиты', 'центрации' этноса, выступая как адаптивный по своей функции механизм. Достигается оптимальная степень 'центрации' группового этнического сознания, которая позволяет этносу быть в определенной степени 'открытым' для социокультурного обмена, критически усваивать 'чужой' опыт, не теряя при этом своей самобытности и целостности. В сфере межэтнического взаимодействия при этом наблюдается бесконфликтность и сотрудничество. Иными словами, механизмы суггестии-контрсуггестии, 'изолируя' этнос, делая его в той или иной степени 'центрированным на себе', одновременно не исключают и возможность его 'децентрации', межкультурного обмена.

Крайняя степень 'центрации', замкнутости этноса, противопоставления себя другим этническим общностям влечет за собой дезадаптацию во взаимоотношениях с иноэтническим окружением, связанную с усилением нетерпимости, негативизма. Это проявляется в различных формах, от стремления уменьшить или прекратить контакты с иными культурами вплоть до демонстрации неприязни или враждебности в отношении членов иноэтнической аутгруппы. Данные процессы, согласно нашей концепции, находят свое выражение, прежде всего, в таких формах проявления негативного этноцентризма как **резекционный и воинственный**.

Частный случай межэтнической дезадаптации представляет собой 'чрезмерная' психологическая 'децентрация' этнической группы, когда имеет место более низкая самооценка ингруппы по сравнению с аутгруппой. Данное стремление будет выражаться в уменьшении психологической дистанции между 'мы' и 'они' и размыивании позитивного образа 'мы-группы' в сознании этноса. Эти процессы, сопровождаемые постепенным нивелированием этнокультурных различий между группами, ведут в итоге к распаду этнической общности, ее слиянию с иноэтнической аутгруппой. Таким образом, механизмы действия 'ингрупповой контрсуггестии' в сочетании с 'аутгрупповой суггестией' приводят к установлению той формы проявления позитивного этноцентризма, которую мы определили как **аккультурационный**.

К сожалению, концепция Поршнева позволяя провести четкую грань между феноменами этнической дифференциации, констатирующей нетождественность

этносов, и межэтническим негативизмом, предполагающим оценочную поляризацию между ин- и аутгруппой, подчеркивание превосходства собственной группы и ее культуры над иноэтнической, в отличие от теории социальной идентичности практически игнорирует роль социальных, экономических и ситуативных факторов в возникновении феномена этноцентризма.

Тем не менее, для нас важно, что концепция Поршнева подтверждает существование более полного спектра межэтнических феноменов, включая не только проявления межэтнической дифференциации и антагонизма, но и позитивные социальные феномены межэтнического сближения и консолидации.

Как следует из представленного нами анализа различных концепций этноцентризма, его исследование развивалось в направлении от абсолютизации явлений межэтнического негативизма и антагонизма и обоснований их неизбежности – к изучению его генезиса и функций, к выявлению условий механизмов его актуализации в межэтнических отношениях.

В настоящее время интерес ученых в большей степени направлен на исследование особенностей формирования этноцентризма в различных социокультурных и политико-экономических условиях. Такая постановка проблемы способствует не только изучению закономерностей функционирования этноцентризма, но позволяет полнее понять природу этого явления, его роль, место и назначение во взаимоотношениях этносов.

Нам бы хотелось попытаться рассмотреть и проанализировать эту проблему на примере России, представляющей собой, на наш взгляд, уникальный случай и чрезвычайно интересный объект исследования, ибо она столкнулась не только с проблемой межэтнических конфронтаций и войн на собственной территории, но встала перед необходимостью самоопределиться в кардинально изменившейся геополитической ситуации. На наш взгляд, изучение особенностей культурно-исторической трансформации и функционирования русского этноцентризма, обращенного к Западу, даст возможность не только обозначить проблемы конкретных межэтнических отношений, но и позволит внести определенный вклад в решение общенаучных проблем теории этноцентризма.

ГЛАВА II. Особенности культурно-исторического восприятия Запада в России досоветского периода.

2. 1. Методологические основы изучения парадигмы 'Россия – Запад'.

Парадигма восприятия и отношения российского общества к Западу является, пожалуй, одной из самых доминантных в развитии русского общественного самосознания. Более того, речь идет о последовательной установке и утверждении глобальной для России проблемы противостояния Западу. Русские ученые даже утверждают, что отношение российского общества к Западу является одним из важнейших факторов исторического развития России, поскольку восприятие западного мира образует органический, структурный компонент идентичности русского народа, его национального самосознания, которое отличается в этом отношении от “самодостаточного” самосознания многих народов Запада и Востока, вырабатывающих собственную идентичность без особой оглядки на “других” (194, с.5).

Этот парадокс перманентного соотнесения и соразмерения себя с Западом вполне зримо прослеживается практически во всех сферах социального развития российского государства, а прежде всего в культуре и массовом сознании. И, разумеется, парадигма, которую условно можно обозначить как 'Россия – Запад', занимает едва ли не центральное место в политике этой страны.

Поэтому закономерно, что данная проблема привлекает внимание ученых из самых различных сфер общественного познания. В нашем случае постановка данной проблемы связана с исследованием особенностей восприятия Россией Запада в рамках теории этноцентризма. На наш взгляд, вполне логично начать с определения методологических основ, используемых при рассмотрении данного вопроса.

Этноцентризм, как социальное явление, представляет собой одну из форм обыденного, другими словами, массового сознания, особенностью которого

является восприятие окружающей действительности как этнически дифференцированного мира. При этом отправной точкой восприятия этого этнического многообразия является собственная культура носителя этой разновидности массового сознания. Являясь одной из форм массового сознания, этноцентристское мировоззрение подчиняется определенным механизмам, характерным для функционирования массового сознания, которое многие ученые относят к мифологическому типу сознания. Он достаточно последовательно и полно изучен в классических работах К. Леви-Стросса (C. Levi-Strauss), Дж. Фрейзера (J. Fraser), Э. Кассирера (E. Cassirer), А. Лосева и других авторов, изучавших этот тип сознания, главным образом, на примере традиционных обществ. Поэтому, думаем, правомерным будет обозначить лишь принципиальные особенности проявления и функционирования мифологического сознания. Так, Ф. Кессиди (F. Cassidi) дал следующее определение мифу:

Особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное, синкретическое представление о явлениях природы и общественной жизни, самая древняя форма общественного сознания (224, с.41).

А согласно одному из последних изданий “Большого энциклопедического словаря” (2002), мифологическое сознание – это:

основной способ познания мира, опирающийся на своеобразную логику ... особенность мифологического сознания – установление мнимых связей между различными явлениями. ... Миф в переносном смысле – ложные, некритические, оторванные от действительности состояния сознания, концепции, представления (155, с.739).

Мифологизированное сознание, как правило, противопоставляется рациональному сознанию, поскольку его субстанцией является эмоционально насыщенное, искаженное представление о действительности. Такое субъективное мироощущение исключает реальное представление о мире, которое является первоосновой рационального сознания.

Важную роль при этом играют определенные законы индивидуального восприятия, обоснованные М. Робером (M. Rober) и Ф. Тильман (F. Tilman) в их

работе, посвященной психологии индивида и группы (303, с.85-86). Так, в соответствии с выявленными ими закономерностями в мифологическом мировосприятии большую роль играет такая особенность индивидуального сознания, как избирательность восприятия, когда внимание обращается не на все, а лишь на некоторые проявления той или иной материальной или духовной культуры. Это вполне естественное свойство, поскольку невозможно сразу увидеть все свойства иной культуры, да и процесс познания любого объекта вряд ли можно когда-либо признать завершенным и исчерпанным.

Вторым свойством индивидуального восприятия, влияющего на особенности мифологического сознания, является глобализация, то есть рассмотрение отдельных черт объекта в целостной системе. При этом отдельные черты какой-либо культуры могут искажаться при восприятии.

Наконец, третьей чертой индивидуального восприятия, детерминирующей особенности мифологического мировосприятия, является его проективность. В соответствии с этим восприятие происходит не на чистый лист, а на собственную культурную целостность, поэтому неизбежно совершается перенос черт и закономерностей своей культуры на иную. Именно эта особенность индивидуального восприятия и является основой этноцентричного мировоззрения.

Восприятие Россией Запада, являясь социальным процессом, неизбежно мифологизируется, а, следовательно, обрывает своими мифами. Складывается инерция восприятия и устойчивой трактовки. Мифологический тип сознания всегда играл значительную роль в истории. Более того, существенные элементы мифологии даже в обыденном ее понимании сохранились в массовом сознании до наших дней и оказывают вполне реальное воздействие на современную историю, особенно в XX веке когда появилось, так называемое, массовое общество и возросло влияние масс на социально-политические процессы (175, с.49-50). В качестве примера можно привести расовые, классовые, культовые мифы. Более того, современные политические мифы являются одним из наиболее действенных и эффективных способов воздействия на общественное сознание. Они формируют определенное мироощущение, идеологические и психологические установки,

поведенческие модели в соответствии с политической конъюнктурой текущего момента.

Мифологизированность массового сознания является одним из условий успеха многих политических движений, ибо его отличительными особенностями являются авторитарность, исключая сомнения и самостоятельный поиск истины, а также стремление опереться на веру и эмоции, но не на знание. Внешний мир для мифологизированного сознания предстает как место борьбы противоположностей, каждая из которых ассоциируется либо с Добром, либо со Злом (175, с.49).

Таким образом, картина мира для носителя данного типа сознания не только контрастна и наполнена враждующими началами, но и предельно категорична и упрощена, поскольку сводится, главным образом, к противоборству условно 'темных' и 'светлых' сил. В таком мироощущении отсутствуют полутона и неопределенность. Эту особенность мифологизированного сознания подметил еще К. Леви-Стросс, который обосновал ее в своих бинарных оппозициях (250, с.159-162).

Для соперничающих идеологий эти качества и особенности мифологизированного сознания являются решающими и чрезвычайно актуальными, поскольку любая политика не только действует по принципу 'разделяй и властвуй', но и зачастую манипулирует массовым сознанием, постулируя вымышленные причинные связи между общественными явлениями и присваивая себе право на 'последнюю истину'.

Массовые движения самого разного типа и политической ориентации искали, сознательно или бессознательно, и находили себе опору именно в этих свойствах массового сознания. К. Леви-Стросс по этому поводу замечает:

Ничто так не похоже на мифическое мышление, как политическая идеология. В нашем современном обществе возможно даже, что последняя только заменяет первую (250, с.153).

Исследуя закономерности и особенности проявлений мифологизированности современного сознания, С.В. Чугров выделяет три разновидности мифологем: архетипы или остатки древнейших мифов; традиционные мифы,

сформировавшиеся в сознании того или иного этноса по ходу его истории; современные мифы. К последним относятся и, так называемые, “идеологемы”, которые представляют собой политизированные мифы (350, с.45).

Фокусом нашего исследования являются мифологемы русских о Западе, особенности их возникновения, факторы и условия их формирования, динамика их развития. Для нас важно определить, в какой мере сформировавшиеся архетипы, традиционные мифы и современные идеологемы, являясь структурной основой этноцентричного мировосприятия, оказывают влияние на особенности восприятия Россией Запада и на современную динамику развития парадигмы 'Россия – Запад'. При этом мы исходим из утверждения К. Леви-Стросса о том, что:

Миф всегда связан с прошлыми событиями: 'до сотворения мира', 'в давние-давние времена' и т.п. Однако внутренне присущая мифу ценность состоит в том, что эти события, происходящие, как считается, в определенный момент времени, образуют постоянную структуру, одновременную как для прошлого, так и для настоящего и будущего (250, с.153).

Исходя из целей нашего исследования нам следует определиться и с понятием 'Запад' с точки зрения российского общественного сознания. В связи с этим важно установить, является ли Запад в представлениях русского этноса единым целым или можно говорить о дифференцированности восприятия его этнического разнообразия.

Даже самый поверхностный анализ генезиса этого понятия дает нам основания утверждать, что практически до конца XIX века Запад воспринимался, главным образом, в границах современной Европы. Но поскольку постепенно оно стало подразумевать не только геополитическое положение данного региона, но и традиционно высокий уровень его индустриального развития, в сознании российского социума со временем понятия 'Запад' и экономически развитое общество стали практически тождественными. Поэтому дальнейшая метаморфоза этого понятия вполне закономерна. В начале XX века это понятие уже включает такие страны как Соединенные Штаты Америки и Канада. В настоящее время почти не вызывает никаких сомнений утвердившаяся в российском сознании

ассоциация понятия 'Запад' и совокупности таких регионов как Северная Америка, Австралия и, разумеется, Европа. Более того, как это ни парадоксально, в русском сознании порой феномен 'Запада' распространяется и на явно восточные культуры, такие как японская. Таким образом, формообразующими признаками при определении этого понятия с точки зрения русского менталитета являются уже не географические и даже не политические факторы, а, прежде всего, такие условия как: высокий уровень экономического развития; функционирующая система демократических институтов власти; налаженная система социального обеспечения; определенный уровень комфорта общественного и гражданского бытия; степень распространенности стандартов западной массовой культуры и другие параметры, которые в сознании русского общества укладываются в словосочетание 'западный образ жизни'.

Исходя из вышеизложенного, возьмем на себя смелость утверждать, что в русском общественном сознании весьма стойко укоренилось понятие 'Запад' как единый целый социальный феномен. Более того, этот социальный феномен обладает в восприятии русских всеми атрибутами социальной группы, поскольку с точки зрения русского общества 'Запад' или западные страны представляют собой относительно устойчивый социум, для которого характерны схожая система политико-экономического устройства, культура бытия, социальные нормы поведения и, наконец, общие стратегические интересы. Следовательно, в рамках нашего исследования вполне правомерно рассматривать сформировавшийся в русском общественном сознании социальный феномен 'Запад' как целостный объект русского этноцентризма. Таким образом, в соответствии с терминологией, принятой при изучении явлений этноцентризма, 'Запад', являясь объектом русского этноцентризма, становится 'аутгруппой' с точки зрения 'русской ингруппы'.

Безусловно, нельзя абсолютизировать целостность этого социального феномена в русском общественном сознании. В различные исторические периоды в зависимости от складывающейся политической или экономической ситуации феномен 'Запада' дифференцируется в русском восприятии. Более того, в зависимости от социально-политической ситуации та или иная западная держава играет в русском сознании доминирующую роль. Кроме того, по мере развития

контактов России с западными странами, различные этносы, представляющие западную культуру, начинают восприниматься и характеризоваться русскими по-разному. Тем не менее, как покажет наше исследование, даже такие временные доминанты или дифференциация западных стран не способны разрушить целостность восприятия 'Запада', как единого социального феномена, а в нашем случае как единой социальной группы и даже условно единого 'этноса'.

2. 2. Возникновение и формирование образа Запада в России (XI – XVI вв.)

Образ Запада актуализируется для русских не сразу, а по мере его необходимости, ибо один этнос стремится познать и диспозиционировать себя по отношению к другому этносу преимущественно лишь тогда, когда этого требует логика и социально-экономические факторы его развития. Поэтому Россия и русские стали воспринимать и соотносить себя с Западом лишь тогда, когда перед ними встала эта насущная необходимость.

Следует сразу отметить, что диспозиция России по отношению к Западу сразу приобрела форму противостояния. Многие русские исследователи объясняют это тем, что неприятие Запада пришло на Русь из Византии вместе с распространением православия. Так, по мнению видного историка русской церкви А.В. Карташова, причиной негативного отношения русских к Западу в целом и к католицизму в частности стало влияние Византии. Согласно его утверждению, на Руси под воздействием православных греков-митрополитов была воспринята крайняя форма осуждения всего латинского (222, с.263-266).

Так, уже в древнейшем русском литературном источнике XI века, в “Слове” Феодосия Печерского, явно присутствует негативное отношение к католикам и католичеству, которые по мнению этого автора “заблуждаются в вере и нечисто живут” (268, с.615).

Последовательное неприятие католицизма прослеживается и в более поздних средневековых литературных источниках. Так, в известном “Хождении игумена

Даниила" (XII в.), описывающем паломничество автора в Святую землю, весьма неприязненно описываются религиозные обряды католиков (268, с.111).

Еще одним подтверждением формирующегося противостояния России Западу служит тот факт, что согласно средневековой религиозной литературе, распространенной на Руси, рай располагается на востоке, а ад находится на западе (193, с.355-376).

Как следствие, неприятие православными католического мира, средоточием которого являлся Запад, изначально вело к отрицательной мифологизации противника и, в конечном счете, к формированию в массовом сознании русского этноса негативных этноцентристских установок. На данном этапе развития русского общества он выражался, главным образом, в ее **резекционной** форме, поскольку наблюдаются тенденции максимально дистанцироваться от Запада, который ассоциировался в массовом сознании русского этноса с чем-то несправедливым и чуждым. На Руси постепенно устанавливается атмосфера устойчивого неприятия и даже отторжения всего латинского. В повседневном быту осуждалось даже житейское общение с латинянами (222, с.265).

Отчуждение Руси от Запада еще более усилилось после ее завоевания татаро-монголами. Порабощение, так называемой, 'Золотой Ордой', повлекшее за собой почти 300-летнее существование в рамках огромной восточной империи Чингис-хана и его потомков надолго определила курс русской истории. Отношения с соседними западными государствами практически отсутствовали. Лишь с середины XIV века по мере постепенного распада монголо-татарской империи и формирования молодого Русского государства и укрепления его независимости начинается восстановление связей с Европой.

В результате уже в 1439 году во Флоренции состоялся церковный собор, итогом которого явилось провозглашение унии восточной и западной христианских церквей. Однако следует отметить, что основной причиной состоявшегося союза явился тот факт, что представлявший на этом форуме православную церковь, митрополит Исидор был горячим сторонником унии с западной христианской церковью. Ценным историческим источником являются путевые записки русских участников собора, зафиксировавшие не только их впечатления о знаменательном событии, но и о неведомой до того Западной Европе. С нашей точки зрения весьма

примечательно замечание одного из них о том, что подписание унии представителями православной церкви означала “прощение” латинян греками (269, с.471).

Тем не менее, противников подписания Флорентийской унии как в высшей иерархии Русской православной церкви, так и в правящей элите русского государства было гораздо больше, чем ее сторонников. Московское государство, пытавшееся укрепить не так давно приобретенную независимость, не нуждалось в политическом союзе с Западом. Осознавая обреченность Византии, ожидавшей вторжения турков, молодое русское государство стремилось оградить себя от любого вида агрессии, в том числе и от идеологической.

На наш взгляд, основной причиной отторжения русскими Запада в рассматриваемый период послужило известное стремление католической церкви к экспансии. Это, думается, в первую очередь и вызвало резкое усиление негативизма по отношению к Западу. Логическим концом всем этим событиям явилось низложение митрополита Исидора и его изгнание из Руси. Русское государство отвернулось от Запада и свела к абсолютному минимуму контакты с ней.

Применительно к изучаемой нами теории этноцентризма данный пример является лучшей иллюстрацией рассмотренной нами в предыдущей главе концепции группового конфликта интересов как первопричины негативного этноцентризма. Согласно авторам данной концепции первичным источником межэтнических противоречий являются реальный конфликт их групповых интересов как следствие ограниченности природных ресурсов и борьбы групп за их обладание. В этом случае проявление негативного этноцентризма, в частности, ее **резекционной** формы, представляет собой групповую реакцию на воспринимаемую внешнюю угрозу, функция которой заключается в сплочении группы для более эффективной защиты ее интересов. Так, о реалиях того периода и отношениях средневековой Руси и Запада российский историк И. Яковенко пишет:

... у этих отличавшихся друг от друга вселенных имелась одна плоскость пересечения: они конкурировали за пространство и ресурсы (360, с.15).

Русское государство и, в первую очередь, русская православная церковь боялась распространения влияния католической церкви на Руси, повлекшее бы за идеологической экспансией экономическую и политическую зависимость от Запада. Стремясь оградить себя от такой экспансии и ее последствий, Россия занимает изоляционистскую позицию и практически сводит на нет отношения с западными державами.

Такая политика приводит к тому, что русский народ оказывается практически отрезанным от внешнего мира. По свидетельству редких иностранцев, проживавших в средневековой России, выезд за ее пределы был запрещен, границы государства строго охранялись. Более того, всякое общение с иностранными подданными строго контролировалось, поскольку и иностранные послы, и любые поданные других стран находились под постоянным присмотром (16). Так, один из свидетелей того времени, Дж. Флетчер (J. Fletcher), пишет:

... бежать отсюда очень трудно, потому что граница охраняется чрезвычайно бдительно, а наказание ... есть смертная казнь и конфискация всего имущества (299, с.71).

В результате, начиная с середины XVI века, государственная политика, направленная на насильственную изоляцию русского народа от Запада приносит свои плоды, поскольку население России не только не имеет возможности выхода за пределы своей страны, но и не испытывает особого стремления к контактам с иноземцами. Таким образом, первоначальный стихийно-массовый негативный этноцентризм русского этноса по отношению к Западу, продиктованный факторами культурно-религиозного характера, постепенно становится объектом государственного идеологического и политического воздействия и контроля.

Еще большей изоляции России способствовал и разгром Иоанном Грозным Новгорода, который традиционно являлся источником проникновения западного влияния в Россию. Московское самодержавие именно в этот период последовательно закладывает основы тоталитарного государства, которые на много столетий определяют характер и особенности развития России.

Последующие исторические события повлекли за собой некоторые изменения в этноцентристских позициях русского этноса, поскольку речь идет не только о защите своих групповых интересов, но и об утверждении и отстаивании своей позитивной этнической идентичности. Так, после взятия турками в 1453 году Константинополя, греческая православная церковь пришла в упадок. Известный факт, что в результате этих событий Москва провозгласила себя духовной наследницей Византии, так называемым “Третьим Римом”. Вхождение в новую роль было закреплено и легендой о происхождении великих князей владимирских от римского императора Августа, а также династическим браком Ивана III с племянницей последнего византийского императора Константина XI, Софьей Палеолог. Таким образом, с конца XV века Россия рассматривала себя как единственную защитницу православия на Востоке как от, так называемых, 'басурман', так и от 'латинян'.

Более того, все эти исторические события, а именно, завоевание турками Константинополя, повлекшее за собой разрушение греческой православной церкви и, вследствие этого, падение ее авторитета, были восприняты на Руси по выражению известного теолога А. Шмемана, как некое “апокалиптическое знамение” об особом назначении русской православной церкви (354, с.360). Если прибавить к этому и определенные внешнеполитические успехи Московского государства, совпавшие по времени с падением Византии, то вполне понятно то состояние эйфории, чувства торжества и превосходства, охватившее русский народ на тот период. В результате, как свидетельствует историк начала XX века, В. Бочкарев:

... все 'свое', по мнению русских, было много выше и лучше 'чужого', и они презрительно относились ко всему иноземному, откуда бы оно не шло – с Балканского ли Востока или с Европейского Запада (159, с.3).

Еще одной причиной возросшего недоверия и откровенного осуждения Запада и, так называемых, латинян, послужило распространение в начале XVI века в Западной и Центральной Европе общественно-религиозного движения, известного в истории под названием 'Реформация' и направленного против католической церкви. Для русских это послужило еще одним доказательством

религиозной несостоятельности католицизма. Что касается возникшего в результате Реформации такого нового религиозного направления как протестантизм, то он изначально был воспринят на Руси как ересь. Как свидетельствует исследователь истории международных культурных связей средневековой России, Н. Казакова, антипротестантская полемика заняла одно из центральных мест в русской публицистике середины XVI века (218, с.42). О напряженности и актуальности этой полемики служит тот факт, что в ней принял участие даже сам Иоанн IV (Там же, с.223).

Как отмечают исследователи истории России этого периода, отторжению Россией Запада и ее самоизоляции весьма способствовала и позиция самого Запада, который, в свою очередь, не только провозгласил православие ересью, но и стремился к распространению католицизма на более обширных территориях, в том числе и на Руси (222, с.263-266).

В итоге, негативные этноцентристские установки русских по отношению к Западу еще более укрепились. Речь идет даже об их эскалации, то есть о переходе от **резекционной** к **конфронтационной** форме негативного этноцентризма, поскольку прежняя пассивная политика Руси дистанцироваться и самоизолироваться от культуры Запада сменяется на более активное оспаривание и отрицание идей, принципов и ценностей этой культуры. Выражаясь категориями и понятиями, принятыми при изучении этноцентристских явлений, ингруппа (Россия), стремясь максимально предохранить свои интересы, отстоять свои позиции, и, наконец, защитить свою позитивную этническую идентичность делает приоритетом в отношениях с аутгруппой (Запад), в первую очередь, разрешение противоречий с ней. На данный момент речь идет пока лишь об идеологической конфронтации России с Западом. Тем не менее, этноцентризм русских явно становится более агрессивным по отношению к Западу.

Однако, стремление разрешить культурно-религиозные противоречия повлекло за собой полемику, которая по своей природе предполагает пусть и нелицеприятный, но, тем не менее, диалог с оппозицией. Как следствие этого, московское общество постепенно вовлекается в более широкие контакты с неправославной Европой. Следует сразу отметить, что с самого начала это взаимодействие происходило сложно и носило непростой, амбивалентный

характер. С одной стороны, Москва продолжает жестко самоизолироваться от Запада: границы России традиционно 'на замке', а контакты с иностранцами весьма лимитированы, не только ввиду их ограниченного присутствия, но и из-за культивировавшейся долгие годы западофобии.

С другой стороны, власть предрежащие проявляют несомненный интерес к запрещенному ими же объекту. Цари и их ближайшее окружение, выполняя свои государственные обязанности и принимая послов и различные иностранные делегации, пытаются как можно больше узнать о чуждой культуре, разобраться в международной ситуации, выявить особенности западноевропейского образа жизни, с целью не столько откорректировать внешнеполитическую стратегию Московского государства, сколько, главным образом, подтвердить свои опасения и оправдать занятую ими политику изоляционизма от Запада (159, с.127-132). Такая предвзятость приводит, в итоге, лишь к тому, что правители средневековой Руси еще более утверждают в своих позициях отрицания Запада и всего того, чем эта культура обогащает цивилизацию. Лучшей иллюстрацией этому могут послужить письма Ивана Грозного. Так, в известном послании королеве Великобритании Елизавете Первой, уязвленный ее отказом на предложение вступить в брак, русский царь пишет:

Мы надеялись, что ты в своем государстве и сама владеешь и о государственной чести заботишься и о выгодах для государства Но, видно, у тебя, помимо тебя, люди владеют, и не только люди, но мужики торговые А ты пребываешь в своем девическом плену, как есть пошлая девица ... (270, с.115).

Еще более показателен отрывок из письма Ивана Грозного польскому королю Стефану Баторию:

...жил ты в державе басурманской, а вера латинская – полухристианство, а паны твои держатся иконоборческой лютеранской ереси. А ныне мы слышим, что на твоей земле устанавливается вера арианская, а где арианская вера, там имени христово быть не может ... (270, с.175).

Характерен в этом плане и такой исторический факт. Вплоть до середины XVII, по свидетельству иностранных послов, русские цари после дипломатических

приемов мыли руки в специальном сосуде с тем, чтобы очиститься от греха и скверны, олицетворением которых был в то время Запад для русских (159, с.89).

Таким образом, единственной целью контактов русских правителей с западной цивилизацией и ее представителями является в данный период лишь оправдание занятых ими негативных установок по отношению к Западу. В стремлении русского государства превознести все отечественное как высший эталон, а именно провозгласить Москву центром истинного христианства, а русские традиции, образ жизни и в целом культуру, как единственно разумные и правильные, и в то же время представить Запад как средоточие зла и хаоса, явно прослеживается классический случай негативного этноцентризма, описанный У. Самнером.

Такая категоричная и однозначно враждебная позиция русского правительства к Западу, безусловно, проецировалось на массовое сознание населения страны. Об этом можно судить по таким историческим источникам, как впечатления иностранных путешественников той эпохи. Судя по этим впечатлениям, в народной среде сформировался достаточно устойчивый негативизм по отношению к Западу, образ которого откровенно ассоциировался с греховностью, злом и ересью (299).

Как и предполагает логика развития этноцентристских установок демонизация Запада одновременно сопровождалась демонстрацией чувства превосходства и гордости за собственную культуру, традиции и достижения. Как отмечают иностранцы, современники той эпохи, русских отличала наивная уверенность в том, что православие является единственно истинной верой, что 'инославие' это непростительный грех и, что русский образ жизни является наиболее праведным (299, с.71-72).

В результате, ассоциация Запада с адом, грехом и несправедностью привела к тому, что иностранцы, пребывавшие по тем или иным причинам в Московии той эпохи, воспринимались не только с подозрением и враждебностью, но и третировались как персоны, на которых не распространяются обычные моральные нормы человеческого общежития. Об этом пишет и известный русский историк В. Ключевский. Так, он отмечает, что иностранных послов повергало в отчаяние двуличность, бесцеремонность и лживость московских бояр, с которыми им приходилось решать различные политические проблемы и вопросы. Нарушение

ими данных зарубежным дипломатам обещаний входило почти в норму. Более того, по свидетельству иностранцев, если русских:

... уличали во лжи, они не краснели и на упреки отвечали усмешкой (225, с.46).

Сохранились также свидетельства о том, что русские купцы, после заключения сделок с иностранными торговцами, как правило, шли в церковь замаливать грех общения и ведения бизнеса с иноверцами (225, с.46).

Есть все основания полагать, что, по крайней мере, до середины XVII века восприятие Запада и отношение к нему в Московии отличалось цельностью и было достаточно единообразным для всех слоев ее населения. Архаическая народная ментальность допетровской Руси демонизировала разрушительную для нее западную культуру. Глубоко традиционная, консервативная и все еще средневековая Русь всеми силами старалась самоизолироваться от более модернизированной Западной Европы.

Таким образом, отличительной чертой рассматриваемой эпохи является тотальный характер негативных этноцентристских установок по отношению к Западу независимо от принадлежности к различным стратам российского общества. Одной из основных причин возникновения и проявлений **резекционного**, а порой и **конфронтационного** этноцентризма в массовом сознании русского народа по отношению к Западу, являлись, прежде всего, религиозные противоречия, а также достаточно активная политика русского правительства и православной церкви, направленная на поддержание архаичной формы западофобии русского этноса. Более того, русского государство не только культивировало негативное восприятие Запада в сознании своих подданных, но и всячески стремилось изолировать население Руси от 'демонического' влияния 'латинян'. Первопричиной же негативных этноцентристских установок непосредственно самих правителей Московского государства, по нашему мнению, послужил конфликт интересов в идеологической сфере, а именно, борьба за ресурсы, в данном случае, людские. Другими словами, речь идет о борьбе за контроль за умами и душами подданных Русского государства.

2. 3. Русский этноцентризм и Запад в условиях социального реформирования России в XVII – начале XVIII вв.

С наступлением XVII века ситуация в России начинает постепенно изменяться. Поступательное развитие русского общества, аккумуляция новых знаний и информации, опыта общения с иностранцами и, наконец, всепроникающее влияние более прогрессивного Запада способствуют постепенному ослаблению политики изоляционизма русского правительства. Однако основной причиной последующего более кардинального изменения политики России по отношению к Западу русские историки объясняют тем, что сама логика развития российского государства требовала таких перемен (360, с.18).

Во-первых, экономическая и политическая ситуация требовала разрешить проблему выхода России к Балтийскому морю. Итогом этому явилась изнурительная и безуспешная для России Ливонская война (1558 – 1583). Поражение России в этой войне стало одной из причин государственного кризиса, известного в русской истории как 'смутное время'. Во-вторых, сама 'смута' конца XVI начала XVII веков привела практически к распаду русского государства.

Несколько десятилетий потребовалось для преодоления затянувшегося политического кризиса и восстановления российской государственности. Результатом этому явилась реализация факта о несостоятельности предыдущей политики изоляционизма России. Несколько столетий упорного отказа от всяких контактов, ограничения экономического сотрудничества и культурного-политического обмена с Западом, привели к тому, что Россия еще более отстала в своем развитии от западных стран. Неожиданно:

Правоверный москвит уясняет для себя странную истину, которая состоит в том, что пушки католиков стреляют лучше и точнее, иными словами, 'истинная вера' не гарантирует качества пушек (360, с.12).

С точки зрения же современников-иностранцев москвиты были всего лишь варварами:

... народ, который изгнал от себя науку и изящные свободные искусства, а на добродетели благонравия и учтивости не обращает должного внимания, сегодня, как ранее подобное греки называли, должен быть сочтен варварским, и никто не ошибется, когда и Московии даст это название (Цит. по 263, с. 111).

Таким образом, неожиданно страна оказалась перед жизненно важным выбором: либо упорствовать в своем стремлении оградиться от внешнего мира, и в итоге потерпеть окончательное поражение в конкуренции с более модернизированными и сильными западными государствами и, в конце концов, утратить экономическую и политическую независимость; либо попытаться научиться и усвоить накопленные западной цивилизацией знания, технологии и достижения в самых различных областях науки и техники и, в результате, став более конкурентоспособным, сохранить и укрепить экономическую и политическую суверенность. В итоге, страна, руководствуясь инстинктом самосохранения, делает выбор:

Выйдя из потрясений смуты, Московское царство вступает в не вполне осознаваемый поначалу процесс модернизации (360, с.12).

Итак, русская политическая элита той эпохи сделала приоритетом второй вариант стратегии государственного развития, а именно, модернизирование русского государства. Так, российские ученые полагают, что более трезвый и рациональный взгляд русских самодержцев на катастрофическую ситуацию, в которой оказалась, в конечном итоге, Россия, сподвигнула их на кардинальное изменение как внешней, так и внутренней политики страны:

Рассматривая величие империи и могущество государства как ценности высшего порядка, российская политическая элита вынужденно идет на болезненные изменения общества во имя приумножения мощи государства, приобретения новых территорий, расширения сфер влияния (Там же, 13).

Более того, российские историки утверждают, что:

России удалось создать сильную империю именно потому, что, начиная с XVII века, она постепенно (реформы и контрреформы) усваивает технологию, идеи, методы, сложившиеся в западной культуре (Там же, с.12).

При этом весьма поучительным уроком для нее послужили неутешительные итоги Ливонской войны, ибо именно эта война продемонстрировала, насколько избранная Россией политика изоляционизма ослабила страну и сделала уязвимой ее внутреннюю социально-экономическую стабильность, а в сфере международной политики привела к явной неконкурентоспособности:

На рубеже XVI – XVII вв. страна переживает жесточайшее потрясение, вызванное первым серьезным столкновением с Европой. Ливонская война Ивана Грозного вылилась в потрясения Смутного времени, которые поставили Московское царство на грань распада (360, с.12).

Таким образом, как это ни парадоксально, именно открытый военный конфликт с Западом создал ситуацию, при которой у России оставалась лишь одна жизнеспособная альтернатива, а именно, повернуться лицом к Западу, что она и делала с переменным успехом в последующие столетия.

С изменением геополитических и социально-экономических факторов постепенно меняется и природа этноцентристских установок русского народа и восприятие им Запада. Именно с этого момента начинается дифференциация механизмов формирования и особенности проявления русского этноцентризма, в зависимости от принадлежности к различным стратам российского общества. Так, например, элита российского общества начинает более близко знакомиться с западной культурой не только благодаря возможности непосредственного общения с ее представителями, но и, так сказать, изнутри при поездках за границу. Уже в период царствования Бориса Годунова делаются первые шаги по установлению и расширению более близких контактов с Западом. Именно при Борисе Годунове вошло в традицию посылать молодых представителей привилегированных классов учиться на Запад:

Царь покровительствовал иностранцам и стремился к тому, чтобы европейские знания осваивались русскими людьми. 18 знатных юношей были отправлены в Англию, Голландию и Германские государства для обучения (262, с.38).

При нем же значительно либерализуется отношение к иностранному дипломатическому корпусу, то есть послам и иностранным делегациям предоставляется больше прав и свободы передвижения. Москва стала более привлекательным местом и в нее буквально хлынул поток иностранцев. Среди них были, в первую очередь, купцы, лекари, ремесленники и даже военные. О росте либерализма и увеличении населения в местах постоянной резиденции иностранцев, а именно, в немецкой слободе, говорит тот факт, что в ней был даже построен лютеранский храм. По словам Л. Морозовой:

Борис Годунов 'прославился' среди современников своей чрезмерной любовью к иностранцам и всему иностранному (263, с.23).

По свидетельству того же автора русская аристократия, непосредственно общаясь с иностранцами, постепенно начинает обзирать и усваивать традиции и стиль западного образа жизни:

Русские знатные юноши перенимали западные обычаи, брили бороды, использовали некоторые элементы украшения одежды, изучали иностранные языки, интересовались жизнью за рубежом (262, с.39).

О достаточно радикальном изменении дворцовой атмосферы говорит тот факт, что Борис Годунов даже свою дочь Ксению был готов выдать замуж за датского принца Иоганна, от которого при этом не требовалось принятия православия. Ко двору русского царя даже приглашаются ученые греческие монахи (263, с.23).

Изменения касаются не только культуры быта и дворцового политеса, но и сферы государственного строительства. Так, в соответствии с европейскими образцами со временем трансформируются армия и система образования, а в сфере экономики значительно расширяются торговые связи России с Западом. Российские историки утверждают, что насущность реформ стала очевидной для русских царей и их окружения задолго до прихода к власти Петра I:

Отсталость России от Западной Европы осознавалась верхушкой правящего класса уже давно. При деде Петра, первом Романове – Михаиле Федоровиче, была начата реформа армии: появились полки 'иноземного строя'.

Попытки реформирования продолжались и при отце Петра, царе Алексее Михайловиче (165, с.170).

Согласно данному свидетельству, элитарная Россия начинает изменять свое отношение к Западу. Определяющим фактором формирования этноцентристских установок в этой среде в рассматриваемый период, на наш взгляд, становится осознание культурной дистанции, причем отнюдь не в пользу русских. Думается, что в данной ситуации более образованный и продвинутый слой русского общества понял жизненную необходимость преодоления этого культурного барьера. Именно в этот период закладываются основы формирования позитивных форм проявления русского этноцентризма, адресованного Западу. В данном конкретном случае, на наш взгляд, складываются предпосылки для развития **гибкой** формы этноцентристских установок, при которых ингруппа (русская элита) начинает более разумно регулировать общение с аутгруппой (Запад и ее представители в России) в наиболее уязвимых сферах взаимоотношений и отдавать предпочтение развитию тех контактов, которые с точки зрения русских отвечают их интересам и не наносят им какого-либо ущерба.

Для перестройки более аморфного и ригидного массового сознания простого народа требовалось гораздо больше усилий и времени, главным образом, потому что он был тотально необразованным, и к тому же не обладал возможностями более привилегированных классов. Не имея доступа к достоверной информации о Западе, простой народ в своих представлениях о внешнем мире, по-прежнему ориентировался, главным образом, посредством формирующихся в массовом сознании мифов. Поэтому преодолеть в этой среде культивировавшуюся долгими столетиями западофобию было гораздо более трудоемкой и сложной задачей. Более того, даже за сравнительно короткий период правления Лжедмитрия I у москвитян сформировалось стойкое неприятие вводимых при нем чуждых обычаев и пренебрежение при этом православными традициями. А непосредственное военное вторжение в период смуты поляков, литовцев и шведов

на территорию Руси превратило довольно абстрактные образы врагов православной веры в реальных агрессоров и 'завоевателей русской земли'. Так, в написанном под впечатлением от польско-литовско-шведской интервенции "Плаче о московском разорении" автор негодует:

Окаянные поляки и немцы (под 'немцами' подразумевались шведы и литовцы – *авт.*) запали город, кровь неповинных как воду полили.
Все разграбили, разорили столп христианской веры (Цит. по 263, с.29).

Таким образом, в сознании народа образ представителя западного мира становится еще более негативным. В результате, этноцентристские установки, формировавшиеся в этой среде, согласно рассмотренной нами ранее теории группового конфликта, в своей основе детерминировались условием реальной внешней угрозы. При этом, как объясняют сторонники данной теории, функция негативного этноцентризма заключается в сплочении группы для более эффективной защиты ее интересов.

Как видим, налицо амбивалентность как в природе и механизмах формирования этноцентристских установок в различных социальных стратах русского общества, так и в особенностях их проявления. В преддверии неотвратимо наступающего раскола единого средневекового русского менталитета, в России складываются предпосылки для более многовариантных уровней проявления этноцентризма в зависимости от отношения как к Западу в целом, так и к взаимодействию с чуждыми культурами.

Эта ситуация становится еще более экстремальной с наступлением петровской эпохи, известной как первой эпохи более масштабной и кардинальной модернизации Руси по западному образцу. Эта эпоха настолько примечательна и показательна для русской истории, что логику ее последовательного и целенаправленного развития в данный период можно даже уложить в некую схему. Первый шаг делается непосредственно самим Петром I и его 'великим посольством'. Плодотворное и поучительное пребывание царя 'incognito' за рубежом повлекло за собой массовую и регулярную отправку на обучение в Европу молодых представителей русской аристократии. Одновременно в Россию приглашается целая армия западных специалистов из самых различных сфер

знания и ремесел. Драконовскими методами внедряются в повседневную культуру и быт русского дворянства западный стиль, традиции и образ жизни. Шаг за шагом, путем насильственного искоренения многовекового средневекового уклада жизни в привилегированных кругах российского общества усваивается западная культура.

Относительная уникальность такого насильственного внедрения элементов чужеродной культуры делает невозможным однозначно определить природу развития этноцентристских установок в среде быстро трансформирующегося высшего общества России. Думается, сама ситуация предполагает многовариантность восприятия и взаимодействия с западной культурой в зависимости от социальных, психологических и экономических факторов.

Возьмем на себя смелость утверждать, что более молодая и образованная часть русского дворянства проявляла больше энтузиазма в усвоении сути и элементов более прогрессивной культуры. Именно в этом случае речь идет о проявлении **аккультурационной** формы позитивного этноцентризма, ибо в силу особенностей менталитета и интеллекта, молодому поколению свойственно не только стремиться усваивать новые знания и умения, но быстрее ориентироваться и адаптироваться в изменяющихся социально-экономических условиях.

Большей сопротивляемостью, по нашему мнению, отличалась та прослойка русской аристократии, которая в связи с петровскими преобразованиями либо теряла все свои предыдущие привилегии и преимущества, либо в силу социально-психологических особенностей менталитета была просто не готова окончательно расстаться со средневековым укладом жизни. Думаю, что к ней, главным образом, относится более старшее поколение родовитых боярских семейств и русского дворянства.

Поскольку Петр I не давал другой альтернативы, кроме насильственной ассимиляции западной культуры, то эта часть русского общества, стараясь не понести ощутительного ущерба, на наш взгляд, дипломатически проявляла **гибкий** этноцентризм, при котором могла избирательно и критично усваивать преимущественно внешние элементы чужеродной культуры, сопротивляясь при этом ее внедрению в наиболее чувствительные и уязвимые сферы традиционного сознания и быта. Таким образом, основной целью этой консервативной части

русской аристократии являлось сохранение наиболее значимых и знаковых устоев и норм традиционной русской культуры.

Данная **гибкая** форма этноцентризма была характерна и для формирующейся молодой русской буржуазии. Однако, она в своих этноцентристских установках руководствовалась, главным образом, прагматизмом. И поэтому, критически осваивая западную культуру, нарождающийся русский капитализм основное внимание уделял приобретению более передовых навыков ведения бизнеса и экономических методов хозяйствования. Усвоение этим классом внешних атрибутов западной культуры подчинялось именно этим задачам и не являлось самоцелью.

И, наконец, присутствовало пусть и немногочисленное, но, тем не менее, сопротивление проникновению чужеродной западной культуры в Россию. Представители этого политического направления либо саботировали нововведения, либо, по мере возможностей, сопротивлялись социально-культурному преобразованию России. Они демонстрировали непримиримый и бескомпромиссный негативный этноцентризм по отношению к Западу и ее культуре. В условиях петровской России речь могла идти только о **резекционной** форме негативного этноцентризма, ибо об открытой конфронтации в этой среде речи и быть не могло. Петр I решительно, радикально и бескомпромиссно пресек бы все конфликтные ситуации и их инициаторов ожидала бы очень незавидная участь.

Следует подчеркнуть, что петровские реформы, ставившие своей целью модернизировать российское общество и внедрить не только новые знания и технологии, но и изменить кардинально весь строй и образ жизни России, коснулись, главным образом, привилегированных слоев русского истеблишмента. Социально-культурные перемены для русского дворянства носили не только системный характер, но и производились путем революционных преобразований практически во всех сферах жизни. У русского дворянства не оставалось при этом другого выхода, кроме как усвоить новый образ жизни, новые знания, новые бюрократические порядки, новые технологии и т.п.

Что касается более широких масс населения России той эпохи, то ее традиционная архаика оставалась почти не затронутой, поскольку, если высшее

сословие России в той или иной степени подготавливалось к осознанию и пониманию необходимости социально-экономического трансформирования страны, то тотально необразованному русскому крестьянству даже не пытались как-то объяснить происходящее. Никто в русском государстве не ставил в то время задачи массовой пропаганды и просвещения.

Более того, основные тяготы по социально-экономическому преобразованию России, в первую очередь, обрушились на простой народ. Российское крестьянство поплатилось многими реальными жертвами за процесс реформирования страны, поскольку использовалось лишь как орудие и средство достижения этих реформ. Петровские нововведения обернулись для народа лишь дополнительными лишениями и бедствиями. Именно поэтому в этой среде изначальная 'демонизация' Запада еще более усилилась, ибо теперь Запад из абстрактной идеологической оппозиции превратился в реальную первопричину мучительных процессов.

Таким образом, негативные этноцентристские установки в массовом российском сознании еще более усилились. Думается, их детерминантами в этом случае послужили многие факторы, а в первую очередь, пока непреодолимая культурная дистанция и групповой конфликт интересов. Диапазон проявления негативного этноцентризма, на наш взгляд, здесь тоже варьируется от **резекционных** установок до **конфронтационного** неприятия.

Как видим, уникальность политической ситуации повлекла за собой и своеобразие сложившейся системы этноцентристских установок. Их диапазон был достаточно разнообразным, однако главными особенностями развития русского этноцентризма по отношению к Западу в данный период является как дифференциация этноцентристских установок в зависимости от принадлежности к различным стратам российского общества, так и феномен формирования и проявления позитивного восприятия западной культуры.

2. 4. Модернизация как детерминант русского этноцентризма.

Последующая логика исторического развития Русского государства показывает, что страна последовательно включается в процесс модернизации. Для России это означало, в первую очередь, перенимание опыта Запада и следование его образцам, другими словами, 'вестернизацию'. Отныне история российской империи это, согласно мнению И. Яковенко:

...история вестернизирующегося общества, сохраняющего традиционное противостояние Западной Европе (360, с.12).

Как видим, складывается весьма своеобразная ситуация, при которой Запад, благодаря многовековой культивации в русском сознании западофобии, по-прежнему остается чем-то чуждым и опасным. Вместе с тем, он неожиданно становится востребованным и актуальным объектом изучения, подражания и интереса.

Такая парадоксальная амбивалентность восприятия Запада, усугубляется тем, что Россия постепенно приходит к реализации весьма неутешительных фактов, а именно, что политика самоизоляции страны, привела к тому, что дистанция между все еще средневековой Россией и стадильно прогрессивным Западом чрезвычайно велика и что России отныне отводится далеко незавидная роль догоняющего субъекта. Становится очевидным, что геополитический статус страны катастрофически низок относительно подавляющего большинства западных держав.

Думаю, что достаточно справедливо именно в этом случае сослаться на выводы авторов реалистической теории группового конфликта о том, что различия и соотношение социального статуса групп может детерминировать проявление этноцентристских установок. Мы интерпретируем выводы данной теории гораздо шире, поскольку в качестве социальных групп рассматриваем такие мегасубъекты, как страны и даже регионы. Исходя из этой теоретической предпосылки, мы утверждаем, что именно на этом этапе развития русского общества основным

условием формирования этноцентристских установок становится осознание очевидной реальности, что геополитический статус России значительно ниже, чем статус западных государств.

Остановимся несколько подробнее на основных постулатах вышеназванной теории применительно к рассматриваемому нами предмету. Так, ранее мы установили, что представление о статусе включает в себя определение места, занимаемого собственной и релевантными группами в социальной структуре, в нашем случае в геополитической системе мира, и связанную с этим оценку групп, их соотносительный престиж и ранг. Позиция, занимаемая группой в той или иной социальной структуре, как правило, являющейся иерархией, определяет соответствующие атрибуты и оценки и составляют основу позитивной или негативной групповой идентичности ее членов. Поскольку социальные иерархии нестабильны и обладают свойством изменяться в зависимости от целого спектра культурных, политических и экономических факторов, стратегии поведения групп, направленные как на повышение своего статуса, так и на подтверждение своей позитивной идентичности, будут зависеть от особенностей того социально-исторического контекста, на фоне которого они развиваются. Россия, оказавшись на позиции низкостатусного субъекта в геополитической иерархии мира, на определенном этапе своего исторического развития избирает стратегию защиты и утверждения своей позитивной идентичности путем повышения своего социально-политического и культурного статуса и, вследствие этого, изменения занимаемого им места в структуре данной иерархии.

Итак, выбор сделан и динамику исторического процесса уже невозможно приостановить. Отныне стратегическим приоритетом развития российского государства становится ее модернизация. Отсюда истоки формирования той социально-политической диспозиции, которая во все последующие столетия определит особенности как восприятия Россией Запада, так и их взаимоотношений. Суть этой диспозиции сводится к противостоянию между Россией и Западом, а их взаимоотношения это отношения преследователя и лидера. Уже сама расстановка сил содержит в себе конфронтацию, поскольку целью догоняющего является, как минимум настигнуть лидера, а в лучшем случае даже опередить его. Исходя из этого конфликт между ними практически

неизбежен. В сознании преследующей стороны заведомо формируются антилидерские амбиции и настроения. Это только одна сторона проблемы модернизирующегося общества.

Другая сложность заключается в том, что сам процесс модернизации рождает комплекс проблем, как в сознании отдельных индивидуумов, так и в самосознании всего социума. Модернизация сама по себе предполагает разрушение устоявшейся гармонии традиционного общества и формирование новой системы ее социальной, политической и экономической дифференциации и стратификации. Естественно, что все эти процессы весьма болезненно переживаются на всех уровнях общественного сознания. Но если интеллектуальная элита модернизирующегося общества понимает и осознает объективные причины и следствия этого неизбежного социально-исторического процесса, то для массового сознания весьма характерно искать более простые и понятные ему объяснения. Как мы ранее определили, для массового сознания характерно мифологизированное восприятие внешнего мира, вследствие чего он предстает как арена борьбы 'добра' и 'зла'. Поскольку источником мучительной модернизации в глазах русского народа является Запад, то именно он в массовом сознании олицетворяется со 'злом'. Поэтому именно ему адресуются все обвинения и негативные реакции. В итоге, Запад не только не утрачивает статус перманентного объекта негативного этноцентризма в массовом сознании русского этноса, а даже, напротив, становится еще более концентрированной и остроактуальной отрицаемой сущностью.

Однако никакой даже самый экстремальный негативизм не может отменить глобальный исторический императив. Для России, вступившей в процесс модернизации, а, следовательно, пустившейся за Западом вдогонку, основной задачей становится наверстать упущенное и, сократив образовавшееся культурно-цивилизационное расстояние, в конечном итоге, устранить противостояние.

Как показывает история человеческой цивилизации, насколько это не парадоксально, конфронтация является одной из самых эффективных форм культурного самосовершенствования, поскольку в процессе противостояния, поневоле вступая в своеобразный культурный диалог, более слабая сторона получает возможность активно заимствовать и учиться у противостоящей сильной

оппозиции самому необходимому и лучшему. В нашем случае в качестве примера можно привести следующие факты. Длительная конфронтация со Швецией оставила свой след в российской истории государственного строительства в виде знаменитой петровской административной системы, а именно учреждений сената и коллегий. Неизгладимый след в строительстве военной системы российского государства оставили Пруссия и Германия, в разные исторические периоды являвшиеся его противниками. С ростом международного авторитета Франции, а особенно в канун наполеоновских войн, ее культура начинает оказывать огромное воздействие на русскую культуру. Высший свет российского общества в этот период не только практически тотально перешел на французский язык, но и полностью усвоил этикет и придворный политес французской аристократии. Как видим, в действие включается принцип, по которому с изменением противника меняется и культурно-политическая ориентация. Так, накануне Второй мировой войны в России стремительно рос престиж немецкого языка, в период же 'холодной войны' в Советском Союзе становится весьма популярным изучение английского языка.

Однако процесс освоения и заимствования элементов чужой культуры далеко не однозначен, поскольку предполагает последовательное разрушение целостности собственной культуры. В связи с этим весьма точно и адекватно следующее утверждение:

... существует некоторый особый для каждой эпохи порог постижения иного, инокультурного, преодоление которого выводит носителя традиционной культуры за пределы последней. Познав нечто, ты необратимо меняешься, как бы покидаешь родную культуру, умирая для внутреннего наблюдателя. Такое превращение рождает ужас в архаическом сознании (360., 17).

Именно поэтому традиционная культура вырабатывает своеобразный защитный механизм, посредством которого предохраняет свои базовые ценности, защищает их, по мере возможности, от окончательного уничтожения. И хотя, в конечном итоге, логическим завершением любого противостояния является нивелирование и сведение к минимуму культурных различий соревнующихся цивилизаций, саморегулирующийся процесс усвоения инокультурного материала дозирует

'потребление' элементов чужеродной культуры, предохраняя, тем самым, исходную культуру от катастрофического ультимативного саморазрушения.

Безусловно, что в условиях таких экстремальных и весьма противоречивых взаимоотношений культур этноцентристские установки низкостатусного социума обуславливаются особыми законами развития межкультурного взаимодействия. Логичное объяснение взаимосвязи этого процесса и проявлений этноцентристских установок, на наш взгляд, дает автор ранее рассмотренной нами теории межэтнической суггестии и контрсуггестии, Б. Поршнев.

Согласно его концепции, межэтническое взаимодействие строится на основе двух диалектически взаимосвязанных социально-психологических процессов: с одной стороны – уподобления, сближения этносов между собой, а с другой – обособления, противопоставления. Б. Поршнев назвал эти процессы соответственно 'суггестия' и 'контрсуггестия'. Основу первого процесса составляет чувство приятия, доверия к источнику информации, эмоциональной основой второго процесса, наоборот, являются чувства недоверия, отчуждения и сопротивления внушаемой информации.

Таким образом, восприятие инокультурного материала регулируется через своеобразный фильтр 'доверия – недоверия' и предохраняет социум от некритического усвоения элементов чужого социокультурного опыта. В соответствии с теорией Б. Поршнева процессы межэтнической дифференциации, отчуждения (аутгрупповая контрсуггестия) содействуют сохранению устойчивости и целостности этносов как суверенных социокультурных субъектов, в то время как феномены сближения и уподобления (аутгрупповая суггестия) способствуют взаимокультурному влиянию и адаптации. Применительно к выдвинутой нами концепции механизм суггестии детерминирует проявления позитивного этноцентризма, а контрсуггестии, в свою очередь, обуславливает возникновение феноменов негативного этноцентризма.

Бесспорно, что специфика проявления социально-психологических механизмов 'суггестии-контрсуггестии', создающих оптимальную степень 'защиты', 'центрации' этноса и, в то же время, способствующих социокультурному обмену и взаимокультурной адаптации, зависит от конкретных исторических, политических и экономических условий взаимодействия различных социумов. Более того,

модернизирующиеся общества, как правило, представлены множеством субкультур, которым свойственны разные темпы вовлечения в новую динамическую культуру. В данном случае не является исключением и Россия, в которой модернизационный процесс с переменным успехом длится уже несколько столетий.

В русской истории, по нашему мнению, примером феномена проявления механизмов суггестии и контрсуггестии и, соответственно, формирования как негативных, так позитивных форм этноцентризма служит известная парадигма и, в силу перманентного процесса российской модернизации, непрекращающаяся дискуссия между двумя социально-философскими течениями: западничеством и славянофильством.

С нашей точки зрения первое направление представляет собой механизм проявления аутгрупповой суггестии, детерминирующий позитивный этноцентризм, главным образом, ее **аккультурационную** форму. В свою очередь, второе направление, являясь, по сути, противодействием, выражает собой квинтэссенцию процесса аутгрупповой контрсуггестии, приводящего в действие негативные формы проявления этноцентризма.

В последнем случае, исходя из теории социальной идентичности, есть все основания предположить также, что помимо механизмов аутгрупповой контрсуггестии, негативный этноцентризм возникает как социально-психологический механизм защиты позитивной этнической идентичности. Рассматривая славянофильство применительно этой теории, можно убедиться, что налицо все основные атрибуты проявления защитных социально-перцептивных механизмов данного феномена. Так, тенденция к фиксации и преувеличению ин-аутгрупповых отличий, в славянофильстве выражается в том, что сторонники этой концепции (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин и др.) подчеркивали несхожесть Запада и России по следующим параметрам: генетическим корням культур, способу познания мира, специфике мышления, основам организации общества, правовым и политическим формам. Их основной вывод – у России свой особый исторический путь, ей не нужно равняться на достижения Запада и заимствовать его социальные формы.

Вторая характерная черта проявления данного феномена, а именно, оценочная поляризация между ин- и аутгруппой, то есть приписывание более высокой оценки ингрупповым атрибутам, по сравнению с аутгрупповыми в славянофильстве выразилась в постулате о самобытности России, идеализации русской патриархальности. Повторяя средневековый постулат, они неизменно апеллируют к идее о том, что Россия является единственной истинной хранительницей христианских идеалов. Западному индивидуализму и либерализму славянофилы противопоставляют учение о соборной природе русского народа. Подлинная свобода личности в их трактовке состоит в способности 'самоотречения' от эгоизма и приобщении к универсальным смысловым основаниям национальной жизни. В поисках прообраза новой грядущей социальности славянофилы обращаются к русской крестьянской общине, поскольку именно в ней они видят антитезу западной частноэгоистической цивилизации.

Как видим, налицо и 'поиск позитивных отличий' ингруппы от аутгруппы и тенденция благоприятствовать собственной группе в восприятии. Такую 'пристрастность' межэтнического восприятия, благоприятствование ингруппе в оценках авторы теории социальной идентичности объясняют потребностью как отдельных индивидов, так и групп в позитивной самоидентификации.

Иной механизм межэтнического взаимодействия заложен в основе формирования и развития такого социально-философского направления, как западничество. Как мы уже ранее определили, основным его детерминантом служит процесс аутгрупповой суггестии, который обеспечивает устранение 'информационных барьеров' и способствует свободному межэтническому культурному обмену. Так, в противоположность славянофилам, западники (П.Я. Чаадаев, И.С. Тургенев, В.Г. Белинский, А.И. Герцен и другие) отстаивали идеи модернизации и органической включенности России в западную цивилизацию. Именно в этом направлении развития общественной мысли нашел свое выражение механизм проявления **аккультурационной** формы позитивного этноцентризма. Суть его состоит в том, что сам процесс заимствования, адаптации, и, в конечном итоге, ассимиляции элементов чужой культуры, обуславливает саморефлексию исходной культуры, благодаря которой происходит

самоидентификация, самопознание и постижение особенностей собственной культуры. В свою очередь, культурная динамика процесса модернизации предполагает постоянное сопоставление и сравнение своего образа с образом эталонной культуры. В итоге, это приводит к осознанию необходимости самоизменения.

Проблема сходства и различия Запада и России в отчетливой форме была поставлена П.Я. Чаадаевым. Запад для Чаадаева представляется некой универсальной моделью цивилизации. Он подчеркивает единство Европы, “общее лицо” народов Запада. Это единство, по его мнению, достигается традициями, основными идеями западной цивилизации, устройством экономической жизни и католической религией, в качестве объединяющего начала (347).

Россия же представляется Чаадаеву пространством, не имеющим истории и культуры. Отсюда тезис об исторической неподвижности и отсталости России в сравнении с динамически развивающимся Западом. В итоге, Запад представал в качестве эталона цивилизованного общества (Там же).

Таким образом, обладая статусом объекта для подражания, Запад вызывает известную реакцию аутгруппового фаворитизма, в результате которого ингруппа (Россия) будет стремиться к самому тесному контакту с другим более успешным сообществом, различным формам взаимодействия и обмена с ним в тех сферах, в которых аутгруппа (Запад) представляется эталонной.

Так, родоначальники и представители западничества не только последовательно критиковали общественно-экономическую систему России, но и активно призывали к ее реформированию и конституционному преобразованию государственного строя по западному образцу.

Следует отметить, что все эти дебаты разворачивались исключительно на уровне субкультур элитарной интеллектуальной страты российского общества. Несмотря на принципиальное различие культурных ориентаций эти субкультуры, тем не менее, мало чем отличались друг от друга по мере вовлеченности и усваивания элементов динамической культуры Запада, поскольку не только обладали одинаковым социальным потенциалом, но и для понимания новой реальности, потребления новой информации имели достаточные интеллектуальные и гносеологические ресурсы. Все они, вне зависимости от

абстрактных рассуждений и споров, осознанно или неосознанно достаточно активно 'входили' в культуру Запада. Более того, они, главным образом, и являлись основными пропагандистами западной культуры, ибо даже противники 'вестернизации' России, вопреки собственным мировоззренческим установкам, в повседневном быту и образе жизни весьма охотно и легко подчинялись неумолимым и последовательным процессам модернизации.

Однако, если для привилегированных классов России 'вхождение' в западную культуру было сравнительно органичным и не сопровождалось болезненными процессами адаптации, то на уровне более широких масс населения Российской империи модернизация не только не осознавалась, но и встречала достаточно активное сопротивление. Проблема модернизации России состояла в том, что основная масса населения ни ментально, ни социально не была подготовлена к культурной и экономической трансформации страны.

2. 5. Влияние процессов модернизации на трансформацию массового сознания русского народа.

Особенностью досоветского периода модернизации России является достаточно уникальный процесс постепенного формирования и сосуществования двух культур, кардинально отличающихся друг от друга не только по социально-экономическому статусу, но и по ментальности.

Мы уже говорили, что в России к концу XVIII века раскол единой средневековой культуры с характерной унифицированной установкой к Западу привел к возникновению двух различных по своей природе культур отличающихся не только отношением к Западу и его культуре, но и спецификой адаптации к процессам модернизации. Этот факт стал еще более очевидным с наступлением XIX века. Так, в 1855 году Б. Чичерин отметил:

С одной стороны низший класс, в который не проникала реформа, остался при упорном отрицании иностранного; с другой стороны, высшее сословие

предалось бессмысленному отрицанию всего русского, и, разумеется, при своем младенческом развитии, оно переняло сначала одни внешние формы жизни, и потом уже стало мало помалу вникать в разумное ее содержание (Цит. по 171, с.64).

Модернизация России продолжается вот уже несколько веков. Особенностью этого процесса в России является не только его перманентность и цикличность, но и его чрезвычайно неоднозначный, болезненный и противоречивый характер. Если проследить историю российского общества, то становятся очевидными как факты крайне неравномерного и импульсивного усвоения западного опыта, так и сложности изживания феномена западофобии.

Причин этому много: во-первых, изначальное традиционное неприятие Запада, закрепленное многовековой идеологической конфронтацией; во-вторых, достаточно длительный этап культурной самоизоляции России; в-третьих, неподготовленность массового сознания к процессам модернизации. Первые две причины рассмотрены нами ранее, поэтому остановимся в этом разделе на последней.

Как мы уже говорили, основой массового восприятия внешнего мира является, прежде всего, мифологическое сознание, которое достаточно комфортно позволяет ее носителю ориентироваться в устоявшейся традиционной реальности. Природу мифологического сознания, являющегося одной из причин формирования негативных этноцентристских установок, составляет симметричная модель 'мира/антимира'. Запад, безусловно, в таком категоричном видении универсума являлся 'антимиром'. Именно поэтому для русских западная культура – это что-то абсолютно другое, сугубо чуждое, непостижимое, а потому пугающее и дьявольское. Негативный этноцентризм предполагает соблюдение баланса в позитивной самоидентификации и негативном восприятии оппозиции. Именно поэтому в сознании средневекового человека в противовес идеализации собственного мира Запад наделяется всеми отрицательными свойствами и олицетворяет собой угрозу разрушения, смертельной опасности и хаоса.

Немаловажную роль в своеобразной презервации этой средневековой ментальности играли установившиеся в России властные структуры и тип социально-экономических отношений, в которых соединялись элементы

абсолютной монархии, феодальных экономических отношений и, как это ни странно, даже рабовладения. В связи с этим, нельзя не согласиться со следующим утверждением:

Государство в России всегда было самодержавным, всевластным ... , и если такое положение сохранялось веками и десятилетиями, народ, терпящий его, не мог не быть рабски покорным (214, с.180).

В итоге, авторитарная система государственного устройства страны, феодальные отношения, по-прежнему доминировавшие в дореформенной России, предрасполагали к установлению режима, при котором абсолютное большинство населения страны оказывалось вне процесса адаптации к модернизационным процессам. 'Вестернизация' российского общества вплоть до второй половины XIX века преимущественно касалась лишь, так называемого, образованного общества.

Более того, царское правительство целенаправленно препятствовало воздействию идей прогрессивного Запада на массовое сознание российского народа. Связано это было с тем, что конец XVIII начало XIX века обозначились в европейской истории последовательной чередой буржуазных революций. Опасаясь влияния 'порочного' Запада самодержавная Россия постаралась максимально оградиться от опасных революционных идей. Такое боязливое и осторожное отношение к Европе, как к источнику социальной нестабильности и непредсказуемых политических потрясений, со стороны царского правительства оставалось неизменным вплоть до собственных революционных событий XX века. Поэтому, оправдывая очередной виток изоляционизма и торможения модернизационных процессов, политическая элита России традиционно ссылалась на необходимость сохранения в стране социальной стабильности. Цитируя управляющего Третьим отделением Л.В. Дубельта, российский народ:

... оттого умен, что тих, а тих оттого, что не свободен и потому в России мир, тишина, трудолюбие и подчиненность (Цит. по 207, с.54).

В итоге, в то время как Европа стремительно прогрессировала как в сфере промышленности и экономики, так и в социально-политической и культурной сферах общественной жизни, Россия эпохи Александра I и последующего русского монарха Николая I пребывала в автаркии затяжного кризиса. Не помогла даже уникальная попытка в декабре 1825 года осуществить социальную революцию 'сверху' посредством открытого протеста наиболее прогрессивной части русского дворянства. Российская правящая элита предпочитала сохранять установившийся социальный порядок, при котором неизменными оставались не только феодальный социально-экономический строй, но и беспрецедентный, а потому достаточно уникальный феномен рабовладения, когда абсолютное меньшинство населения страны владело подавляющим большинством своих же соплеменников и соотечественников. Это 'меньшинство', обладая не только практически всеми богатствами страны, но и исключительными правами на европейские стандарты жизни, тщательно предохраняли и даже культивировали средневековый менталитет и уклад жизни русского крестьянства.

Учитывая тот факт, что этот образ жизни и мышления формировался многими веками, а также исходя из того, что средневековая культура по своей природе чрезвычайно консервативна, она была не способна к самоизменению без адекватного интеллектуального лидерства, активного воздействия на массовое сознание и соответствующих социально-экономических преобразований. Архаическое средневековое сознание без целенаправленной системы адаптации, как-то: образования, радикального изменения социально-экономических условий, беспрепятственных каналов и возможностей культурного обмена, не может понять и усвоить не только 'иное', но, прежде всего, стадийно более прогрессивное культурное пространство.

Очевидная для образованной и авангардной части русской элиты необходимость социальных преобразований была недоступна пониманию простого народа, поскольку была за пределами ее архаического сознания. В силу этого преимущественно крестьянская традиционная культура России первой половины XIX века все еще была не способна понять и принять культуру нового времени, а именно, урбанистическую модернизированную культуру Запада. Мир урбанистической цивилизации оказывался за пределами восприятия и постижения

человека средневековой культуры, а потому табуировался, порождает страх, неприятие и олицетворялся со смертельной опасностью, поскольку угрожал разрушению традиционного мира. С точки зрения ее представителя, человек, уходящий в неизвестный и опасный мир урбанистической культуры, не только необратимо изменялся, но и не возвращался назад.

Однако динамику модернизационного процесса и представляющую его урбанистическую культуру невозможно вечно локализовать в пределах лишь одной социальной страты общества. Кроме того, растущие геополитические амбиции России требовали адекватной, конкурентоспособной, а потому и более прогрессивной экономической и технологической базы. Именно поэтому:

С начала XIX века Россия вынуждена включиться в напряженную технологическую гонку. Цепочка изменений в обществе задается военно-политическим контекстом. Модернизация армии требует изменения технологии и перестройки экономики, что тянет за собой науку, систему образования и культуру. В обществе начинаются широкие процессы, не подконтрольные властным структурам (360, 18).

Тем временем, царское правительство целенаправленно и вполне осознанно пытается затормозить непредсказуемый, а потому пугающий его процесс модернизации страны. По свидетельству русского историка:

Правительство стремится расщепить технологию и культуру. Вестернизацию пытаются локализовать в тонком слое образованного общества, ограждая от ненужных влияний огромную массу патриархального крестьянства. (360, с.18)

Однако, согласно тому же автору:

... поскольку культура общества – целое, в котором на определенном для каждой эпохи уровне интегрируются в конечном счете все сферы, уровни, субкультуры, такая политика обречена. Индустриальные технологии властно требуют адекватного субъекта (360, с.18).

В итоге, постепенно расширяясь, урбанистический мир начинает захватывать в свою орбиту представителей и других слоев населения. Таким образом, на стыке двух культур в России начинает формироваться промежуточная культура. Ее

первыми представителями являлась перевезенная из деревни прислуга, которая быстро осваивалась в городе, составляя основу для формирования такой социальной страты как городское мещанство. Непрерывно растущая российская армия пополнялась исключительно за счет русской деревни. Функционирование государственных аппаратов и неизменное увеличение и расширение их бюрократических функций также требовала притока людских ресурсов для пополнения рядов мелкого чиновничества. И, наконец, набирающий темпы русский капитализм нуждался в рабочей силе, которую могло обеспечить только российское крестьянство. Именно эти социальные группы, неосознанно синкретизируя элементы традиционной культуры с элементами новой городской культуры, начинают осуществлять одну из важнейших функций модернизирующегося общества, а именно, способствовать не только постепенной адаптации сознания традиционного общества к новым условиям, но и изменению негативных установок по отношению к новой культуре, а, в конечном итоге, и к Западу, представляющему данную культуру.

Таким образом, благодаря постепенной интеграции традиционной и урбанистической культур, массовое сознание части русского крестьянства постепенно начинает трансформироваться. В основе народного менталитета формируются социально-психологические предпосылки для более кардинальной мировоззренческой перестройки, ибо, согласно утверждению:

Традиционной православной парадигме становится все труднее интегрировать инокультурный материал. Устойчивые стереотипы утрачивают безусловность истины. Рациональное сознание не находит аргументов для оправдания 'устоев'. Традиционные ценности все более превращаются в 'символ веры', в некоторые положенности, заданные воспитанием и строем жизни, но не интеллекту. Костяк православного мироощущения начинает уходить в подсознание, в сферу необъяснимых реакций и потребностей (360, с.19).

Как результат этого процесса городская культура становится для определенной части народа менее пугающей и демонической, а поскольку в его подсознании она произвольно ассоциируется с Западом, то он тоже приобретает более-менее рационалистическое восприятие.

Еще большим катализатором этой трансформации послужили социально-экономические реформы второй половины XIX века. Отмена крепостного права ультимативно изменяет социальные отношения и способствует введению новых нетрадиционных элементов хозяйствования. Модернизация деревни влечет за собой такие процессы как разрушение общинных методов ведения хозяйства, неуклонное утверждение законов рыночной экономики, смену экономических стимулов повышения производительности труда.

С утверждением новых экономических отношений включается основной закон рынка, а именно, конкуренция. Человек традиционной культуры неожиданно сталкивается с дилеммой: оставаться верным прежнему общинному эгалитарному, но бедному укладу жизни, и тем самым, обречь себя на еще большее прозябание; либо, отречься от старых жизненных принципов и традиций и попытаться освоить новые модели жизни. Для русской деревни все более очевидной становится обратно-пропорциональная связь между активным освоением новой культуры и социальным успехом, ибо следование новым экономическим стимулам и законам обеспечивало как рост материального благосостояния, так и повышение социального престижа.

С экономическими изменениями начинают разрушаться не только определенные элементы традиционного образа жизни, но и меняться менталитет и сама социальная структура патриархального общества. Прежде всего разложение общинного образа жизни повлекло за собой и распад большой семьи. Межпоколенческое разделение обеспечило свободу для ее наиболее социально мобильной части – молодому поколению, и, тем самым, предоставило ей возможность выбора. И хотя правительство всячески старалось затормозить этот процесс и с помощью законодательств ограничивало возможность разделения имущества и отделения молодых семей, тенденция размежевания поколений набирала силу.

Меняется и структура социальных иерархий. Так, если в патриархальном обществе непререкаемым авторитетом и гарантом преемственности традиций неизменно являлся старший в утвержденной иерархии, то теперь эта сакраментальная фигура начинает замещаться человеком новой формации, ибо

именно он становится символом утверждающейся динамичной культуры, носителем актуальных знаний и навыков и экспертом новой реальности.

Начинают меняться и социальные приоритеты; так, например, возрастает престиж образования. Прагматизм новой культуры требовал качественно новых знаний и навыков, поэтому, главным образом, молодежь начинает осознавать ценность владения грамотой. Более того, новая экономическая реальность требует и понимания элементарных законов рыночной экономики, что, в свою очередь, вызывает необходимость овладения навыками ориентации в более усложняющихся юридической и бюрократической системах.

С вводом всех этих элементов новой городской культуры она постепенно становится более знакомой, понятной и менее пугающей для той части русской деревни, которая выбирает новую социальную реальность. Таким образом, в недрах традиционной культуры обозначается явная тенденция формирования особой страты людей новой формации, которая способна и готова осваиваться в урбанистической цивилизации. И хотя город и стоящий за ним Запад в сознании такого человека по-прежнему вызывал амбивалентные ассоциации, отрицательная категоричность в его восприятии постепенно нивелируется. Об особенностях такого амбивалентного восприятия Запада И. Яковенко пишет:

... в народном сознании Запад выступал как царство Князя Тьмы, а 'немцы' на Руси воспринимались как бесы, оборотни, прямые посланцы Нечистого. Однако трагическое противоречие российского сознания состояло в том, что вопреки всем ужасам и фобиям, Запад становился все более (и непобедимо) привлекателен (360, с.16).

Более того, отныне основными критериями оценки новой социальной реальности для представителя этого общественного слоя становятся критерии полезности, прагматической целесообразности, востребованности и необходимости. Другими словами, у человека деревни, стремящегося адаптироваться в новой культуре, начинает формироваться рационалистическое восприятие мира, которое, прежде всего, характерно для носителя городской культуры. А поскольку урбанистическая цивилизация – это, прежде всего, западная цивилизация, то и по отношению к ней постепенно снимаются

отрицательные коннотации, а традиционный негативизм вытесняется более толерантными эмоциями как любопытство, интерес и стремление узнать и освоиться в этой новой социальной среде. Как результат такой трансформации даже в недрах глубоко традиционной народной культуры формируются ментальные, социальные и идеологические предпосылки для возникновения феномена проявления позитивного этноцентризма по отношению к Западу.

Однако общая логика исторического развития обладает гораздо более сложным и противоречивым характером. Поскольку любой общественный процесс – это перманентное столкновение нового со старым, то проведение в России социально-экономических реформ сопровождается болезненным сопротивлением традиционного мира вводимым новшествам. Прежде всего, это выразилось в стремительной социальной и имущественной дифференциации русской деревни. Комфортная и социально безопасная система уравнительности, присущая общинному характеру народного хозяйства дореформенной феодальной России, сменяется законами рыночной экономики, при которой одни, более предприимчивые и продвинутые члены сельской коммуны, благодаря успешному освоению и применению на практике этих законов, начинают последовательно улучшать свое благосостояние, а другие, менее талантливые и более консервативные, в силу ригидности сознания и отсутствию способностей понять законы конкуренции, начинают стремительно нищать. Это ведет к расколу и конфронтации русской деревни.

Итак, по мере включенности в модернизационные процессы, в традиционной русской общине начинают выделяться два антагонистических класса, один из которых составляют крепкие зажиточные крестьяне, последовательно осваивающие актуальные реалии формирующегося рынка, а второй – их менее приспособленные, а потому более бедные сородичи и соплеменники. Суть же формирующегося антагонизма и конфронтации между ними заключается в том, что вторые становятся объектом эксплуатации первых.

Трагедия России той эпохи состояла в том, что, к сожалению, первые составляли значительно диспропорциональное меньшинство. Насильственно и искусственно сдерживаемый процесс модернизации русской деревни привел к тому, что большая ее часть ни ментально, ни социально не была готова

воспринять новые экономические реалии и быстро адаптироваться к скоростной общественной трансформации. Россия на этом этапе, пожалуй, переживает самый острый социальный кризис. Не проходит и нескольких десятилетий после отмены крепостного права как страна встает перед ультимативным выбором: либо кардинально менять всю структуру власти и более последовательно и целенаправленно проводить процесс модернизации аграрной России, либо подчиниться деструктивным тенденциям и медленно, но верно ввергнуться в неконтролируемые и непредсказуемые социально-политические катаклизмы.

Стремясь предотвратить последний сценарий, в начале XX века российское правительство пытается затормозить общественно-политический кризис путем реформирования политической структуры страны. В итоге, абсолютный монархизм стремительно сменяется режимом ограниченной монархии, поспешно вводятся даже такие элементы демократии как парламентаризм и предоставление больших политических свобод. Более того, в России формируется даже такое основополагающее условие демократии как многопартийная система.

В такой динамично меняющейся социальной реальности невероятно быстро трансформируется и образ источника и первопричины всех этих изменений, а именно Запада. Этому способствует и тот факт, что в конце XIX, но особенно в начале XX века наблюдается буквально тотальная 'вестернизация' бытовой культуры не только больших российских городов, но и русской провинции. Одним из индикаторов такого 'агрессивного' вторжения является стремительное проникновение западных товаров на русский рынок. Так, русский историк, анализируя русскую провинциальную прессу этого периода, пишет:

... в последние годы XIX – первые годы XX века заграничные бытовые изделия фактически правят рекламно-потребительский 'бал'. Трудно обозначить такой сегмент домашнего хозяйства, повседневного обихода и вообще образа жизни, где бы назойливо не навязывали себя французские, германские, английские и американские товары (266, с.246-247).

Через мир вещей более доступным, привычным и даже притягательным становился и образ производителя всего этого товарного изобилия. Происходит и

феномен превращения 'чужого' в 'свое', поскольку отныне западная бытовая культура становится органической частью русского быта.

В эти же годы значительно расширяются и непосредственные межкультурные контакты, поскольку в связи с несколько запоздалым, но чрезвычайно активным развитием русского капитализма, а также либерализацией торгового режима в Россию устремляется буквально поток западных предпринимателей. С расширением рынка труда увеличивается потребность и в высококвалифицированных трудовых ресурсах, что также является стимулом для активизации межкультурного контактов за счет освоения этого рынка специалистами-иностранцами. Таким образом, создается все больше возможностей и каналов расширения межкультурного пространства.

По мере снятия информационных и межкультурных барьеров образ Запада становится более достоверным, а потому менее мифологичным. Благодаря этому даже в массовом восприятии Запад приобретает черты более дифференцированного и полифоничного объекта. Во внешнеполитических представлениях простого русского народа уже не наблюдается характерной для более ранних периодов русской истории гомогенности и качественной однородности образа Запада, при котором особо не различались ни отдельные страны ни народы, а все было 'презренной латиной и люторой'.

Безусловно, что все обозначенные социально-политические процессы определяли и динамику этноцентристских установок русского народа в данный период. Она также отличалась не только разнообразием форм, но и своими детерминантами. Так, качественно иной становится смысловая нагрузка такого стимулятора негативных этноцентристских установок, как групповой конфликт интересов. Так, если в предыдущие столетия этот детерминант, главным образом, включался лишь как рычаг борьбы в идеологической сфере между православием и католицизмом, то в XIX – XX веках разворачивается борьба за реальные ресурсы и рынок.

Во-первых, возросшие геополитические амбиции России сталкивают ее с такими не менее амбициозными европейскими державами как Великобритания, Германия и Франция. Так, по свидетельству русского историка в начале XX века:

... часть правящих верхов во главе с самим царем ... продолжала ориентироваться на внешние захваты (317, с. 73).

Основой конфронтации с Западом являлись также и опасения агрессивных намерений со стороны некоторых западных держав к военному вторжению и экспансии за счет российских территорий:

... к 1900 году в сознании военно-политической элиты Российской империи 'угроза с Запада' связывалась прежде всего с колоссальной территориальной протяженностью страны, вызывавшей 'зависть и недоброжелательство' других держав (317, с.75-76).

Во-вторых, не менее важным фактором усиления негативного этноцентризма становится агрессивное проникновение западного капитала на российский рынок. Развернувшаяся конкуренция как в сфере производства, так и за рынок сбыта, естественно, стали вызывать негативные эмоции в такой влиятельной и значительно выросшей страте российского общества, как русская буржуазия. В итоге, как правящая, та и деловая элиты Российской империи явно демонстрировали по отношению к Западу **конфронтационную** форму негативного этноцентризма. Благодаря достаточно целенаправленной и организованной пропаганде антизападные установки политической и экономической элиты проецируются и на сознание простого народа.

Последовавшая вскоре Первая Мировая война способствовала не только более дифференцированной и категоричной установке по отношению к западным державам, но и значительному расширению диапазона форм проявления этноцентризма: от **воинственной** по отношению к непосредственным противникам до проявления **благожелательных** форм позитивного этноцентризма по отношению к союзникам. Следует однако отметить, что в периоды войны этноцентристские установки общества менее стабильны и во многом зависят от военно-стратегических и политических приоритетов текущего момента.

В дополнение к этому несколько расширяется и детерминантная природа формирования этноцентристских установок в массовом сознании уже значительно расширившегося урбанизированного слоя русского народа. Здесь следует, прежде

всего, отметить актуализацию такого фактора как осознание этой частью российского общества более низкого экономического, социально-политического и культурного статуса страны по сравнению с Западом. Этот факт, осознанный в XVIII – XIX веках политической элитой России и детерминировавший его модернизацию, перестает быть 'секретом' для большей части российского общества. Дело в том, что с 'открытием Европы' для широкой российской публики стали очевидными факты не только более высоких западных стандартов жизни, но и значительного отставания России практически во всех сферах производства. В результате на уровне массового сознания начинает переживаться своеобразный 'комплекс неполноценности'. Это психологическое состояние достаточно точно передает следующее свидетельство:

Массированное и акцентированное использование этнических прилагательных и этногеографических имен-маркеров в названиях импортных вещей отражало преобладающую эмоциональную модальность 'образов заграницы', и модальность эта была тревожной, если не сказать, разрушительной для национального самосознания, поскольку возвеличивала реальные и мнимые достоинства иностранных товаров на и так безрадостном фоне результатов сравнения 'мы – они' (266, с.248-249).

Как видно из приведенной цитаты, формирование такого 'комплекса неполноценности' отнюдь не способствовало позитивному восприятию Запада в массовом сознании урбанизированной части русского общества. Тем не менее, согласно рассмотренной нами ранее теории группового конфликта, феномен восприятия статусного неравенства может сопровождаться не только проявлением неприязни к более высокостатусному субъекту, но иногда вызывает и более позитивные стратегии социального поведения . Нам трудно судить, насколько справедливо это по отношению к рассматриваемому случаю. Остается только предположить развитие и такого сценария.

Итак, анализ процессов модернизации России и их влияние на особенности массового восприятия Запада показывает, что в предреволюционный период наметились две основные тенденции в развитии этноцентристских установок русского народа.. В соответствии с первой тенденцией в модернизационные процессы захватываются более широкие слои российского общества, которые

стремительно адаптируются к новым социально-экономическим условиям и, тем самым, 'вестернизируясь', обретают более рациональное, дифференцированное и многополярное восприятие внешнего мира и, прежде всего, Запада. Именно эти части российского общества демонстрируют не только негативные установки по отношению к Западу, но и обладают потенциалом к формированию и проявлению позитивных форм этноцентризма. И это именно их имеет в виду русский историк, говоря, что:

... верхи русского общества, пошедшие по пути широкого усвоения Запада с Петра I, перерождаются, утрачивают стимул и энергию противостояния. К 1905 – 1917 гг. они 'сдаются' ... на условиях победителя, ибо принимают сущностные модели западной цивилизации (360, с.19).

Однако вторая тенденция обозначила определенный социально-психологический и гносеологический лимит подавляющей части российского общества, архаичная ментальность которой, благодаря насильственной 'консервации' и долго культивируемой патриархальности образа жизни и мышления, была не готова к усвоению элементов новой более прогрессивной культуры, а, следовательно, не смогла приспособиться к стремительно меняющимся социальным, политическим и экономическим реалиям XX века. Именно в этой среде традиционный средневековый потенциал негативизма по отношению к Западу не только не уменьшился, но и увеличился в связи с расширением отрицательных коннотаций, первопричиной которых послужили как неприятие модернизационных процессов, так и неспособность адаптироваться к новым социально-экономическим условиям. О них тот же автор, в свою очередь, пишет:

Широчайшие массы, разбуженные модернизацией и скачком приходящие к политической жизни, отбрасывают тем не менее западные модели, ибо менталитет так и остался патриархальным (360, с.19).

Таким образом, к началу XX века Россия достигает своеобразного апогея как политического, так и модернизационного кризиса. Складывается почти неразрешимая ситуация, при которой два полюса российского общества не только

стоят на различных ступенях социально-экономического развития, но и катастрофически отличаются друг от друга не только ментальностью, но и культурной ориентацией. Как справедливо отмечает А. Голубев:

В результате модернизации 'сверху' еще со времен Петра I возникло своеобразное расслоение культуры. В той или иной степени оно было свойственно всем обществам, но в России проявилось с особой остротой. Европейская, рационалистическая по преимуществу культура высшего слоя не только с точки зрения внешних ее форм, но и по многим принципиальным особенностям имела немного точек соприкосновения с культурой большинства населения, основанной на архаичных механизмах массового сознания (174, с.189).

Итак, одна часть российского общества стремительно дрейфует по направлению к западным моделям общественно-экономического устройства, другая, более статичная и консервативная, не только не принимает предлагаемый вариант модернизации, но и начинает активно сопротивляться ей. В итоге, как точно выразился русский исследователь:

... конец перерождения 'верхов' совпадает с пассионаризацией 'низов' (360, с.19).

Последовавшие вскоре в 1917 году одна за другой буржуазная и коммунистическая революции явились своеобразной реакцией значительно более многочисленной, но неподготовленной традиционной части российского общества на агрессивные методы ее модернизирования. А последующий советский вариант модернизации России явился компромиссом между традиционным менталитетом 'низов' российского общества и актуальной необходимостью усвоения опыта более динамично развивающихся культур. В связи с этим меняются как особенности восприятия советским обществом Запада, так и механизм формирования ее этноцентристских установок по отношению к западной культуре.

ГЛАВА III. Русский этноцентризм и Запад: советский синдром.

3. 1. Феномен коммунистической революции и его влияние на восприятие Запада в постреволюционный период.

Парадигма противостояния России Западу кардинально меняется с установлением в стране Советской власти. Октябрьская революция положила начало изменению всего общественно-экономического устройства России. К власти приходит новая политическая элита, которая предлагает не только новое мировоззрение и идеологию, но и ставит своей основной целью радикальную трансформацию социальной структуры общества, государственных и политических институтов страны, целей и задач ее общественно-экономического развития. Подвергается изменению и стратегия взаимоотношений нового Советского государства с внешним миром и, прежде всего, с Западом.

Следует сразу отметить, что исходной основой формирования новой диспозиции 'Россия – Запад' является сама первопричина русских революций начала XX века. По мнению русских историков две революции, последовавшие одна за другой в 1917 году, в значительной степени представляли собой:

... реакцию традиционного общества на форсированную модернизацию ...
(176, с.82).

По нашему мнению, несомненное влияние на данную диспозицию оказал и тот, отмеченный русскими историками, факт, что:

В отличие от развитых стран, где политическая революция произошла на раннем этапе модернизации и способствовала ее развитию, в России запоздали и модернизация, и политическая революция (Там же).

В связи с этим невольно напрашивается вопрос: как объяснить феномен такой беспрецедентно быстрой победы коммунистической идеологии в такой глубоко

традиционной и крайне религиозной стране как Россия? Еще Р. Коллингвуд (R. Collingwood) отметил сходство марксистского мировоззрения с христианской эсхатологией (226, с.52). Если провести некоторые параллели, то становится очевидным правомерность такой аналогии. Так, к примеру, оба мировоззрения предлагали своим адептам харизматические фигуры: в христианстве – это Христос; в марксизме – это сначала сам Маркс, а затем Ленин и даже Сталин. В учении марксизма-ленинизма атрибутами апостолов наделяются их наиболее активные и лояльные соратники-революционеры. И, наконец, наиболее привлекательным и заманчивым в обоих учениях явилось обещание обрести, в конечном итоге, рай, который в новой идеологии представлялся коммунистическим обществом. И в том, и в другом случае для достижения этой конечной цели необходимо было не только преодолеть все соблазны ада (по версии коммунистов – это мир капитализма), но и верно следовать всем заветам и постулатам предлагаемого учения. Думается, именно этим принципиальным сходством и объясняется такое органичное и безусловное приятие коммунистической идеологии российским народом. Как справедливо отмечает А.В. Голубев:

В ходе российской революции марксизм слился с архаической мифологией масс и превратился в своеобразную форму российской эсхатологии, учение, возвещающее конец старого и возникновение нового мира, только не на небе, а в реальной жизни, на земле (174, с.196).

Сама возможность реализации идеи вождя рая на земле являлась невероятным стимулом к преодолению всех препятствий на пути построения нового идеального общества. Тем более, что изначально марксизм являл собой довольно рациональное учение, проповедовавшее не только основные принципы и идеи коммунистической утопии, но и пути ее воплощения, а именно, построения справедливого коммунистического общества, в котором все будут равны, свободны и благополучны. Трудно себе представить более востребованную и радужную перспективу для подавляющей части российского народа, все еще пребывавшего в некоторой прострации, недоумении и явной озлобленности в результате стремительной и, в определенной степени, неподготовленной

модернизации всех сфер жизни российской империи во второй половине XIX начале XX веков.

Следует также принять во внимание тот факт, что поскольку к началу русских революций 1917 года прошло лишь чуть более полувека с момента отмены крепостного рабства, средневековая ментальность все еще доминировала в массовом сознании русского народа. Значительная часть российского крестьянства не только все еще ностальгировала по привычным, а потому комфортным для нее формам феодального жизнеустройства, и, прежде всего, по крестьянской общине с ее тотальным бесправием, но зато всеобщим равноправием, но так и не приспособилась к новым правилам и законам жесткой конкуренции агрессивно утверждающегося русского капитализма. Если прибавить к этому такой катализирующий фактор, как рост напряженности и невероятной усталости от хаоса, политической анархии, экономической неустроенности и нескончаемых войн первых двух десятилетий XX века, то станет понятно, насколько притягательными, а главное, понятными стали лозунги и идеи марксизма о равенстве, братстве и всеобщем коммунистическом благоденствии. В результате, марксистская идеология стала, если не вытеснять, то, по крайней мере, органично соединяться в сознании русского народа с православными постулатами. Более того, все еще не трансформированная архаичность массового сознания русского народа, ее приверженность к патриархальности и патернализму требовала установления жесткой власти. Большевистские лидеры под лозунгом провозглашения диктатуры пролетариата ответили и на эту насущную потребность российского народа.

Сразу после революции в основу новой концепции геополитического статуса Советской России легла идея о придании русской коммунистической революции мирового масштаба. Суть внешней политики сводилась к следующему ленинскому лозунгу:

В союзе с революционерами передовых стран и со всеми угнетенными народами против всяких и всех империалистов (252, с.337).

Таким образом, в первые годы Советской власти утвердилась установка на незамедлительное распространение идей Октябрьской революции и их последовательную реализацию в других странах мира. В соответствии с коммунистическим мировоззрением человечество представляло собой прежде всего два антагонистических класса. Согласно ленинской формулировке:

Весь мир делится на два лагеря: 'мы', трудящиеся, и 'они', эксплуататоры (253, с.323).

Разумеется, по мнению большевиков, в связи с таким кардинальным мироустройством менее важными становились такие социально-политические дифференцирующие признаки как этнос, нация, государство, что, в свою очередь, сделало менее актуальными такие понятия как 'международная дипломатия', 'внешняя политика', 'межгосударственные отношения'. В условиях такого категоричного неприятия других форм социальных и межкультурных взаимоотношений и противоречий в официальной доктрине молодого Советского государства проявление такого социального феномена как этноцентризм носило поистине глобальный характер, поскольку его исходной основой, согласно коммунистическому мировоззрению, являлось принципиальное деление человечества лишь на две социальные группы – эксплуататоров и эксплуатируемых. При этом этническая, национальная и культурная принадлежность трудящихся, как, впрочем, и их противников эксплуататоров, не имела значения. Тем более, что по версии большевиков с победой коммунизма на всей земле ожидалось установление:

... новых, высших форм человеческого общежития (253, с.321).

Грандиозность поставленных задач вполне соответствовала идеализму и революционной эйфории, охватившей большевистское руководство в первые годы Советской власти. Впоследствии, однако, в связи с крахом немедленного воплощения идеи 'мировой революции' манихейское видение мира как двух враждующих классов постепенно трансформируется в антагонизм первого

коммунистического государства рабочих и крестьян против всех буржуазных стран Запада. Кроме того, сама специфика этноцентричного восприятия мира требовала более конкретной оппозиции, которой можно было адресовать все сопутствующие ему церемонии, действия, атрибуты и эмоции. В итоге традиционное противостояние России Западу воспроизводится не только исходя из новой идеологии, но и в абсолютно изменившихся геополитических условиях.

Тем временем, динамика модернизационного процесса в соединении с политическими революциями и одержавшей в них победу коммунистической идеологией дали совершенно уникальный результат: установление государства, ставящего цели интенсивной и радикальной технологической модернизации общества по западному образцу, но при этом отрицающего основные принципы западной цивилизации, которые, в конечном итоге, и детерминировали прогрессивное развитие этой вожденной передовой технологии. В итоге возникает своеобразный парадокс – Запад начинает пребывать как бы в двух ипостасях, с одной стороны, он становится примером для подражания, с другой, представляет собой политического и идеологического противника.

В характере проявления этноцентристских установок также наблюдается парадоксальная амбивалентность: с одной стороны, налицо все признаки **гибкого** этноцентризма, при котором ингруппа (Советская Россия) отдает предпочтение развитию контактов с аутгруппой (Западом) исключительно в сфере передовых технологий, с другой стороны, в сфере политики и идеологии в зависимости от характера и особенностей текущего момента явно проявляются различные формы негативного этноцентризма

Так, уже в первые годы существования Советской власти прослеживается тенденция к формированию крайне политизированной ксенофобии по отношению к Западу. Так, русские исследователи отмечают, что для новой политической элиты России был характерен:

... устойчивый конфронтационный стереотип массовой психологии, не подвергавший сомнению факт военной угрозы стране, а потому – необходимости военной организации и дисциплины во всех социальных структурах (232, с.31).

Снова, как и в период религиозного противостояния, сферой конфронтации становится идеология. Однако на этот раз речь идет о столкновении марксистских идей с политическим прагматизмом западной буржуазии. Идеологическая конфронтация с Западом становится абсолютной и доминирующей сущностью советской политической культуры. Отныне именно она не только детерминирует функционирование практически всех сфер жизнедеятельности Советского государства, но и является наиболее мощным стимулятором его развития, ибо успех коммунистической идеологии напрямую зависел от результатов конкуренции в сфере экономики.

Попробуем более подробно рассмотреть логику развития этой конфронтации.

Итак, революционный энтузиазм пришедших к власти большевиков приобрел такие грандиозные масштабы, что они поставили перед собой титаническую задачу, а именно, организацию коммунистической революции в мировом масштабе. Первым шагом на пути реализации этой задачи явилось построение первого в мире государства рабочих и крестьян, которое послужило бы прообразом коммунистического государства для трудящихся всех стран. В свою очередь, мировой пролетариат, по мнению русских коммунистов, априори являвшийся союзником русского пролетариата, по замыслу большевиков, должен был содействовать реализации идеи мировой революции. Исходя из такой расстановки сил, основным противником как самой идеи мировой коммунистической революции, так и первого в мире государства рабочих и крестьян являлась буржуазия всего мира и, прежде всего, Запада.

Тем временем, идея мировой революции оставалась так и не реализованной. Цепная реакция революционных событий 1918 – 1919 годов в таких странах как Германия, Венгрия, Латвия, Эстония и Литва не принесла ожидаемых результатов. В начале 20-х годов большевистское правительство приходит к неутешительному выводу о том, что надежды на немедленную реализацию идеи мировой революции не оправдались, и что отныне Советскому государству предстоит длительное сосуществование с идеологическими противниками – буржуазными государствами.

Сложившаяся ситуация требовала, прежде всего, создания новой системы международных отношений Советского государства с внешним миром.

Уникальность этой ситуации заключалась в том, что она изначально предполагала не только идеологическую конфронтацию Советской России и Запада, но, прежде всего, социально-экономическую конкуренцию обеих сторон.

Вполне осознавая явное преимущество Запада в сфере прогрессивных технологий, советское руководство практически немедленно определяет государственные приоритеты, а именно, скорейшую и незамедлительную модернизацию народного хозяйства страны. В итоге, прерванный в октябре процесс капиталистической модернизации, который обозначился значительными успехами в сфере экономики, но завершился катастрофой в социально-политической сфере, последовательно сменился на советский вариант модернизации. Причем модернизация по-советски отличалась еще большей форсированностью и сопровождалась беспрецедентным насилием.

Складывается очередной парадокс: народ, восставший против сравнительно более либерального процесса модернизации, проводимой царским правительством, не только покорно принял такие бескомпромиссные и жестокие формы советской модернизации как тотальная индустриализация, коллективизация и культурная революция, но и были с энтузиазмом поддержаны им. Пытаясь объяснить этот парадокс, Н.А. Бердяев пишет:

Большевизм ... оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием (151, с.93).

Думается, немаловажным фактором такой массовой поддержки советской программы модернизации явилась также отмеченная нами ранее созвучность идей марксизма исконным чаяниям глубоко религиозного русского народа об обретении рая на земле. Именно коммунисты предложили ему конкретные и казалось бы достаточно реалистичные способы и пути построения этой социальной утопии. Как справедливо отмечает А.В. Голубев:

От традиционных утопий марксизм отличался в первую очередь тем, что

основное внимание обращал не на устройство идеального общества, а на пути его достижения (176, с.84).

Не менее важным условием успеха коммунистических идей в России явилась также некоторая тождественность между мифологичностью массового сознания и максималистской категоричностью коммунистической идеологии. Так, Н.А. Бердяев точно подметил, что для носителя коммунистической идеологии:

... мир резко разделяется на два противоположных лагеря – Ормузда и Аримана, царство света и тьмы без всяких оттенков (151, с.149).

В свою очередь, как известно, для мифологического сознания также характерно контрастное восприятие окружающего мира, который для носителя такого сознания представляет собой место противоборства 'Добра' и 'Зла'. В этом смысле вполне адекватна и параллель и с христианским мировосприятием, согласно которому у человека есть только одна альтернатива: выбор между адом и раем.

Думается, созвучность марксистской идеологии христианской эсхатологии в соединении с поистине грандиозными и катастрофическими социальными потрясениями начала XX века позволили также в сознании русского народа провести определенные аналогии между ожидаемым 'Страшным судом' и свершившимися революциями и, как результат этого глобального переворота, ожидать перехода из 'царства тьмы' в 'царство света'.

Более того, согласно мнению ученых, влияние архаичных форм мифологического сознания особенно усиливается в кризисные эпохи (204, с.93). Именно поэтому форсирование в послереволюционной России модернизационных процессов спровоцировало еще большее проявление архаичного типа сознания. В связи с этим нельзя не согласиться со следующим мнением:

...именно на архаическое сознание намеренно или интуитивно ориентировались все массовые движения, и в этом как раз и заключалась гарантия их массовости. Большевизм сумел, вольно или невольно, опереться на эти особенности российского массового сознания (176, с. 84).

Таким образом, архаичность мифологического сознания русского народа как нельзя более лучше отвечали как целям и задачам, так и методам большевистской программы построения коммунистического общества. Именно поэтому российский народ, несмотря на невероятные лишения, многочисленные жертвы и поистине узурпаторские методы управления и контроля, с энтузиазмом принялся строить это идеальное коммунистическое будущее.

3. 2. Динамика восприятия Запада в условиях становления и укрепления Советской власти.

Как показали последующие события, 'Страшный суд' несколько затянулся и предстал, в конечном итоге, в виде такого монстра, как советский тоталитаризм. Согласно его суду перехода в земной рай заслуживали лишь избранные. Остальные, в лучшем случае, удостоивались изгнания или пребывания в советской аналогии 'Темных огненной' – концентрационных лагерях; а в худшем случае, попросту истребления и уничтожения. Каким же образом в условиях такой социальной бескомпромиссности внутренней политики Советского государства строились взаимоотношения с внешним миром? Попробуем последовательно рассмотреть логику развития новой диспозиции Россия – Запад в зависимости от особенностей стабилизации и утверждения советской власти.

Как мы уже говорили, с крахом идеи немедленной мировой революции во внешней политике Советского государства доминантой стал тезис 'Мы (Государство рабочих и крестьян) – Они (буржуазный Запад)'. Эта конфронтация, как известно, носила амбивалентный характер. Выступая в качестве идеологического и политического противника, Запад, в то же время, являлся источником современных технологий и образцом для скоростной модернизации страны.

Надо отметить в связи с этим, что такая двойственность восприятия Запада в России довольно устойчивое и традиционное явление, ибо политическая элита

России всегда во все времена и эпохи, независимо от особенностей правящего режима, в той или иной степени остерегалась тотального влияния Запада на массовое сознание российского народа. Как справедливо отметил Ю. Левада:

Модернизация, т.е. распространение универсальных образцов современной цивилизации, никогда не доминировала и не признавалась таковой в российско-советском сознании. Скорее всего она допускалась в дозированных количествах на втором плане, как нечто второстепенное, как некое побочное следствие самоутверждения. Россия нуждалась в оружии 'Запада' для противостояния этому 'Западу', и ее власти всегда стремились пресечь распространение связанных с этим оружием вредных для них влияний (248, с.187).

Тем не менее, задачей и Советского государства в соответствии с укоренившейся российской традицией стало – победить противника его же оружием. Особенностью и основной целью советского варианта модернизации явилось массовое распространение ее научно-технического потенциала. Именно поэтому чрезвычайно актуальными и насущными стали проблемы как заимствования и повсеместной популяризации передовых технологий Запада, так и подготовки собственных кадров специалистов, способных не только внедрять эти технологии, но и развивать их.

В начале 20-х годов интеллектуальные ресурсы Советского государства были крайне ограниченными. Большая часть специалистов либо бежала от Советской власти за границу, либо последовательно истреблялась ею же, ибо новая власть видела в ней не только источник откровенного саботажа и вредительства, но и латентную угрозу. Исходя из безвыходности сложившейся ситуации советское руководство пошло даже на такой компромисс как использование иностранных специалистов. Одновременно началась, так называемая, 'культурная революция', в рамках которой была осуществлена грандиозная кампания по ликвидации безграмотности и интенсивная подготовка собственных, лояльных новому политическому режиму, ученых и специалистов. Таким образом:

... потребности противостояния 'Западу', прежде всего, в военной области, вынуждали правящую верхушку исполнять функции агента модернизации, т.е. быть проводником дозированного западного влияния (248, с.185).

К середине 20-х годов много внимания стало уделяться и массовой пропаганде передовых западных методов хозяйствования. Газеты повсеместно стали описывать преимущества более прогрессивных форм как сельскохозяйственного, так и промышленного западного производства. В результате, как и следовало ожидать, такая однозначно позитивная информация способствовала формированию в массовом сознании представлений о более высоком уровне жизни на Западе по сравнению с Россией. Так, у российского крестьянина постепенно сложился образ более счастливого и благополучного западного коллеги, в доме у которого:

... чисто, есть пианино, скрипка, много употребляют мяса, эти крестьяне гораздо богаче наших буржуев (Цит. по 237, с.63).

А вместо ожидаемой реакции следовать описанным образцам и создавать в собственном отечестве это передовое производство некоторые крестьяне стали изъявлять желание эмигрировать на Запад. Так, к примеру, публикация в газете “Правда” о Дании привела к тому, что:

... группа сибирских крестьян, самая культурная и старательная в своем селе, решила незамедлительно переселиться в эту Данию, хотя бы с тем, чтобы жить там в батраках (Цит. по 237, с.63).

Еще более нелестные сравнения и нежелательные комментарии наблюдались в среде основной движущей силы революции, а именно среди рабочих. Так, результатом собрания безработных рабочих в 1928 году стала следующая 'крамольная' констатация того факта, что:

Во Франции и Германии свобода слова и печати, у нас этого нет. Так, где же социализм? Там где воля, свобода и печать, или у нас в диктатуре ВКП(б) ... (Цит. по 178, с.112).

И, наконец, интеллигенция, не только имевшая, благодаря знанию иностранных языков, более широкий доступ к необходимой информации, но и, благодаря

достаточному гносеологическому и интеллектуальному потенциалу, способная к ее аналитическому и критическому усвоению, также приходила к весьма неутешительным для большевиков выводам. Более того, те из них, кто имел возможность побывать за границей до революции или после нее, естественно, имел более адекватные представления о Западе и поэтому был не только менее увлечен лозунгами об исключительности социальных преобразований в России, но и весьма пессимистично относился к идее всемирной победы коммунистической революции. Так, академик И.В. Павлов, после поездки по странам Европы и США в 1923 году, пишет:

Я не вижу того, что бы указывало на возможность мировой революции. Никаких признаков революции в крупнейших державах: Франции, Англии, Америке ... (Цит. по 314, с.99).

Безусловно, все эти настроения и чрезвычайно нежелательные и опасные для Советской власти сравнения и комментарии не могли не насторожить коммунистических лидеров. Явно требовалась эффективная система идеологического противостояния и противодействия. В итоге, в первые же послереволюционные годы стали закладываться основы советской пропаганды. Ее основной задачей стало, прежде всего, непомерное преувеличение успехов и достижений Советского государства в противовес безудержной критике буржуазных стран. При этом необходимо было выдерживать своеобразный баланс между осуждением социально-политических аспектов западного образа жизни и популяризацией актуальных западных технологий. Дилемма эта решалась посредством следующей пропагандистской схемы: Запад, в первую очередь, представлялся как общество, раздираемое классовыми противоречиями и экстремальным имущественным и социальным неравенством. В нем, согласно советской пропаганде, небольшая кучка несправедливо обогатившейся буржуазии противостояла обездоленным и нищим массам трудящегося народа. Что касается прогрессивных технологий, то их преимуществами и результатами в капиталистических странах могли пользоваться и наслаждаться преимущественно лишь классы имущих, тогда как в Советском государстве они ставились на службу и процветание всего трудящегося народа. Поэтому ничего зазорного не было в

том, что в целях построения коммунистического общества необходимо было воспользоваться достижениями Запада в области науки и техники.

В итоге, массированная и чрезвычайно агрессивная система советской пропаганды стала приносить свои результаты. Так, бесконечная и последовательная публикация материалов о международной солидарности пролетариата, непомерное раздувание слухов о революционном брожении в ведущих странах мира, как результат социальных противоречий и невыносимых условий существования трудящихся, способствовали формированию в массовом сознании российского народа устойчивых мифов о преимуществах коммунистического строя и обреченности капитализма.

Рассматриваемая ситуация дает нам все основания утверждать что в данный период в дополнение традиционным негативным мифам о Западе начинается процесс целенаправленного и последовательного культивирования в массовом сознании российского народа качественно новых, политически и тенденциозно окрашенных отрицательных этноцентристских установок по отношению к Западу. Налицо присутствие всех, описанных У. Самнер, элементов и арсенала классического негативного этноцентризма.

Прежде всего, согласно его теории здесь наблюдается тенденция к установлению зафиксированной им диспозиция, при которой собственная группа рассматривается как бесспорный эталон, в соответствии с которым критически оцениваются другие группы. Как результат такого сравнения, создаются условия для формирования позитивной оценки собственной группы и ее культуры и негативной оценки аутгруппы, в данном случае Запада. Собственные традиции, нормы и правила жизни считаются единственно 'правильными', 'достойными', 'добродетельными' и 'высшими', а чужие вызывают презрение и осуждение.

Далее, согласно логике развития негативного этноцентризма, предполагающей разные степени конфронтации между соперничающими группами, советской пропагандой стала последовательно раскручиваться идея о враждебности окружающего мира и, в первую очередь, Запада по отношению к Советскому государству. Массовому сознанию навязывается представление о том, что первое государство рабочих и крестьян является объектом ненависти, а, следовательно, и объектом нападения со стороны западных держав. Обиходной становится фраза о

том, что 'западная буржуазия стремится уничтожить завоевания коммунистической революции'.

Таким образом, с точки зрения рядового обывателя Запад постепенно начинает приобретать черты некой враждебной силы, которая не только ревниво, завистливо и внимательно следит за развитием ситуации в Советском государстве, но и готова при первом же удобном случае напасть и уничтожить его. Эти непрестанно повторяемые и оттого достаточно устойчивые советские мифы в и без того весьма архаичном сознании российского народа органично сплетались с древними мифами отторжения 'латины' и 'люторы' и, в итоге, очень легко им усваивались. Ю. Левада в связи с этим замечает, что:

Для низшего, наиболее массового слоя социальной иерархии противостояние 'Западу' выступало как будто простым продолжением традиционной народной ('бытовой') ксенофобии, отвержения всего инородного. На деле же современные формы ксенофобии – не столько продолжение 'примитивной' традиции, сколько продукт взаимодействия поздних (пропагандистских, насаждаемых через средства массового воздействия) мифологем с исторически древним субстратом (248, с.185).

Согласно теории этноцентризма, конечной целью такой межгрупповой конфронтации, как известно, является консолидация ингруппы. При этом, в соответствии с выводами У. Самнера, внутригрупповая солидарность и лояльность и внешнегрупповой негативизм взаимообуславливают друг друга, поскольку соблюдение и поддержание такого ин-аутгруппового баланса способствует не только усилению внутригрупповой интеграции, но и сохранению целостности и жизнеспособности самой группы.

Эта древняя как само человечество, но невероятно эффективная формула самосохранения и была взята на вооружение Советской властью. Однако для того, чтобы на практике осуществить идею абсолютной консолидации советского народа под эгидой коммунистической партии, мало было наличия лишь внешнего врага, необходимо было также устранить все условия для возникновения внутренней оппозиции. Достижение этой цели было возможно лишь при установлении такого политического режима, который бы осуществил полный и всеобъемлющий контроль практически над всеми сферами жизни общества.

Впоследствии ученые именуют установившийся в России социально-политический строй как тоталитарный. Согласно следующему мнению:

Тоталитарные режимы претендуют не просто на власть, но на обладание конечной истиной, рецептом всеобщего счастья ('тотальной идеей'), поэтому они стремятся использовать и всемерно ускорить процесс разрушения существующих социальных структур (176, с.86).

Именно поэтому советские власти пошли по пути последовательного уничтожения и устранения таких неотъемлемых элементов гражданского общества как многопартийная система, а также свобода слова и печати. Бескомпромиссно велась борьба и с экономической основой возникновения любых форм политического инакомыслия, а именно с частной собственностью. Более того, на пути утверждения права на знание абсолютной истины всеобщего счастья и способов его достижения, коммунистическое руководство со всей решимостью обрушилось и на такую мощную и традиционно сильную идеологическую альтернативу как русская православная церковь.

Таким образом, на протяжении всех 20-х годов велась непримиримая война с любыми потенциальными источниками угрозы новому политическому режиму. Тем не менее, на первых порах некоторые элементы гражданского общества все еще присутствовали и большевикам приходилось идти на некоторые компромиссы. Так, например, в течение определенного времени еще продолжали функционировать лояльные Советской власти общественные организации, существовали также различные относительно независимые творческие союзы, породившие даже такой культурный феномен как:

... русский неклассический гуманизм 20-х годов, исторически 'располагающийся' как бы в промежутке между русским дореволюционным и постреволюционным советским менталитетом (259, с.38).

20-е годы ознаменовались даже таким уникальным явлением как НЭП, который многие рассматривали не только как признак социально-экономической несостоятельности Советской власти, но и началом конца этого политического режима. Однако новая власть не только доказала свою жизнеспособность, но и,

как показали последующие 30-е годы, весьма решительно и жестко осуществила намерения построить государство, в котором будет достигнуто как тотальное политическое единomyслие, так и будет осуществлен тотальный контроль над всеми сферами жизни советского народа.

3. 3. Особенности восприятия Запада в условиях укрепления советского тоталитаризма.

Итак, первыми ступенями к построению тоталитарного общества в России послужили такие политические и экономические акты, как ликвидация многопартийной системы и всех форм частной собственности. Сломлено было сопротивление даже такого всесильного до последнего времени идеологического противника как Русская Православная церковь. Как отмечают российские историки:

... уже в течение первой половины 1930-х гг. исчезли независимые экономические субъекты. Были ограничены, а то и прямо запрещены все виды общественной деятельности, не санкционированные 'сверху'. Практически все социальные институты и организации оказались огосударствленными в явной или скрытой форме. Многочисленные и разветвленные горизонтальные связи, характерные для гражданского общества, сменились связями чисто вертикальными, построенными по принципу иерархии (176. с. 88).

Одновременно укреплялась и совершенствовалась система политического цензурирования. Так, уже во второй половине 20-х годов Советская власть постаралась осуществить полный контроль над всеми средствами массовой информации. Первым шагом к этому послужил запрет на:

проникновение вредных, идеологически и политически, зарубежных кинофильмов на экраны советских кинотеатров (178, с.103).

Подобные же меры коснулись и системы радиовещания и печати. Практически прекратился доступ к зарубежным источникам информации. Одно за другим последовали постановление ЦК ВКП(б) “Об улучшении партруководства печатью” 1927 года, а затем, в 1930 году, постановление СНК о реорганизации и расширении Главлита (178, с.95), которые не только регламентировали основные критерии отбора материала, но и способствовали установлению политизированных пропагандистских мифов, или, по выражению С.В. Чугрова, идеологем:

... возвышающих собственные идеологические и политические ценности и культивирующих чувство враждебности к 'чужим' идеологиям и политическим ценностям (349, с.40)

В обязательный набор политических штампов, направленных на формирование в массовом сознании советского народа политически ангажированных негативных представлений о Западе, входили такие идеологические постулаты как постоянное упоминание об обострении социально-политической обстановки в капиталистических странах, о хроническом росте уровня безработицы, о разорении фермерских хозяйств, об ухудшении условий жизни трудящихся Западе.

Надо отметить, что такая целенаправленная и активная система обработки и дозирования информации приносила свои плоды. В отсутствие достоверных и адекватных ресурсов знания о внешнем мире даже интеллектуальная элита, профессионально обладающая навыками рационального мышления, подпадала под влияние советской системы пропаганды. Более того, российские ученые констатировали формирование следующей парадоксальной ситуации:

Обычно именно интеллектуальная элита вырабатывает основные представления о внешнем мире, которые затем воспринимаются, адаптируются и используются политической элитой. В советской истории, однако, происходил скорее обратный процесс: интеллектуалы вынуждены были перенимать представления и установки политических лидеров, причем во многих случаях это было связано с определенным нажимом (177, с.105).

Еще более эффективной такая экстремальная информационно-пропагандистская блокада была по отношению к массовому сознанию, которое, будучи изначально сильно мифологизированным, подверглось активной 'идеологической бомбардировке' новыми советскими мифами. В итоге, несмотря на весьма успешную советскую программу массового просвещения и ликвидации безграмотности, народное сознание по-прежнему оставалось крайне ригидным и архаичным. Такое состояние массового сознания как нельзя лучше отвечало целям формирующегося тоталитарного государства, поскольку таким сознанием легче всего было манипулировать и управлять. Тем более, что, как отметил М. Куртис (M. Curtis), тоталитаризм:

... основывается на массовой поддержке и массовых движениях в большей степени, чем на экономических и социальных группах, составляющих элиты предшествующих обществ (35, с.112).

Именно поэтому все средства советской пропаганды работали на то, чтобы не только создать, но и последовательно культивировать в сознании народа основополагающих официальных идеологов, согласно которым:

Мир ... представал как арена великой борьбы между силами добра и зла, точнее – силами прогресса в лице коммунистического и рабочего движения и силами реакции, причем победа первых была исторически предопределена. Одновременно создавался как для 'внутреннего употребления', так и 'на экспорт' образ СССР как оплота мира, 'новой цивилизации', позитивной альтернативы Западу (177, с.91).

В конечном итоге, по выражению английского историка Д. Хэслэма (D. Haslam), советские средства информации стали представлять собой:

Тщательно отделанную призму, сквозь которую русские поглядывали на внешний мир (66, p.233).

Феномен создания такой действенной и эффективной системы целенаправленной идеологической обработки массового сознания дала основание

американскому ученому П. Кенез (P. Kenéz) назвать СССР “пропагандистским государством” (81, р.4).

Как видим, вся стратегия установления и укрепления советской тоталитарной системы построена по классической схеме действия механизмов негативного этноцентризма. Коммунистические лидеры сознательно или бессознательно взяли на вооружение и эффективно использовали такие древние и проверенные временем методы утверждения позитивной идентичности, как культивирование чувства превосходства советского народа над другими народами и одновременно поощрения чувства враждебности и конкуренции по отношению к аутгруппе – Западу.

В целях укрепления своих позиций и эффективного контроля ситуации советские руководители использовали и такой мощный фактор формирования негативного этноцентризма, как инстинкт самосохранения ингруппы, в соответствии с которым необходимо было создать иллюзию крайней враждебности и угрозы со стороны внешнего мира. Исходя из этого, невероятно настойчивым и постоянным стал тезис об опасности и агрессивных намерениях капиталистических держав по отношению к СССР. Именно этот советский миф стимулировал проявление такой формы негативного этноцентризма, как **резекционный** этноцентризм. Его отличительными признаками является максимальное дистанцирование от аутгруппы, в данном случае Запада, и сокращение сфер взаимодействия и контактов с ней.

Следует в связи с этим отметить, что такая стратегия поведения была достаточно логичной для молодого Советского государства, которое, несмотря на откровенную и непримиримую конфронтацию с Западом, потенциально еще было не готово противостоять более мощному и сильному противнику. На данном этапе для советских лидеров важно было не только стабилизировать и укрепить собственную власть, но и аккумулировать силы и средства для открытой конфронтации с западными державами. А то, что такой политический сценарий возможен, не сомневался никто. Лучшей иллюстрацией к этому служит следующее замечание К.Е. Ворошилова, высказанное им в беседе с выпускниками военно-политической академии еще в 1930 году:

Международное положение в настоящий момент характеризуется прежде всего тем, что война, которую мы с вами давно ожидали, о которой говорили, долго говорили, она теперь в воздухе носится; она сейчас больше, чем когда-либо вероятна ... События меняются так быстро, атмосфера так накалена, 'моральная', так называемая, подготовка мировой буржуазии в буквальном смысле этого слова проведена уже так серьезно и основательно ... Не исключена возможность, что против нас выступят в любой момент (81, с.53-54).

Таким образом, как задача максимального ограждения массового сознания советского народа от 'вредного' и нежелательного влияния Запада, так и стремление способствовать быстрейшей его мобилизации и консолидации под эгидой коммунистических лидеров предопределили следующие шаги по изоляции страны от внешнего мира. Так, пропагандистский миф об угрозе со стороны капиталистического мира подвел требуемые основания для необходимости, так сказать, 'держатъ границы на замке', причем с обеих ее сторон. Характерен в этом отношении следующий фрагмент выступления М.И. Калинина в 1934 году:

Вот, товарищи, зарубите себе на носу, что пролетарии Советского Союза находятся в осажденной крепости, а в соответствии с этим и режим Советского Союза должен соответствовать крепостному режиму (81, с.117).

В результате в 30-е годы был крайне ужесточен как режим выезда за пределы страны, так и въезда в нее. Без соответствующей санкции специальных органов советской власти и без тщательной проверки на политическую благонадежность за границу не выпускался никто. Что касается возможностей въезда в СССР, согласно официальным данным на протяжении 20-30-х годов разрешение на въезд в страну было выдано всего 100 тысячам иностранцев (172, с.146).

По отношению к иностранцам, уже находившихся на территории СССР, был, как и в достопамятное средневековье, введен режим не только постоянного контроля за их контактами, но и их ограничения. Так согласно воспоминаниям Л. Треппер:

... иностранные коммунисты, учившиеся в Москве, жили своим, очень замкнутым мирком. Нам не часто представлялась возможность

попутешествовать и пообщаться с русским населением (336, с.43).

В целях еще большей взаимной изоляции как иностранцам, так и гражданам СССР не рекомендовалось 'смешиваться' друг с другом. А по прибытии в страну иностранцев, как правило, предупреждали о необходимости быть бдительными по отношению к советским гражданам, поскольку те могли:

оказаться шпионами и саботажниками (154, с.93).

Впрочем, такие же рекомендации и предупреждения относительно иностранцев давались и самим советским гражданам.

В условиях такой исключительной изоляции СССР от внешнего мира, а также искусственно нагнетаемой в стране атмосферы страха, недоверия и подозрительности, благодаря тотальному контролю государства над средствами информации, советская система пропаганды успешно и весьма эффективно внедряла в сознание советского народа такие представления о Западе, которые максимально отвечали ее конечной цели – подготовке массового сознания к возможности и даже необходимости открытой конфронтации с капиталистическими державами.

В целях постоянного стимулирования высокой степени консолидации и мобилизации советского народа коммунистические лидеры максимально использовали все средства для поддержания в нужном тоне состояние массового психоза и тотального страха. При этом они интуитивно опирались на особенности мифологического сознания, ибо:

... для мифологического сознания характерно повсюду искать и находить происки 'темных сил', имеющих почти демоническую природу и действующих во всемирном масштабе – и при этом ежечасно побеждаемых (175, с.53).

Кроме того, как 20-е, так и большая часть 30-х годов были отмечены не только такими глобальными катастрофами как голод и экстремально высокий уровень безработицы, но и, ввиду элементарной неопытности коммунистических лидеров

в сфере государственного строительства, а также дефицита специалистов, откровенными провалами и ошибками во внутренней экономической и социальной политике страны. В атмосфере невероятно тяжелого быта и условий труда советскому руководству необходимо было находить все новые причины как для оправдания своих ошибок или непопулярных решений, так и для экстремальных внутри- и внешнеполитических актов. Именно это детерминировало ужасающие своими масштабами массовые политические репрессии и первые пробные неудачные попытки военных агрессий. Немаловажную роль и в этом сыграла высокая степень мифологизированности массового сознания советского народа. Как верно подмечает А.В. Голубев:

Царство утопии, основанное на абсолютной истине, все не наступало, несмотря ни на какие усилия и жертвы. Миф, в отличие от научной гипотезы, не в состоянии признать собственную несостоятельность. Самым простым объяснением, вполне соответствующим мифологическому сознанию, явились ссылки на 'происки врага', внутреннего – кулаки, оппозиционеры, буржуазные специалисты, и внешнего – Чемберлен, Антанта, мировая буржуазия. Все вместе сливалось в огромную, тысячеголовую гидру контрреволюции (175, с.52-53).

Из сложившейся картины становится очевидным, что коммунистические лидеры, сознательно или бессознательно, используя специфику и особенности мифологичности, характерного для сознания подавляющей части российского народа, и опираясь на основные принципы и механизмы действия негативного этноцентризма, уже к середине 30-х годов смогли сформировать такой социально-исторический феномен как советское тоталитарное государство. В связи с этим, нельзя не согласиться со следующим утверждением:

... если тоталитаризм, как новая разновидность политического режима, обязан своим возникновением и стабилизацией архаическому сознанию, то верно и обратное. Тоталитарный режим способствовал консервации этого типа сознания в степени, нехарактерной для индустриального общества. В этом заключалось одно из важнейших противоречий режима. Выдвигая в качестве 'тотальной', объединяющей цели модернизацию страны (а именно это, в сущности, означали лозунги 'индустриализации', 'коллективизации', 'культурной революции') ... он, тем не менее, объективно тормозил модернизацию общественного сознания (174, с.196-197).

Исследователи, анализируя явление тоталитаризма, сходятся в том, что:

Тоталитарные режимы, как показывает историческая практика, чаще возникают не из-за силы, а из-за слабости государства, в них проявляется отрицание не столько демократии, сколько смуты и хаоса (176, с.85).

Думается, это утверждение абсолютно справедливо по отношению к феномену возникновения советского варианта тоталитаризма, поскольку, во-первых, не имея необходимых ментальных, экономических и социальных ресурсов для реформирования все еще глубоко традиционного в своей массе российского общества; во-вторых, не обладая необходимыми навыками и опытом построения гражданского общества и соответствующих демократических институтов власти; и, наконец, исходя из отсутствия достаточно сильных социально-исторических предпосылок для их возникновения, большевики, в условиях послереволюционного хаоса, политической анархии и неразберихи, пошли по наиболее традиционному пути установления общественного порядка и, а именно, стали развивать жесткую вертикальную иерархию власти, что и выразилось, в конечном итоге, в утверждении тоталитарного режима. Ученые в связи с этим отмечают, что:

Тоталитарные режимы стремятся достичь ... объема власти, несравнимого с тем, который существует в иных социумах. Режим пытается контролировать не только действия, но даже эмоции и мысли населения. При этом он не терпит ни соперничающей идеологии ... , ни независимых от него общественных структур (176, с.85).

Как известно, отсутствие условий конкуренции в любой сфере человеческого бытия неизменно приводит к одному результату – стагнации, а затем и неизменной гибели. Не миновал этот закон общественного развития и Советское государство. Первые признаки наступающего кризиса проявились уже в конце 30-х годов. Так, тотальный контроль за информацией, ее политически и идеологически тенденциозное цензурирование, а также преднамеренная изоляция страны привели к тому, что у советского народа, не исключая и его политическую

и интеллектуальную элиту, постепенно стало формироваться неадекватное представление не только о внешнем мире, но и о собственном экономическом и политическом потенциале. Об этом свидетельствует известный писатель А. Жид, побывавший в конце 30-х годов в СССР. Он отметил доминирующую, как в официальной пропаганде, так и в общественном сознании 'иллюзию превосходства'. Как иллюстрацию он приводит следующее довольно типичное и распространенное среди советских граждан утверждение:

Еще несколько лет назад Германия и Соединенные Штаты могли нас чему-нибудь научить. Но сейчас нам за границей учиться нечему (192, с.80).

Кроме того, вытеснение из сферы власти более опытного и образованного старшего поколения революционеров; кадровая политика, целью которой являлся отбор не столько талантливых и мыслящих руководителей и специалистов, сколько политически благонадежных; и, наконец, регулярный систематический массовый террор, направленный на истребление, главным образом, интеллектуальной части общества привел к такой критической ситуации, когда принятие чрезвычайно важных политических решений осуществлялось не только в отсутствие независимой и объективной профессиональной экспертизы и анализа международного положения, но и без учета реального потенциала страны. Так, российский историк А.В. Голубев в связи с этим утверждает, что:

Снижение общего уровня политической элиты шло параллельно с ростом международной напряженности. Не соответствующие реальности внешнеполитические стереотипы, сформировавшиеся в конце 20-х – 30-е годы, в полной мере проявили себя в кризисной ситуации 1939 – 1941 годов и явились одной из важных причин внешнеполитических просчетов сталинского руководства (177, с.104).

Они же, судя по всему, явились основой и амбициозных планов по реализации давно вынашиваемой идеи мировой революции, а следовательно, и более масштабной военной конфронтации с Западом. Последовательное использование механизмов формирования **конфронтационного** этноцентризма и их реализация советскими лидерами на практике привели, таким образом, к устойчивому

развитию его следующей, более агрессивной фазы, а именно, **воинствующего** этноцентризма. Убежденность Сталина и его сподвижников в силе и мощи советского военно-технического потенциала, детерминирует решение открыто противостоять Западу, в лице не менее амбициозной тоталитарной системы Германии. Как известно из последующих исторических событий, разразившаяся вследствие этого Вторая мировая война откроет своеобразный 'ящик Пандоры' и станет, в итоге, началом конца советского тоталитаризма.

3. 4. Трансформация образа Запада в СССР в период Второй Мировой войны.

К концу 30-х – началу 40-х годов в сознании советских лидеров и, прежде всего, Сталина сформировалось стойкое убеждение о готовности Советского Союза к военной конфронтации с Западом, что означало переход от идеологического противоборства к реальным завоеваниям. В этой ситуации основным детерминантом усиления негативных этноцентристских позиций относительно Запада, по нашему мнению, в очередной раз послужил уже упомянутый ранее групповой конфликт интересов. Как известно, согласно обоснованным Д. Кэмпбелл основным положениям “Теории реального группового конфликта” источником межгрупповой неприязни и враждебности и, в конечном итоге, конфликта зачастую являются межгрупповые противоречия, как следствие борьбы за обладание какими-либо ресурсами.

В рассматриваемом нами случае к концу 30-х годов Сталин и его окружение приходят к выводу, что победа коммунистической идеологии на территории СССР уже одержана. Так, в “Кратком курсе истории ВКП(б)” 1938 года издания констатируется:

... трудящиеся массы СССР ... уже построили в основном социалистическое общество (217, с.97).

И в нем же далее указывается:

Но наша борьба далеко не окончена. Нам предстоят решающие бои за окончательную победу социализма, против капиталистического окружения. (Там же)

Еще ранее в 1937 году в своем выступлении на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) Сталин делает следующее заявление:

Советская власть победила только на одной шестой части света. Недопустимо забывать, что остальные пять шестых света составляют владения капиталистических государств (327, с.93).

Исходя из приведенных цитат становятся вполне очевидными амбициозные планы советских лидеров во главе со Сталиным попытаться вступить в борьбу с Западом за расширение советской сферы политического и экономического влияния. Соответственно этим установкам советская пропаганда начинает внедрять в массовое сознание идею необходимости наступательной войны против капитализма. Об этом совершенно однозначно заявляет в октябре 1938 года и сам Сталин, ссылаясь при этом на работу Ленина “О лозунге Соединенных Штатов Европы”, в которой тот:

... прямо говорил, что пролетариат, взяв власть в одной стране и организовав социалистическое производство, вынужден будет силою обстоятельств предпринять поход против других отставших, реакционных капиталистических стран для того, чтобы помочь пролетариату этих стран освободиться от буржуазии (Там же, с.97).

Таким образом, с указания вождя советская пропаганда отныне подчиняется решению следующей приоритетной задачи – внушения советскому народу идеи о неотвратимости, неизбежности и, главное, необходимости глобальной военной конфронтации с 'империалистическим' Западом.

Надо признать, что она весьма преуспевает в этом. Думается, что именно к данному моменту можно говорить об определенных 'достижениях' советской системы пропаганды по целенаправленному формированию так называемой

'авторитарной личности', о которой в свое время писал Т. Адорно (2). Именно этот автор определил как одно из условий, способствующих некритическому усвоению определенным обществом предрассудков и стереотипов, содержащих негативный образ аутгруппы (в нашем случае Запада) и враждебность во взаимоотношениях с ней, доминирование в нем личностей с 'авторитарным' мышлением.

Однако, как показала последующая разработка данной теории, такой тип личности является не первопричиной проявления феномена негативного этноцентризма и, соответственно, одним из условий возникновения и развития тоталитарных обществ, а, скорее их следствием. Этот вывод подтверждается и на примере советского тоталитаризма. Его воздействие как на общественное сознание в целом, так и на психологический строй личности в СССР (как, впрочем, и в других известных тоталитарных государствах, например, в фашистской Германии) было невероятно сильным, ибо даже люди, обладающие весьма рационалистическим и критическим складом ума, становились своеобразными жертвами советской пропаганды, легко и быстро усваивавшими все внушаемые им идеологические штампы и мифы. В качестве примера следует привести такую фигуру, как В.И. Вернадский, выдающегося ученого, бывшего члена Государственного совета (1906-1911) и видного представителя кадетской партии, который даже обладая опытом политической оппозиции коммунистической идеологии, и осознавая наличие в СССР "полицейского режима и террора", тем не менее, в своем дневнике в 1939 году записывает:

... политика Сталина-Молотова реальная, и мне кажется правильной государственной-русской (163, с.25).

Другим доказательством невероятного воздействия политической пропаганды даже на интеллектуальную элиту и того, как быстро идея неизбежности войны вошла в сознание советского народа, может служить следующее воспоминание К.М. Симонова:

... мы были предвоенным поколением, мы знали, что предстоит война. Сначала она рисовалась как война вообще с капиталистическим миром – в какой форме, в форме какой коалиции, трудно было предсказать ...

(321, с.75).

Таким образом, к началу 40-х годов вся система пропагандистских структур с еще большим усердием начала использовать известную схему эскалации негативных этноцентристских установок по отношению к объявленному врагу – империалистическому Западу. Так, к примеру на совещании преподавателей военных академий весной 1938 года прямо указывалось, что их задачей является:

... воспитать ненависть к капитализму на конкретно-историческом материале (300, с.65).

Для реализации этой цели в ход был пущен весь арсенал по культивированию проявлений **конфронтационного** и **воинствующего** этноцентризма: от целенаправленного провоцирования массовой паранойи, основанной на мысли о внешней угрозе до преднамеренного формирования чувств недоверия, страха, неприязни и презрения к политическому противнику. Так, анализируя методы советской пропаганды данного периода, А.В. Фатеев пишет:

Управление (отдел) пропаганды и агитации ЦК КПСС использовал любые приемы для разоблачения политических противников, в том числе: бездоказательное наклеивание ярлыков; апелляции к 'простому народу'; подтасовка фактов; дозирование информации о достижениях противника, преподнесение ее в негативном контексте или игнорирование; доведение до абсурда; сравнение государственных деятелей западных стран с фашистами и животными (339, с.116).

В итоге:

Что бы ни читал, ни смотрел, ни слушал советский гражданин, он постоянно усваивал идеологические установки и стереотип образа врага, определенный ЦК ВКП(б) (Там же).

Разумеется, уровень проявления негативизма по отношению к различным западным державам варьировался не только в зависимости от текущей политической ситуации, но и от складывающейся в тот или иной момент международной конъюнктуры. Лучшей иллюстрацией этому служит известный

пакт о ненападении, заключенный в августе 1939 года между СССР и Германией. Однако общую тональность и настрой советских лидеров передает следующее заявление Сталина:

Мы не прочь, чтобы они (т.е. капиталистические державы – *авт.*) подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если бы руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии) (Цит. по 264, с.83).

Что касается новой советской политической доктрины, то в ее основу легла идея об освободительной миссии СССР и расширении границ социализма за счет сокращения сферы влияния капитализма. Именно в этом случае, успешному претворению данной доктрины, так сказать, содействовали особенности все еще доминирующей в массовом сознании советского народа мифологичности. Так, свойственное ей понятие границы, ограждающей 'свой', и оттого 'добрый', мир от 'чужого', а значит 'опасного' и 'враждебного' мира, использовалось как некий символ, передвигая который, можно распространить 'добро' и благотельно освоить пространства 'чужого'. В итоге, в сознании советского народа идея:

... распространения социалистической системы на новые территории и население нашла живой отклик (228, с.11).

Именно поэтому известие о вступлении Красной Армии на территорию Польши в СССР был встречен с невероятным энтузиазмом и даже воспринят как “начало мировой революции”. Советские средства массовой информации представляли захват польских территорий как “освободительный поход”, который вызволял жителей Западной Украины и Западной Белоруссии из-под гнета польской буржуазии (Там же).

Последующие агрессивные акты СССР по освоению новых сфер политического влияния, уже заведомо характеризовались советской пропагандой как закономерный процесс 'расширения границ социализма', что не подвергалось никакому сомнению со стороны общественного мнения. Так, нападение СССР 30 ноября 1939 года на Финляндию было воспринято советским народом как вполне оправданный политический акт, поскольку война велась против 'белофиннов' за

освобождение поработенных народов. Далее, летом 1940 года, последовало 'расширение границ социализма' за счет присоединения территорий Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины. Сталин по этому поводу заявил, что расширение «фронта социалистического строительства» является гуманным актом, поскольку:

... счастливыми себя считают литовцы, западные белорусы, бессарабцы, которых мы избавили от гнета помещиков, капиталистов, полицейских и всякой другой сволочи (Цит. по 264, с. 127).

Однако эйфория по поводу быстрого 'расширения границ социалистического лагеря' начинает постепенно угасать по мере поступления сведений о гораздо более агрессивном распространении фашизма. Так, к лету 1940 года гитлеровские войска оккупировали, помимо Дании и Норвегии, еще и Бельгию, Люксембург и Голландию. Становилось очевидным, что, так называемый 'новый порядок' фашистской Германии, распространяется гораздо более высокими темпами, чем 'фронт социализма'. А сокрушительное поражение такого сильного противника как Франция уже не оставляла никаких сомнений ни в силе гитлеровской Германии, ни в ее глобальных амбициях по завоеванию всего мира. По этому поводу в мае 1940 года писатель В.В. Вишневский пишет:

На мирное сосуществование боевой, озлобленной и хитрой фашистской силы с СССР надеяться нельзя (164, с.129).

Таким образом, несмотря на заключение известного пакта Молотова-Риббентропа о ненападении, советский народ не сомневался о неотвратимости военного столкновения с фашистской Германией. Эти опасения вскоре оправдались, и в июне 1941 года началась война, вошедшая в советскую историю как Великая Отечественная. В смертельной схватке сошлись два тоталитарных государства, отстаивавших диаметрально противоположные идеи. И если идейной основой фашистов являлось убеждение о собственной национально-государственной исключительности и расовом превосходстве, то главным идеологическим стержнем советских людей являлась вера в 'международную

солидарность трудящихся' независимо от национальной, государственной, а тем более, расовой принадлежности. Именно поэтому, воспитанные в духе коммунистической идеологии, советские солдаты в начале войны наивно надеялись на поддержку немецких 'братьев по классу'. Однако эти иллюзии очень быстро рассеялись. Вот что по этому поводу сказал, находящийся в советском плену, немецкий фельдмаршал Ф. Паулюс:

Ваша пропаганда в первые месяцы войны обращалась в своих листовках к немецким рабочим и крестьянам, одетым в солдатские шинели, призывала их складывать оружие и перебегать в Красную Армию. Я читал ваши листовки. Многие ли перешли к вам? Лишь кучка дезертиров. Предатели бывают в каждой армии, в том числе и в вашей. Это ни о чем не говорит и ничего не доказывает. И если хотите знать, кто сильнее всего поддерживает Гитлера, так это именно наши рабочие и крестьяне. Это они привели его к власти и провозгласили вождем нации. Это при нем люди из окраинных переулков, парвеню, стали новыми господами. Видно, в вашей теории о классовой борьбе не всегда сходятся концы с концами (Цит. по 153, с.173).

Отсутствие на деле внушенной советской пропагандой 'международной солидарности рабочих и крестьян' было не последним потрясением и разочарованием для советских солдат. Еще в период локальных военных действий на территории Финляндии, Прибалтики и даже западных территорий Украины и Белоруссии советские люди, оказавшиеся за пределами СССР, неожиданно сталкиваются с крушением еще одного пропагандистского постулата, а именно безапелляционного утверждения о бедственном положении трудящихся в западных странах и о невероятном желании и стремлении 'освобожденных' народов войти в состав СССР. То, что они видят воочию, далеко не совпадает с укоренившимися в сознании советскими мифами. Однако, эти впечатления и опыт восприятия реального Запада носит еще достаточно локальный характер и не влечет за собой кардинального разрушения в массовом сознании советского народа пропагандистских мифов о Западе.

Гораздо более глобальные изменения в массовых представлениях о Западе возникли в результате широкомасштабных наступлений советских войск в период Великой Отечественной войны. Сотни тысяч советских граждан имели возможность воочию убедиться в неизмеримо более высоком уровне жизни даже

зарубежных 'товарищей по классу' – трудящихся. В итоге, коррозии подвергаются фундаментальные основы советской пропаганды, и, в первую очередь, идеи о преимуществах социалистического строя и невероятных достижениях СССР. Безусловно, это не могло не вызывать тревогу и опасения у главных идеологов страны, но процесс развенчания советских мифов уже невозможно было приостановить. По этому поводу Е. Зубкова пишет:

Новое знание представляло для режима реальную угрозу, но это знание уже нельзя было просто перечеркнуть, изолировав от общества всех, кто побывал по ту сторону государственной границы. Тогда пришлось бы помимо репатриированных изолировать еще и всю армию. Так или иначе, но после 1945 года один из цементирующих советскую идеологию мифов – миф о безоговорочных преимуществах социализма перед капитализмом – теперь нуждался в дополнительных серьезных аргументах (211, с.95).

Более того, в сознании советских людей укрепляется и совершенно неожиданный образ Запада, который, как показала прошедшая война, оказывается, может быть не только абсолютным врагом, но и союзником. В итоге, восприятие Запада, благодаря формированию антигитлеровской коалиции СССР и ряда западных держав, становится не только менее однозначным, но и более дифференцированным, поскольку как в период подготовки к войне, так и в ее процессе во внешней политике СССР в зависимости от политической конъюнктуры производились неоднократные корректировки и одни и те же страны в разные моменты становились то союзниками, то непримиримыми врагами.

Война оказала несомненное влияние и на изменение самой атмосферы в стране. Людей, прошедших через невероятные страдания и лишения войны, и не раз стоявших на грани гибели, уже невозможно было утратить и запугать террором образца 30-х годов. Более того, ощущение грандиозности одержанной ими победы не только укрепило чувство самоуважения советских граждан, их уверенность в себе, но и требовало заслуженного признания и даже награды. Именно поэтому:

Стремление к переменам ощущалось в обществе уже в первые послевоенные

годы и явилось одним из социально-психологических последствий войны, породившей повышенные ожидания (176, с.89).

Перемены эти не заставят себя долго ждать. Разложение и распад советской тоталитарной системы уже невозможно было предотвратить. Со смертью ее создателя, Сталина, практически завершится почти 30-летняя история ее существования.

3. 5. Динамика восприятия Запада в период распада СССР.

Практически сразу после триумфального завершения войны эйфория одержанной совместно победы резко сменяется новой конфронтацией между СССР и Западом. Более того, этот антагонизм отныне становится определяющей доминантой их сосуществования. В историю этот период войдет под названием 'холодная война'.

Основным фактором ухудшения отношений между западными державами и СССР является своеобразный 'передел' послевоенного мира, поскольку, прежде всего, остро встает вопрос о распределении зон политического, идеологического и экономического влияния на освобожденных территориях Европы. Позднее это противостояние еще более усугубится в связи возникновением в результате антиколониального движения так называемого 'третьего мира' и борьбой СССР и западных держав за ключевые позиции в этих странах.

На языке теории этноцентризма в этом случае снова задействован уже известный феномен групповых противоречий, описанный Д. Кэмпбелл в его "Теории реального группового конфликта", в которой проявление негативного этноцентризма объясняется столкновением различных групп за обладание стратегически важными ресурсами.

В послевоенной ситуации, как известно, это столкновение завершилось возникновением такого социально-политического феномена как 'мировая социалистическая система' или 'советский блок'. Таким образом, Сталин и его

соратники, наконец, реализовали свои амбиции по, пусть и насильственному, но, тем не менее, относительно успешному экспортированию коммунистической идеологии за пределы СССР и распространению своего контроля на стратегически важные территории Восточной Европы. Это, несомненно, укрепило их позиции в стране.

Тем временем, внутренняя ситуация в стране также изменилась. Советские люди в ходе войны обрели новое реальное знание о внешнем мире, которое никак не согласовывалось с теми представлениями, которые упорно и настойчиво внедряла в их сознание советская пропаганда. Главный парадокс, который в этот период сознательно или бессознательно пытались разрешить советские граждане, заключался в следующем: если социалистическая система является более прогрессивной и совершенной, то почему уровень жизни при капитализме явно выше и лучше?

Происходят необратимые изменения и в характере и свойствах внешнеполитических представлений советских людей. Так, в результате вовлеченности во Вторую Мировую войну колоссального количества различных стран, представления о внешнем мире в массовом сознании советского народа становятся более дифференцированными. Мир для него уже предстает не в черно-белом колорите противостояния 'Мы, СССР – они, Запад', а более многоцветным и разнообразным. Несомненное влияние на качественное изменение восприятия внешнего мира оказал достигнутый к тому времени высокий уровень образованности советского общества. Этому способствовало также укрепившееся международное положение СССР и расширение, так называемого, 'лагеря социализма'. Кроме того, на карте мира появляются страны с неопределенной ориентацией, за влияние в которых начинается очередное противоборство СССР и западных держав. Все эти факторы обусловили более критичное отношение советских людей к старым пропагандистским мифам и политическим лозунгам.

Безусловно, такое 'брожение умов' тревожило советских лидеров. Необходимо было не только изобретать новые пропагандистские контраргументы, но и принимать серьезные меры по укреплению своих позиций. Другими словами, снова актуализировалась задача восстановления системы тотального контроля над массовым сознанием советского народа.

Одной из первых акций, направленных против возникающих в обществе сомнений в преимуществах социалистического строя, является объявление кампании борьбы с так называемым 'космополитизмом'. Это явление, с которым отныне предстояло бороться советскому народу, прежде всего, подразумевало 'пресмыкательство перед Западом и его культурой'. В результате, появился новый внутренний враг, а именно, 'космополит', для которого были характерны такие резко осуждаемые свойства, как склонность к 'буржуазности', антипатриотизм, преклонение перед западной культурой. Соответственно появился и новый предлог для проведения устрашающих и предупреждающих карательных операций. Тотальной 'чистке' и критицизму подверглись практически все сферы жизни, начиная от науки и культуры и кончая даже частной жизнью советских людей, в сознании и быту которых предписывалось искоренять 'пережитки капитализма'.

Одновременно меняются акценты и в определении внешнего врага. Он становится более конкретным. Отныне, в связи с укреплением международных позиций США и более агрессивной внешней политикой этой страны, статусом главного врага СССР наделяется американский империализм. Согласно анализу пропагандистских материалов, используемых в советских средствах массовой информации в содержание образа 'американского врага' вошли следующие негативные стереотипы:

... представление о предкризисном состоянии экономики; господстве монополий, вскармливающих в США фашизм; маразме и растленности американской культуры и нравов; ущербности американского образа жизни; наличии в стране расовой дискриминации; продажности печати; росте преступности; агрессивности внешней политики США, для проведения которой был создан Северо-Атлантический пакт (НАТО); о космополитизме как идеологическом оружии агрессивных кругов США и других западных стран ... (339, с.114).

Из вышеприведенного становится очевидным очередное включение механизмов формирования негативных этноцентристских установок, направленных против противников советского тоталитарного режима и, прежде всего, Запада.

В соответствии с логикой эскалации проявлений негативного этноцентризма, отрицательные образы как внешнего, так и внутреннего врага необходимо было контрастировать позитивными характеристиками ингруппы, которую, прежде всего, представляли лояльные советскому строю граждане. В соответствии с этой задачей следовало не только акцентировать внимание советского общества на их успехах в процессе укрепления социализма и борьбы с врагами СССР, но и задать советским гражданам требуемую от них модель социального поведения. В условиях тотального контроля у советских средств массовой информации была только одна альтернатива, а именно, с энтузиазмом восхвалять как мнимые, так и действительные достижения социалистического строя и формировать политически ангажированный образ положительного героя, так называемого 'передового строителя коммунизма'.

В сфере искусства стимулируется создание художественных образов, которые бы не только олицетворяли политически благонадежные типажи и, как правило, эталонные характеры коммунистов, но и разоблачали врагов советского общества. Один из самых массовых и популярных видов искусства, кино, было целиком сосредоточено на решении идеологически ангажированной задачи – создании фильмов, которые бы в трудные послевоенные годы в условиях разрухи и разорения вселяли в советских людей оптимизм и веру в 'коммунистические идеалы' и приукрашали советскую действительность.

Однако даже самые радужные и политически благонадежные произведения искусства не могли замаскировать тяжелые реалии жизни, а самые яркие коммунистические лозунги уже не вызывали тотального воодушевления и поддержки. Как отмечают российские историки и публицисты:

Постепенно общественное сознание стало освобождаться от гипноза. ... важную роль тут сыграла Великая Отечественная война. Она ... породила разного рода ожидания изменений к лучшему, широко распространенные в массах, выдвинула людей, способных рационально и достаточно объективно оценивать действительность (174, с.201).

Возможно именно поэтому Сталин и его окружение уже не могли применять в полной мере такие экстремальные методы тотального контроля и устрашения как

массовые репрессии. Даже кампания борьбы с космополитизмом была менее жестокой, чем аналогичные политические процессы 30-х годов. Более того, сам объект массовых репрессий и, соответственно, само понятие 'внутренний враг' постепенно утрачивают свою актуальность. Как констатирует и объясняет, происходившие в данный период изменения, А.В. Фатеев:

С мая 1949 по январь 1953 г. крайние формы образа внутреннего врага исчезли со страниц советских газет. Остается только одна разновидность – образ сомнительного советского человека, имеющего пережитки капитализма в сознании. Чрезмерное использование образа внутреннего врага могло подорвать веру в морально-политическое единство общества (339, с.114-115).

Тем не менее, коммунистические лидеры СССР стараются всячески воспрепятствовать окончательному разложению советского тоталитарного режима. С целью максимальной защиты от возможных эксцессов 'вредного влияния капитализма' на советское общество, границы СССР снова становятся непроницаемыми:

По горячим следам свертывания человеческих контактов и ужесточения цензуры, которые были предприняты советской верхушкой сразу после окончания Второй Мировой войны, возник устойчивый образ 'железного занавеса' – с легкой руки Уинстона Черчилля, употребившего эту метафору в своей известной 'фултонской речи' в марте 1946 г.; затем из этой метафоры родилось понятие 'закрытого общества' (212, с.210).

В итоге, Советское государство в очередной раз следует устоявшейся российской традиции, а именно, изолируется от внешнего мира. Режим как въезда в страну, так и выезда за его пределы невероятно ужесточается. Все формальные и неформальные контакты с иностранными гражданами становятся предметом не только максимального ограничения, но и постоянного контроля. Все зоны пребывания иностранцев строго регламентируются таким образом, чтобы не только свести к минимуму возможности их непосредственного общения с местным населением, но и держать их под обязательным мониторингом.

Как следует из вышеизложенного, налицо все признаки проявления **резекционного** этноцентризма, при котором ингруппа не только максимально

дистанцируется от аутгруппы, но и сводит к минимуму все контакты и сферы взаимодействия с ней. Что касается обстановки в стране, то в ней снова устанавливается атмосфера недоверия, страха и подозрительности.

Тем временем, процесс модернизации продолжался. Более того, он становился еще более форсированным, ибо новый геополитический статус СССР, как лидера мировой социалистической системы социализма, требовал не только принятия жестких условий экономической конкуренции, но диктовал необходимость усиления военного потенциала страны. А поскольку, несмотря на все его отрицательные коннотации, олицетворением модернизации оставался Запад, то в модернизирующемся массовом сознании советского народа:

...формируется напряженное и глубокое амбивалентное отношение к Западу. Традиционное мышление мечется между полюсами. Образ Запада дробится, мерцает бликами Рая и Ада. Традиционный субъект разрывается между порывами, с одной стороны, взять, приобщиться, а с другой – уничтожить, предать анафеме (360, с.16-17).

Этой амбивалентности способствует и несоответствие советских пропагандистских штампов реалиям западных стандартов жизни, которое буквально шокировало советских граждан, оказавшихся в ходе войны по ту сторону границы. В результате в обществе подспудно начинает зреть отторжение официальной идеологии и пропаганды. Еще большим катализатором этого процесса послужила смерть создателя советской тоталитарной системы – Сталина, и осторожные шаги по ее реформированию. Началом официальной 'десталинизации' считается XX съезд КПСС.

Однако реальная 'коррозия' советского тоталитаризма началась задолго до этого. Сам процесс форсированной широкомасштабной модернизации, охватившей на этот раз самые широкие слои советского общества, послужил тем самым 'динамитом', который постепенно подорвал основы тоталитарного режима. Массовое распространение пусть даже таких формальных моделей функционирования современной цивилизации как технологии не могло не влиять и на изменение менталитета и сознания народа, поскольку современные технологии требовали адекватного потребителя, а именно образованной, умеющей

самостоятельно и творчески мыслить личности. И как ни пытались советские власти затормозить процесс формирования такой личности, в конечном итоге, критическая масса их преодолела контрольный советский лимит и, тем самым, подготовила крах советской системы.

Таким образом, сама идея построения коммунизма посредством капиталистических средств производства изначально была нежизнеспособной и обречена на гибель. Другими словами, коммунисты вначале позаимствовали плоды, а затем попытались привить семена от них на почве, абсолютно непригодной для их произрастания. Как справедливо отмечает И.Г. Яковенко, диалектика индустриальной эпохи обуславливала действие следующего механизма:

... чем больше человек осваивал индустриальные технологии, тем в большей мере он был восприимчив к моделям образа жизни и культуры, соответствующим этим технологиям. Все попытки властей расслоить эти сущности, увязать жизнь в бараках и передовые технологии в одно целое в стратегическом плане были обречены. В результате все, что связано с Западом, становится притягательным, красивым, удобным и (в переходном периоде) дефицитным, а потому престижным ... (360, с.16).

Итак, с окончанием в середине 50-х годов периода массовых терроров и социальных потрясений и с наступлением эпохи относительного благополучия и стабильности началось медленное, но последовательное разрушение советской системы. Происходит постепенная трансформация тоталитарного режима в авторитарную систему государственного управления. К началу 60-х годов общество уже изменилось настолько, что появились даже первые признаки формирования гражданского общества. Так, по свидетельству А.В. Голубева:

Постепенно возникала официально игнорируемая, но тем не менее весьма сложная социальная структура, сходная с социальной структурой других развитых стран. Радикально изменился уровень образования: к середине 1980-х годов каждый четвертый работник, по данным официальной статистики, был связан в основном с умственным трудом. Завершался процесс урбанизации: уже к началу 1970-х годов городское население по численности заметно превышало сельское (176, с.90).

Таким образом, кардинальное изменение социальной структуры советского общества, повышение его образовательного уровня, а также типа и характера государственной власти оказали существенное влияние на эволюцию менталитета советских людей. Массовое сознание выросло настолько, что оно даже стало открыто подвергать сомнению навязываемые советской пропагандой мифы. Одной из первых жертв пал миф о Западе. И.Г. Яковенко в связи с этим пишет:

... со временем амбивалентность Запада настолько устойчиво закрепились в массовом сознании, что любое идеологически ангажированное, одностороннее его изображение стало восприниматься как ложное (360, с.17).

Одновременно по мере повышения уровня массового сознания обратный процесс регресса наблюдается по отношению к официальной идеологии советского государства. Учение марксизма-ленинизма, основательно реформированное Сталиным, не только уже не поддавалась еще какой-либо реформации, но вполне очевидно стало не соответствовать новым реалиям жизни советских людей. В итоге, как отмечает А.В. Голубев:

Марксистское учение, когда-то столь новое, радикальное, привлекательное для широких слоев, постепенно догматизировалось, оторвалось от массового сознания и оказалось в качестве правящей идеологии не только неадекватным реальности, но и неспособным осуществлять свои социальные функции ... (174, с.201).

Как отмечает тот же автор, последней попыткой как-то адаптировать и обновить 'коммунистическую утопию' явились известные социально-экономические реформы Н.С. Хрущева. Но, как далее пишет этот автор:

Некоторый подъем жизненного уровня, успехи в экономике, научно-технический прогресс в сочетании с заметной либерализацией режима вызвали кратковременный отклик в массах. Однако вскоре официальная мифология практически исчерпала себя, и все последующие попытки руководителей и идеологов КПСС гальванизировать ее оказывались безрезультатными. (Там же).

В то же время внешняя политика СССР по сути практически не изменялась, как не менялся и режим максимальной изоляции страны от внешнего мира. Концепция противостояния СССР Западу на протяжении всего советского периода оставалась незыблемой. **Резекционный** этноцентризм, возведенный в статус официальной внешней политики Советского государства, оставался, наряду с периодическими проявлениями **воинственного** этноцентризма, исключительными и неизменными стратегиями выстраивания отношений СССР с Западом. По свидетельству Ю. Левады:

Постреволюционная эпоха никогда так и не стала мирной, поскольку гражданская война продолжалась в иных формах внутри страны и приобрела черты воинственно-державного противостояния всему миру (248, с.179).

Тем временем, для советских граждан Запад, оставаясь все еще недоступным, становился все более привлекательным. В конечном итоге, у советских людей сформировался своеобразный 'синдром Запада', который выражался в том, что строжайше запретный, 'греховный' предмет становится объектом самого сильного вожделения и соблазна. В итоге:

Вялые, явно обреченные попытки дросселировать и 'противостоять' были бессильны. Вожделенные 'вещи', образ жизни, стиль, моды, песни и танцы, литература и кино ... В результате расширяющаяся воронка феноменов западной культуры лишила остатков воли и поглотила советского обывателя (360, с.16).

Думается, именно это неуклонное дрейфование массового сознания не только к процессу активного усвоения элементов западной культуры, но и к потребности стать частью этой культуры, наряду с другими факторами, детерминировало предпринятые в 80-х годах безуспешные попытки реформировать социалистическую систему, и, в конечном итоге, обусловило окончательный распад этой системы.

ГЛАВА IV. Восприятие Запада в постсоветской России.

4. 1. Влияние 'советского' фактора на особенности постсоветской модернизации российского общества.

Советская тоталитарная система, достигнув своего апогея в конце 30-х начале 40-х годов, с середины XX века начала медленно деградировать, пройдя при этом стадию авторитаризма, которая отметилась как периодами кратковременного укрепления унаследованной вертикали государственной власти, так и проявлениями ее абсолютной стагнации. Тщетные попытки ее реформирования и даже обновления не привели к желаемому эффекту и только ускорили ее распад.

Однако, советский вариант тоталитаризма, исчерпав свой исторический потенциал, оставил весьма тяжелое наследие. Не говоря о миллионах жертв и определенной степени травмированности общественного сознания, Россия, за исключением весьма короткого периода буржуазной февральской революции 1917 года, так и не испытала в полной мере опыт истинного народовластия. Тоталитаризм, по мнению Г.Г. Дилигенского, добился:

... превращения общества в казарму, для подавления личности ...
тоталитаризм исключал какую-либо общественную деятельность, не контролируемую номенклатурой социальную активность (195, с. 277).

В итоге к началу перестройки в стране едва сложились лишь отдельные элементы гражданского общества.

Экономика России также требовала кардинальной реорганизации, поскольку в стране отсутствовали всякие альтернативы государственной собственности. Народное хозяйство было до предела централизовано и исключительно контролировалось громоздкими и крайне неэффективными бюрократическими структурами, что, в свою очередь, стимулировало развитие коррупции в катастрофических масштабах.

И, наконец, массовое сознание народа по-прежнему отличалось крайней степенью мифологизированности. Как отмечалось ранее, тоталитарный режим был не только заинтересован в консервации его архаичных и традиционных форм, но и культивировал их посредством навязывания новых советских пропагандистских мифов. Как известно, к такой тактике прибегают практически все массовые движения, ибо это обеспечивает не только сам фактор их массовости, но и обуславливает повышенный уровень внушаемости контролируемых масс. Самым распространенным и показательным примером подобного феномена являются методы, которыми на протяжении всего развития человечества успешно пользуются различные религиозные течения. Категоричное и контрастное мировосприятие, характерное для мифологизированного сознания, как нельзя лучше отвечало и задачам и конечным целям тоталитарной системы, поскольку позволяло не только легко манипулировать таким сознанием, но и действовать по принципу 'разделяй и властвуй'.

Вот к таким неутешительным итогам привела ускоренная модернизация страны по-советски. Как видим, достигнутый результат не совсем адекватен затраченным усилиям и жертвам.

Надо отметить, что Россия не первая и не последняя страна, в которой форсированная модернизация была осуществлена в жестких рамках тоталитаризма. Ряд исследователей данного явления считают, что тоталитаризм тесно взаимосвязан с самим процессом догоняющего варианта модернизации. Он, по их мнению, возникает в качестве реакции традиционного общества на противоречия модернизационного процесса и способствует, пусть и в насильственной форме, но, тем не менее, адаптиванию и переходу традиционного общества к индустриальному. Однако, по их же мнению, этот путь 'революционной' модернизации весьма неэффективен. В научный оборот даже введен специальный термин 'квазимодернизация', суть которого сводится к тому, что такой способ модернизации является несовершенным и даже незавершенным (17, 21, 107, 127). Тем временем, СССР, и в том числе Россия, перешли в индустриальную эпоху именно этим путем.

Это, безусловно, не могло не отразиться на особенностях постсоветского развития страны, поскольку, если сфера экономики и производства, являясь

формальными структурами, поддавались сравнительно быстрой трансформации в соответствии с условиями перехода к новой системе социально-экономических взаимоотношений, то сфера массового сознания была не только менее подготовлена к восприятию новых социально-политических, экономических и культурных реалий переходного периода, но и, являясь сложным социально-психологическим феноменом, требовала по своей природе, прежде всего, эволюционных условий развития. А так как, по признанию самих российских ученых, процесс естественной демифологизации сознания советского народа, происходивший в 60 – 80-е годы оказался не только частичным, но и незавершенным, то:

На смену прежней, единой мифологии постепенно появился целый спектр новых(или, напротив, довольно старых) мифологических систем. ... степень мифологизированности общественного сознания остается очень высокой. Сейчас, как в любую кризисную эпоху, мифологический тип сознания снова доминирует над рационалистическим, делаются попытки сконструировать новую официальную мифологию 'сверху' (174, с.201-202).

Как следствие, все еще непреодоленная архаичность сознания российского народа, а отсюда высокая степень его мифологизированности по-прежнему является одним из решающих факторов, влияющих не только на восприятие внешнего мира, но и на выстраивание отношений с ним в постсоветский период. Безусловно, это отражается и на особенностях формирования и логики развития этноцентристских установок россиян относительно Запада в данный период.

На наш взгляд, одной из наиболее удачных и точных констатаций сути восприятия Россией Запада является следующее высказывание Ю. Левады:

... сам образ 'Запада' сконструирован и продолжает действовать как автомобиль собственного российского, советско-российского существования. Это искаженный, перевернутый образ человека и общества в России. ... В этом специфическом зеркале, в которое смотрится Россия последние два столетия, каждый ее социальный субъект находит воплощение тех признаков, которые он не видит (опасается видеть, не умеет разглядеть, хотел бы видеть ...) у себя 'дома' (248, с.182).

Думается, именно этот 'комплекс зеркала' и является квинтэссенцией диалектики процессов, происходящих в настоящее время в России. С одной стороны она стремится к геополитическому самоутверждению и вовлеченности в глобальный мировой контекст и, в то же время, не выдерживая конкуренции, возвращается к привычной стратегии самоизоляции. Эта диалектика отражает также борьбу тенденций 'модернизации' и 'антимодернизации'.

Таким образом, логика развития постсоветской модернизации во многом обуславливает как драматизм и болезненность процесса самоопределения России в современном мире, так и социально-перцептивные механизмы формирования образа Запада и отношения к нему. И поскольку модернизация в ее универсальном понимании по-прежнему обозначает, прежде всего, 'вестернизацию', то ее постсоветский вариант в соответствии с российской традицией вновь приобретает двойственный характер.

Следует отметить, что кульминация и развязка амбивалентного отношения к Западу припала на 80-е годы, когда в ходе горбачевских реформ выяснилось, что возможности для СССР реформироваться и обеспечить поступательное развитие на социалистической основе исчерпаны, и Советский Союз должен был позаимствовать для своих реформ либерально-демократические механизмы. Тогда-то модернизация СССР, а потом и России стала все более и более развиваться по ее классическому, то есть западному образцу. С распадом СССР и концом коммунистического режима модернизация стала осуществляться уже исключительно по либеральным образцам, которые имели как своих традиционных сторонников, так и непримиримых противников.

В соответствии с этой извечной российской амбивалентностью вновь актуализируются традиционные метания между двумя полюсами самоидентификации – евразийством и евроатлантизмом. Эта амбивалентность проецируется и на характер и особенности динамики модернизационных процессов. Более того, наблюдаются как бы два уровня адаптации российского общества к так называемой 'вестернизации' постсоветского пространства.

На первом уровне модернизационные процессы охватывают социально-культурные и экономические сферы общественного бытия. Данный уровень мы условно назовем 'прагматическим', поскольку именно в этих сферах

осуществляются непосредственные акты и действия по приспособлению общества и ее индивидов к изменяющейся социальной реальности. Как правило, изменения на этом уровне совершаются естественно, практически стихийно, в соответствии с особенностями динамики индустриального общества и потребностями его субъектов.

Первый уровень модернизационной адаптации происходит непроизвольно, стихийно, а потому он, как бы, не контролируется массовым сознанием. Это, так называемая, 'безусловная' модернизация общественной жизни. Массовое сознание на этом уровне участвует лишь опосредованно, поскольку является, как бы, вторичной производной сущностью по отношению к изменяющемуся общественному бытию. Именно поэтому массовое сознание на данном уровне не только не фиксирует происходящие изменения, но и не оценивает их. Все эти изменения отражаются и откладываются, главным образом, в подсознании общества.

На втором уровне, сосредоточенном, главным образом, в сфере идеологии и национально-государственного строительства, осуществляется своеобразный контроль происходящих изменений, их оценка и регуляция в соответствии с политической или экономической конъюнктурой. Поскольку на этом уровне формируются непосредственные представления об изменяющейся социальной реальности, а также фиксируется отношение к ним, думается, наиболее точным определением для этого уровня будет термин 'идеалистический'.

Эта амбивалентность отражается и на характере и формах проявления этноцентристских установок россиян. Механизм их формирования в зависимости от особенностей модернизационной адаптации различных сфер общественного развития постсоветской России и станут предметом анализа следующих разделов данной главы.

4. 2. Аккультурационный этноцентризм как фактор модернизация сферы экономики и культуры постсоветской России.

На первом, так называемом, 'прагматическом' уровне модернизационной реорганизации социокультурного и экономического пространства постсоветской России явно наблюдается проявление одной из форм позитивного этноцентризма, которую мы обозначили как **аккультурационный**. Именно при этой форме проявления этноцентризма ингруппа, в данном случае Россия, стремится к различным формам взаимодействия и обмена с аутгруппой (Западом) во всех сферах, в которых та представляется эталонной. В этом случае возникает так называемый феномен аутгруппового фаворитизма, когда ингруппа не только демонстрирует явное предпочтение культуре аутгруппы, но и активно заимствует у нее.

В истории России этот феномен уже имел прецедент в период ее активной 'вестернизации', предпринятой Петром I. Однако коренное отличие постсоветского варианта модернизации состоит в том, что она осуществляется не только 'сверху', но и при активном участии и заинтересованности самого российского общества. Отсюда и особенности процесса ее аккультурации. Итак, каким же образом данный феномен проявляется в постсоветских реалиях России?

В первую очередь, благодаря ослаблению политики государственного изоляционизма, границы между Россией и Западом становятся более проницаемыми. 90-е годы положили начало массовым выездам российских граждан за рубеж. Появился известный феномен 'челнока', прообраза современного коммерсанта, осваивающего доступные в то время европейские и азиатские рынки. В свободное хождение вступает недоступная прежде иностранная валюта, которая, в свою очередь, облегчает товарно-денежные операции.

С либерализацией экономики и легализацией частной формы собственности в стране активно осваиваются самые различные виды коммерции и частного бизнеса. Их масштабы с каждым годом не только увеличиваются, но сама качественная структура частнопредпринимательской деятельности все более

совершенствуется. Постепенно начинает формироваться не только средний класс, но и олигархия постсоветской России.

К середине 90-х годов процесс оформления заграничных выездов предельно демократизируется. Отныне у российского гражданина есть возможность не только свободно осуществлять деловые и служебные поездки за рубеж, но и при наличии денег осваивать туристические зоны всего мира, и даже работать по контракту за границей или учиться там.

Практически сразу происходит не только повышение статуса английского языка, но, что немаловажно, владение им, благодаря тому, что он отныне является одним из обязательных условий и атрибутов успешной карьеры, становится массовым явлением. 'Англицизмы' начинают активно входить в постоянный речевой оборот и вскоре составляют неотъемлемую часть современного русского языка. Элементами меняющегося социокультурного антуража становится не только введение в речь такой западной лексики, как например, 'офис', 'оффшорные зоны', 'супермаркет' и т.п., но и явное их предпочтение в повседневном общении. Более того, употребление этих англицизмов превращается в своеобразную моду, поскольку способствует созданию имиджа современной, быстро модернизирующейся личности.

Западные стандарты начинают интенсивно проникать и в такую атрибутику повседневной жизни, как например, культура общения. В качестве иллюстрации можно привести такое наблюдение, как постепенное исчезновение из оборота обращение к персоне по отчеству. Отныне в норму входит употребление только имени и фамилии человека, как это принято на Западе. Несмотря на кажущуюся формальность и незначительность этого изменения, по сути оно, символизируя отрицание такой знаковой составляющей традиционной культуры, как патернализм, декларирует не только суверенность личности, но и ее социальную значимость.

Еще одним косвенным подтверждением происходящих **аккультурационных** трансформаций является приведение стандартов написания почтовых адресов в соответствие с западными образцами. Так, если в советском варианте адресования отражалась непосредственная суть социальной иерархии, в которой главенствующую позицию занимало, прежде всего, государство, а последним и

самым незначительным элементом являлся адресат, то отныне первенство присваивается самой личности. Тем самым, пусть пока формально, но провозглашается приоритет и социальная валидность отдельного человека, что, как известно, является принципиальной основой западной культуры и демократии.

Недоступность и длительный запрет на все 'западное', в конечном итоге, приводят к неумному вожделению, а затем и, порой, к неразборчивому потреблению продуктов и традиций западной культуры. Возникают даже такие курьезы, как закрепление традиций празднования не только православного Рождества, но и западного Кристмас, а также двойной Пасхи по старому и новому стилю. В норму входит традиция отмечать даже сугубо западные публичные праздники такие, как например, День святого Валентина, Хеллоуин и даже ирландский День Святого Патрика.

Необратимо меняется и внешний облик, в первую очередь, российских столиц – Москвы и Санкт-Петербурга. Эстетика западной культуры начинает явственно проявляться как в архитектуре, так и в концепции оформления городской среды. Деловые центры крупных городов начинают застраиваться небоскребами. В архитектурном оформлении используются такие, например, элементы западной эстетики как зеркальные окна, арки, стиль модерн. Внешняя атрибутика городов все более унифицируется в соответствие с эстетикой типичного западного городского интерьера. Кажется в одночасье появляются огромные рекламные щиты, бегущие электронные тексты, яркие неоновые надписи и изображения и т.п.

Пригороды, которые активно начинают осваивать новоявленные российские нувориши, так называемые 'новые русские', также стремительно меняют свой образ. Более того, здесь следование западным образцам является самоцелью и считается признаком не только элитарности и престижности, но и своеобразной декларацией приобщенности к статусно более высокой западной цивилизации. В дополнение к таким архитектурным изыскам возведенных вилл, как бассейны, сауны, теннисные корты появляется традиция нанимать обслуживающий персонал, поскольку все должно быть 'как в лучших домах Лондона и Парижа'.

Символичным и весьма показательным является использование латиницы и кириллицы в оформлении городов. Так, в центре, который по смыслу воплощает собой социальную и культурную доминантность, а потому символизирует общественный престиж и значимость, в оформлении фасадов зданий, несмотря на определенное сопротивление местных властей, большее распространение получает латиница, которая с продвижением к периферии города постепенно сменяется кириллицей. Такая диспозиция латиницы свидетельствует о тенденции обозначить все самое значимое, важное и ценное элементами западной атрибутики. Таким образом, в сознание обывателя поневоле закладывается идея приоритета западной культуры над отечественной.

Следующей иллюстрацией явной экспансии западной культуры в России являются структурные и содержательные изменения средств массовой информации и телекоммуникации. Так, телевидение не только отдает львиную часть эфирного времени под демонстрацию вождельных фильмов западного производства, но и начинает тиражировать наиболее популярные западные телевизионные шоу. В соответствии с западными стандартами кардинально меняется и эстетика массовой культуры. Так, к примеру, архаичность советской эстрады быстро замещается более продуктивным и коммерчески выгодным производством музыкальных клипов.

Наступившая эпоха гласности и свободы слова способствовала настоящей революции в сфере печати. На свет появляется огромное количество журналов и газет самой разнообразной идеологической, тематической и жанровой направленности. Объединяет их не только быстрое усвоение и применение западной технологии подачи и распространения информации, но и не менее быстрая реакция на конъюнктуру рынка, который требовал, прежде всего, расширения потока информации о самых различных сферах жизни на Западе.

Благодаря такой интенсивной информационной трансляции элементы, общий стиль, и даже ценности западной культуры становятся предметом подражания и своеобразным эталоном образа жизни. Более того, появляется даже своеобразный эффект включенности россиян в контекст западной цивилизации. Следствием этого является формирование нового культурного пространства, в котором в соответствии с эталонными западными стандартами более высокий социальный

статус начинают приобретать такие сферы общественной жизни, как путешествия, досуг и развлечения, частная жизнь, успешный бизнес и т.п.

Таким образом, происходит полный разрыв с основными принципами советского образа жизни, в котором безусловным доминантом являлись сферы коллективного материального производства и государственно-политических приоритетов, а вышеназванные сферы либо носили второстепенный характер, либо вообще отсутствовали. В итоге такой переоценки социальных приоритетов, эпоха постсоветской модернизации обозначается очередным революционным преобразованием – возрастанием значения и расширением сферы коммерции и услуг.

От унаследованной от тоталитаризма задачи признавать приоритетность интересов государства, и в соответствии с ними приумножать его экономическую и военную мощь, модернизирующееся общество отныне ставит перед собой цель удовлетворить, в первую очередь, потребности автономного человека. В итоге, в соответствии с основополагающими принципами западной социальной модели, российское общество на практике начинает демонстрировать приоритет личности.

Помимо данной смены иерархии потребностей отдельной личности и интересов государства и ее проекции в сфере экономики, в ней происходят еще более кардинальные изменения. Так, на смену советских принципов абсолютизма государственного контроля и монополии на собственность приходят законы капиталистического рынка и разнообразие форм собственности.

Модернизация экономических отношений и принципов функционирования сфер производства и услуг, требует изменения всех составляющих ее элементов. Так неизмеримо возрастает статус таких, ранее незначительных, экономических институтов как банки. Появляются новые экономические структуры такие, как например, товарно-денежные биржи. В связи с происходящими изменениями такая категория как бизнесмен становится не только знаковой фигурой новой реальности, но и синонимом социального успеха. В соответствии с логикой модернизации экономических структур повышается престижность и таких профессий как бизнесмен, банкир, экономист, брокер и т.п.

Именно из этих ключевых субъектов модернизирующегося общества начинается постепенно формироваться социальная страта, для которой характерна успешная

адаптация к стремительно меняющейся социальной реальности. Более того, эта общественная прослойка не только олицетворяет собой, так называемый, 'продукт вестернизации', но в силу ее возрастающей социальной значимости, приобретает статус новой российской элиты.

В итоге меняется сама структура общественной власти, поскольку отныне в ней, помимо представителей политической и интеллектуальной элит, все большее влияние и значение приобретает экономическая элита. Именно она более всего заинтересована в прогрессе модернизационных процессов в России, ибо это залог не только ее успеха и процветания, но и определяющее условие самого существования. Вследствие этого, потребности и интересы данной части российского общества становятся одним из решающих факторов, определяющих стратегию развития России в постсоветский период.

Думается, приведенные примеры активного освоения в постсоветской России социокультурной и экономической моделей Запада явно доказывают проявления **аккультурационного** этноцентризма на так называемом 'прагматическом' уровне общественного развития страны. Россияне, таким образом, демонстрируют на практике не только желание усвоить внешние элементы и атрибуты западной культуры, но и приобщиться к ценностям западной цивилизации. Постепенно эта тенденция активной 'вестернизации' социокультурного и экономического пространства постсоветской России начинает требовать и более глубинных изменений уже на уровне массового сознания. А эта сфера общественного развития, как известно, менее конформна и гораздо более консервативна и, в силу этого, требует гораздо более длительного периода адаптации и усвоения нового. Она подчиняется только законам эволюционной динамики. В итоге, модернизация общественного сознания начинает отставать от опережающих темпов модернизации общественного бытия.

Как следствие, все эти процессы смены социальных приоритетов, перераспределения власти и непосредственно особенностей и характера постсоветской модернизации не только начинают сопровождаться крайне болезненными реакциями со стороны более консервативной части российского общества, но и вызывают традиционные противоречия между сторонниками и противниками 'вестернизации' России. Борьба между апологетами 'нового' и

'старого', их рефлексy, осознанные и неосознанные, наиболее ярко проявляются на втором, условно обозначенном нами 'идеалистическом' уровне общественного развития, о котором и пойдет речь в следующем параграфе.

4. 3. Динамика демифологизации Запада как фактор постсоветской модернизации России.

Как известно, существуют три основных канала и источника когнитивно-смыслового освоения массовым сознанием 'чужого' культурного пространства. Самый традиционный из них – это, так называемый, 'гуманитарный обмен', который осуществляется путем как непосредственного контакта с представителями инокультурной цивилизации, так и опыта знакомства с результатами деятельности данной культуры. В отсутствие возможностей прямого контакта с феноменами 'чужой' культуры, не менее важным и не менее традиционным каналом формирования массовых представлений о незнакомой культуре является стихийная и организованная трансляция как рационального и объективного знания, так и субъективных мнений наиболее авторитетной социальной страты любого общества, а именно, ее интеллектуальной элиты. И, наконец, во все времена наиболее эффективным являлся третий канал распространения информации об окружающем мире – политическая пропаганда. Именно она являлась наиболее действенным оружием в борьбе различных мировоззрений за влияние на общественное сознание.

Особенностями постсоветской эпохи явилось то, что впервые за многие десятилетия все эти три канала стали играть взаимокорректирующую роль. Российские граждане теперь могли не только воочию сверять устоявшиеся за многие годы советские мифы непосредственно с западными реалиями и с более объективным знанием и представлениями, но и в условиях постсоветского политического либерализма избирать и следовать тем идеологическим установкам, которые наиболее адекватно отвечали их жизненному опыту, социальному статусу, интеллектуальному уровню и другим личностным и

психологическим характеристикам. Именно эти условия детерминировали особенности адаптации россиян к процессам модернизации на втором, так называемом, идеалистическом, уровне развития постсоветского общества. Попробуем в связи с этим не только проследить логику и динамику оформления идеологий нового времени, но и их взаимодействие с механизмами проявления этноцентризма.

В поздний период советской эпохи можно было наблюдать возникновение уникального феномена – постепенной идеализации образа Запада. Как это ни парадоксально, но этот идеализированный имидж Запада возник не вопреки насильственному дистанцированию советского человека от субъектов и объектов западной цивилизации, а благодаря ему. Так, я думаю, никто из тех, кто испытал на себе все издержки советского опыта, не будет отрицать, что для советских граждан иностранец, а особенно представитель западной цивилизации, а также само понятие 'заграница' являлись буквально сакральными категориями и сущностями.

Во-первых, они были недостижимы, поскольку обитали только в зонах, недоступных простым советским обывателям. Даже будучи вне их пределов, например, при посещении туристических объектов и достопримечательностей, они, как правило, сопровождались гидами и переводчиками. А прямой контакт с ними был весьма ограничен, либо ввиду языкового барьера, либо из-за элементарного страха непредсказуемых последствий, ибо советский режим старался не допускать непосредственного общения между иностранцами и советскими гражданами.

Во-вторых, места их пребывания отличались непостижимой и недоступной для подавляющего большинства советских граждан роскошью и комфортом. Все самое лучшее и качественное было привилегией этих, на взгляд рядового обывателя, необыкновенных, почти сказочных существ. К их услугам были лучшие гостиницы, самый комфортабельный транспорт, невиданные яства и деликатесы. Только они имели доступ к дефицитным 'сокровищам' специального магазина 'Березка'.

В-третьих, на фоне повседневного произвола, которым был окружен советский человек, попадавший в зависимость от различных бюрократических структур,

бросалось в глаза исключительно деликатное и предупредительное отношение к иностранцам со стороны представителей советских казенных учреждений. Более того, их бережно опекали, заботились о них, пытались предупредить все их капризы и прихоти.

И все это резко контрастировало с советским бытием, в котором тотальный дефицит, изнуряющие очереди, беспредельное всевидение бюрократов и возведенное в норму хамство сферы услуг являлись неизменными атрибутами повседневной жизни рядового человека. В итоге, советского гражданина не покидало ощущение своей второсортности по отношению к представителям западной цивилизации.

Видимо, именно поэтому эти жизненные наблюдения, а также обрывочные сведения и приблизительные представления о жизни на пресловутом Западе создавали в воображении советского обывателя почти райскую идиллию, в которой эти 'счастливчики иностранцы' имели возможность свободно путешествовать по всему миру, жить в роскошных домах и виллах, покупать высококачественные западные товары. И несмотря на уже навязшие в зубах советские пропагандистские мифы о жестоких реалиях Запада и, в первую очередь, о резком имущественном расслоении западного общества, в глазах советского гражданина любой иностранец представлялся, если уж не миллионером, то, по крайней мере, очень состоятельным человеком. Благодаря всему вышеперечисленному образ иностранца не только приобрел ореол сакральности, но и стал ассоциироваться с невероятным жизненным благополучием и материальным благосостоянием.

На наш взгляд, именно эта экстремальная идеализация Запада и явилась детерминантом невероятно активного проявления в ранний постсоветский период такой формы позитивного этноцентризма как **аккультурация** и безудержной 'вестернизации' российского общества на, так называемом, прагматическом уровне его развития. Люди, для которых Запад представлялся миром вечного праздника и сказочного изобилия, жаждали приобщиться к этому празднику. И как только открылись возможности, они неразборчиво, почти как дети, стали потреблять и усваивать все атрибуты западной цивилизации, начиная от продуктов и элементов ее массовой культуры и кончая стилем и образом жизни.

Благодаря последующей либерализации общественной жизни, многие бывшие советские граждане, наконец, не только получают широкий доступ к вожделенным товарам западного производства, но для многих из них открывается возможность познакомиться воочию с 'заграницей'. Огромные массы людей не упускают шанса наконец-то выехать на 'Запад' с целью попутешествовать, получить образование, посетить друзей и родственников, а то и уехать на, так называемое, ПМЖ. Таким образом, россияне начинают буквально 'открывать' для себя доселе недоступный и таинственный 'Запад'.

Однако первые же столкновения с западными реалиями быстро отрезвляют нашего обывателя. Оказывается, советская пропаганда была не совсем предвзятой и в определенной степени соответствовала действительности.

При первом же визите россияне шокированы не только немыслимым изобилием западных магазинов и супермаркетов, комфортом и чистотой окружающей среды, невероятно приветливой атмосферой и уровнем обслуживания клиентов в западных учреждениях, но и реализацией факта, что за все это нужно платить. И, к сожалению, не каждый 'счастливый' обладатель паспорта какой-либо западной державы может позволить себе путешествия, роскошное жилье или качественные товары и продукты.

Неожиданное понимание того, что именно на Западе полностью реализуется принцип 'от каждого по способностям, каждому по труду', а все блага жизни имеют обязательный денежный эквивалент, является для многих россиян довольно неприятным сюрпризом. Для иллюстрации можно привести следующие довольно типичные высказывания российских эмигрантов:

— Жизнь в США совсем не такая, как в голливудских фильмах. Миф о сладкой жизни за границей для многих наших оказался ловушкой. Вот тут-то и начинается выбор: будешь ли ты сидеть на шее у государства и общества, или станешь полноправным его членом. А второе очень сложно: в Америке пресс повседневной жизни тяжелее, чем в России. В США – не жизнь, а постоянная штурмовщина. Если бы в России так работало большинство, давно бы уже догнали и перегнали всех ... (М., 35 лет)

— Меня в 13 лет мать привезла на 'вэлфер', мы с ней уже шестой год даже 'за пожрать' боремся. (Ж., 19 лет)

— Здесь выбор наш ограничен содержимым нашего кошелька. Я не могу учить детей в платной школе, хотя их теперешняя школа ужасна. Я не могу покупать 'чистые, органические продукты', хотя и понимаю, что они более полезны. Мы не можем выбирать место для своего отпуска, так как не можем себе позволить 'уйти в отпуск'. (Ж., 36 лет) (227, с.25).

В результате, сложившийся в массовом сознании фантастический миф о Западе как крае счастливых и благополучных богачей постепенно утрачивает всю свою актуальность и позитивные коннотации.

Более того, законы рынка постепенно начинают утверждаться и на российском пространстве. А с ними приходят и неприятные и трудные реалии социально-экономической трансформации общества: резкое падение промышленного и сельскохозяйственного производства; растущая экономическая зависимость от международных финансовых институтов и банков; упадок науки, образования и культуры.

Эйфория по поводу эффективного перехода к рыночной экономике и безболезненного утверждения основ и институтов правового демократического государства очень быстро исчезает. Ожидания чудесного и моментального преобразования российского общества не оправдались. Бывшим советским гражданам пришлось впервые столкнуться с такими жестокими реалиями постсоветской модернизации как: безработица; социальное и имущественное расслоение общества, сопровождавшееся быстрым и порой криминальным обогащением одних и резким обнищанием других; катастрофически высокий уровень преступности и, в том числе, коррупции и т.п. Таким образом, 'поздний' более радикальный вариант модернизации сопровождался не менее радикальными последствиями.

К сожалению, реформаторская российская элита, пришедшая к власти, не смогла полностью оправдать доверие и надежды народа на менее болезненный вариант ее реализации. Более того, на наш взгляд, ее утопизм и популизм, выразившиеся в обещании создать капиталистический рай в течение нескольких лет, ее корысть и эгоизм, проявившиеся в циничном присвоении привилегий и собственности, отнятых у коммунистической элиты, и использование власти для 'первоначального накопления' собственных капиталов, стали одной из причин

высокой социальной цены радикально-либеральной модернизации и, в конечном итоге, стали одним из основных факторов актуализации тенденции отторжения процессов модернизации. А поскольку она, по сути, отождествлялась с Западом, то весь негативизм, в первую очередь, стал адресоваться именно ему.

Еще одним источником разочарования в Западе стали коллизии, связанные с изменением статуса российского государства, места и роли России в мировом сообществе. Утрата позиции сверхдержавы, кризис государственности, падение экономического уровня задали самоощущение пораженчества. А поскольку все происходящие процессы ассоциировались с Западом, то, естественно, за всем этим просматривалась некая вина Запада, который якобы воспользовался слабостью России. Все чаще стали звучать обвинения, например, такого рода:

... Запад ... поддался соблазну использовать ослабление России для того, чтобы поставить ее в такое положение, при котором она перестала бы оставаться даже потенциальной его соперницей, неважно, военной, экономической или идеологической (214, с.183).

Таким образом, утрата мифа о Западе, как крае сказочного и тотального благополучия, а также надежды быстро и безболезненно воплотить мечту о построении в России справедливого, свободного и обеспеченного общества были чрезвычайно тяжелым шоком для рядового обывателя. Мифы и мечты умирают тяжело, сопровождаясь при этом разочарованиями, сменой взглядов на мир и, в целом, системы мировосприятия. В итоге в сфере общественного мнения начинают отчетливо проявляться настроения, в которых фиксируется более критичное отношение к процессам активной 'вестернизации' российского общества.

Постепенно эти настроения начинают приобретать различную идеологическую окраску и оформляться в многочисленные политические движения и партии. Объединяющей основой для них становится противодействие и оппозиция идеям не только интенсивной модернизации по западному образцу, но и усвоения и укрепления в России основополагающих либерально-демократических ценностей и принципов.

Другими словами, как ранее было замечено, в России вновь актуализируется амбивалентное отношение к Западу. С одной стороны, он по-прежнему является традиционным эталоном, а с другой стороны – источником всех насущных проблем и трудностей. Именно эта раздвоенность общественного сознания детерминирует проявление на условно обозначенном нами идеалистическом уровне развития российского общества как позитивного, так и негативного этноцентризма.

Следует отметить, что диапазон проявления позитивных этноцентристских установок, на идеалистическом уровне постсоветской модернизации обусловлен как процессом стихийной **аккультурации**, происходящей на прагматическом уровне развития российского общества, так и более осознанным и критическим отношением части интеллектуальной и политической элиты российского общества к динамике постсоветской модернизации. Это сторонники концепции формирования евроатлантической идентичности России. Именно они являются современными последователями такого известного социально-политического и философского течения как западничество.

В его современной трактовке можно наблюдать как отражение процессов **аккультурации** а, следовательно, приверженность к полной включенности российского общества в западную цивилизацию, так и менее экстремальные тенденции постепенной адаптации российского общества к постсоветской модернизации. Последние тенденции проявляют себя, главным образом, посредством **гибкого** этноцентризма. Как известно, это тот случай, когда ингруппа (Россия) нацелена на разумное регулирование взаимодействий с аутгруппой (Западом). При этом избирается тактика эволюционной социально-экономической и культурной конформности ингруппы аутгруппе, последовательного и поступательного развития взаимовыгодных контактов и мирного разрешения спорных ситуаций.

Позитивные этноцентристские установки характерны, прежде всего, для тех слоев российского общества, которые успешно осваиваются в новой социально-экономической реальности. Это, в первую очередь, та самая экономическая элита, которая уже органично вписывается в глобализационный контекст. Экономические, социальные и культурные ориентации и интересы данного слоя

общества категорично требуют включенности России в евроатлантическую цивилизацию. Не менее последовательными сторонниками 'вестернизации' российского общества является и молодое поколение. Это генерация, воспринимающая динамику модернизации как естественное явление, поскольку она социализировалась в условиях переходного периода.

Что касается феномена негативного этноцентризма по отношению к Западу, то ее носители, как правило, люди, либо с трудом осваивающиеся в постсоветской реальности, либо преимущественно представители старшего поколения, которые не только не приспособились к постсоветским трансформациям, но и, имея советский опыт, откровенно ностальгируют по ушедшей эпохе государственного патернализма и системе социальной уравнительности. Именно для этих категорий мифология счастливого Запада утратила кредит. Более того, новая социально-экономическая реальность противоречит всему их социальному опыту и устоявшимся и закрепившимся жизненным принципам. В итоге, трансформация жизненного пространства в соответствии с западными критериями предъявляет данной социальной страте российского общества требования, которые ей не нравятся, и нормы, жить по которым не хочется.

Таким образом, консервативный менталитет довольно значительной части российского общества требует некоего компромисса между ценностями и принципами традиционного общества и реалиями постсоветской модернизации. В качестве реакции на данную потребность общества возникает новая для постсоветского общества, но довольно традиционная для российского менталитета идея 'особости' России. В итоге, актуализируется идеология, так называемого, третьего пути – евразийство. Основополагающими идеями данной концепции являются:

... западно-европейское влияние пагубно для России; она теснее связана с Востоком, чем с Западом; на ее историю существенно влияют геополитические факторы, характерные для Евразии; в России должны быть восстановлены уничтоженные или 'испорченные' западной цивилизацией русский быт, культура, религия ... (162, с.533).

Как видим, данная концепция не только явно перекликается с основополагающими идеями такого известного социально-философского течения как славянофильство, но и, по своей сути, является его логическим продолжением.

Если обратиться к особенностям проявления этноцентристских установок у сторонников этой концепции, то можно наблюдать проявления как **резекционного** этноцентризма, так и феноменов открытой **конфронтации**. Соответственно носители данных социально-психологических установок либо декларируют максимальное дистанцирование от аутгруппы (Запада) и стремятся к сокращению сфер взаимодействия и контактов с ней, либо в отношениях с аутгруппой делают основной акцент на разрешении противоречий с ней и отстаивании собственных интересов. Именно в этой среде отстаиваются и культивируются идеи максимального отторжения социально-экономического опыта западной цивилизации; неприемлемости распространения в российском обществе основополагающих принципов и ценностей либерализма и демократии; исконной и изначальной враждебности Запада по отношению к России; опасности и угрозы утраты национальной самобытности и культуры (146, 219, 220, 336, 337).

Таким образом, доминантой постсоветской динамики России является весьма болезненный процесс ее самоопределения. Логика этого процесса обуславливает и динамику образа Запада, который является как изначальным детерминантом социально-экономической трансформации России, так и исходной культурно-цивилизационной моделью, с которой производится традиционное сопоставление. Оно, в свою очередь, обуславливает диалектику притяжения или отторжения Запада. Так, если социально-культурная и экономическая сферы развития общества обладают большим резервом адаптации к модернизационным процессам, то сфера общественного сознания отличается большей степенью ригидности и консерватизма, а потому реагирует на происходящие изменения менее однозначно. В связи с этим, думается, важно разобраться, не только в динамике массовых представлений о Западе, но и понять, какие факторы влияют на их характер и развитие. Исходя из этого, основной целью следующих разделов данной главы является определить, в какой мере традиционные для России критерии, ценности, принципы, особенности восприятия и, наконец, культурная самоидентификация влияют на оценку массовым сознанием процессов модернизации общества и в,

конечном итоге, детерминируют особенности формирования и проявления этноцентристских установок.

4. 4. Особенности адаптации различных поколений к постсоветской модернизации как фактор этноцентризма.¹⁵

Общий принцип социологического анализа поколений, заложенный М. Маннхейм (M. Mannheim), состоит в дифференцированном подходе к ним как к относительно автономным социальным общностям, объединенным общей исторической судьбой и соответственно общим историческим опытом (89). Особенно актуален данный принцип применительно России, поскольку исторические поколенческие общности в России всегда имели большое значение и были первичной формой самоидентификации личности. В качестве примера можно привести такие социальные феномены как поколение декабристов, разночинцев, 'шестидесятники' и т.п. Детерминированность, как фатальная зависимость индивидуальной судьбы от исторической локализации всего поколения, закреплена в русском языке лингвистически. В нем есть только одно слово для обозначения жизненного пути – судьба. Причем это понятие больше ассоциируется с такой жизненной альтернативой как пассивное следование року или предназначению, нежели с активным выбором своего пути.¹⁶

Возможно, в этом отразились особенности исторического развития российского общества, в котором государство всегда доминировало над личностью и, в конечном итоге, предопределяло и, некоторым образом, унифицировало жизнь своих граждан. В данном случае не является исключением и советская эпоха. На

¹⁵ Эмпирической базой данного раздела послужили в основном всероссийские мониторинги общественного мнения ВЦИОМ последних лет, и прежде всего исследование, проведенное в августе 2001 года по стандартной выборке (1600 человек). В этом исследовании кроме обычных вопросов мониторинга был заложен также блок вопросов, касающихся поколенческой проблематики. В дальнейшем речь идет именно об этом исследовании, если источник данных не указан дополнительно. См. <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single>

¹⁶ Для сравнения, в английском языке существуют два понятия, дифференцирующие эти жизненные альтернативы: "fate" – фатальность, обреченность, рок; и "destiny" – предназначение, жизненный выбор

протяжении более семи десятилетий существования тоталитарно-авторитарного режима советского типа и ограниченности возможностей индивидуального выбора заданность 'исторической судьбы' людей одного поколения была вполне закономерной. Неудивительно, что в период кризиса всех советских идентичностей 'солидарность с людьми своего поколения' – единственная, которая сохранила свою значимость в общественном сознании.

Таблица № 1 демонстрирует, что идентичность со своим поколением существенно значима для большинства в каждой возрастной группе, несколько усиливаясь в крайних из них.

Таблица № 1.

**Распределение ответов на вопрос "Как часто вы чувствуете себя человеком
своего поколения?" (%)**

Вариант ответа	Возраст, лет				
	18 – 29 лет	30 – 39 лет	40 – 49 лет	50 – 59 лет	60 лет и старше
Всегда	57,5	44,5	46,5	47,2	56,1
Часто	27,2	31,9	24,7	29,6	20,4
Редко	6,9	11,8	14,8	10,2	6,2
Никогда	0,6	0,0	2,9	1,1	3,0
Затрудняюсь ответить	7,8	11,8	11,1	11,9	14,3

Стремление индивидов ассоциировать себя с определенной генерацией некоторым образом унифицирует не только социально-психологический тип людей определенной возрастной категории, но и детерминирует общность их мировоззрения, жизненных позиций и поведенческой стратегии. Поэтому, думается, будет правомерным утверждать, что для каждой генерации будет характерны определенные этноцентристские установки. Исходя из этого, возьмем на себя смелость утверждать, что именно социально-исторические условия

генерационной социализации предопределяют их отношение к процессам постсоветской модернизации и, в конечном итоге, являются основным детерминантом формирования у различных поколений определенного этноцентристского мировоззрения.

Для доказательства данной предпосылки, в обобщенном портрете поколений основной упор будет сделан на описании особенностей их социализации и поведенческих характеристиках в постсоветский период, а также на описании кризиса и пересмотра жизненных ценностей под влиянием социально-исторических изменений. Культурные и социальные доминанты выделенных поколений будут представлены как следствие определенных социально-исторических условий в период формирования жизненного потенциала поколений.

Опираясь на используемую нами эмпирическую базу и наиболее типичную статистическую и социальную дифференциацию российского общества, выделим три основных возрастных поколения: 1) *постреволюционное* – это люди, родившиеся преимущественно в 20 - 30-е годы; 2) *советское* – в основном это послевоенное поколение, 40 – 60-е годы рождения; 3) *перестроечное* – поколение, родившееся в 70 – 80-е годы.

Постреволюционное поколение – это те, кто вступил в активную социальную жизнь в 30-х годах и занимал ключевые позиции в экономике до середины или конца 60-х. По социальному статусу типичный представитель этого поколения – это промышленный рабочий с 'деревенской' ментальностью в своей генеалогии, поскольку, во-первых, более чем у 80% этого поколения родители были выходцами из деревни, во-вторых, именно эта возрастная генерация стала объектом постреволюционной модернизации и сопутствующих ему процессов 'индустриализации', 'коллективизации' и 'культурной революции'. Героем этого поколения был, так называемый, 'передовой строитель коммунизма' (322).

Эти люди подростками вошли в период демонстрации побед советского строя; война со всеми ее бедствиями и триумфом победы осталась в массовом сознании 'осевым событием' – пиком героического периода истории страны, кульминацией силы и единства советского государства. Именно они отдают предпочтение таким традиционным советским ценностям и жизненным принципам как

государственный патернализм, пренебрежение личным благосостоянием во имя общего блага, коллективизм. В памяти данного поколения советское время ассоциируется не только с социальным и материальным благополучием, но и, согласно опросу ВЦИОМ, с более стабильной международной обстановкой. (См. табл. № 2)

Таблица № 2

Распределение ответов на вопрос **“Когда, на ваш взгляд, мир был более безопасным, а международная ситуация – более спокойной и стабильной?”**
(%)

Возраст, лет					
	18 – 24	25 – 34	35 – 44	45 – 59	60 +
В советские времена, в 60-80 гг. XX века	27	37	46	54	64
В 90-е гг. при Ельцине	4	8	5	5	4
В настоящее время	44	37	36	31	25
Затрудняюсь ответить	25	18	13	10	7
2007 г., март; № 1600 чел.					

Социальные и экономические стрессы последнего времени, и прежде всего разрушение системы социальной защиты в ее прежнем виде привели к существенному ухудшению положения старшего поколения. Теперешнее социальное самочувствие этой генерации вытекает из ощущения своего положения на периферии общественной жизни. Людям этого поколения уже трудно приспособиться к стремительно меняющейся социально-экономической реальности, именно поэтому они воспринимают модернизационные процессы крайне отрицательно. Эмоциональная самооценка состояния явно негативна: преобладают чувства угнетенности, близкое к самоощущению социальных изгоев. В ответах на открытый вопрос в этой возрастной группе преобладали характеристики: “никому не нужные”, “всеми забытые”, “обманутые”, “беззащитные”, “замученные”, “больные”.

С другой стороны, в автопортрете представителей данного поколения присутствует и блок позитивных личностных характеристик, демонстрирующих их гордость за свое поколение и его прошлые достижения. Так, они называют себя “тружениками”, “людьми старой закалки”, “последними порядочными людьми”, “много лучше, чем теперешние”.

Исследователи отмечают у этого поколения “державный” тип идентичности, исходящий из ее стремления ассоциировать себя с государством, Россией в целом (245, 247). Это, так сказать 'государственный' человек, носитель 'проекта коммунистической модернизации страны' с типично коллективистским менталитетом. Идеологизированная система образования в условиях жесткой информационной блокады способствовали распространению среди именно этого поколения нормативно-ориентированной модели, обладающей чертами упомянутой нами ранее, 'авторитарной личности'.

Представители данной генерации, ввиду сравнительно более низкого образовательного уровня, а также унаследованной от родителей традиционной ментальности, являются основными носителями мифологического сознания. Более того, поскольку мировоззрение данной категории было целиком сформировано под влиянием как ранних постреволюционных мифов, так и более поздних советских идеологем, люди этого поколения не только с трудом отказываются от старых внешнеполитических стереотипов, но и более, чем другие возрастные группы, способствуют их новой актуализации в условиях неоднозначной и противоречивой постсоветской реальности. Об этом свидетельствуют и следующие данные ВЦИОМ. (См. табл. № 3)

Таблица № 3

Распределение ответов на вопрос **“В последнее время много говорят о возможности возобновления 'холодной войны', противостояния между Россией и Западом, и, прежде всего, с США. Как вы оцениваете такую вероятность?” (%)**

Возраст, лет					
	18 – 24	25 – 34	35 – 44	45 – 59	60 +
Очень вероятно	7	11	7	8	8
Вполне вероятно	20	32	33	33	37
Маловероятно	49	39	45	38	35
Совершенно невероятно	9	7	7	9	4
Затрудняюсь ответить	15	11	8	12	16
2007 г., март; № 1600 чел.					

Как следует из представленных результатов опроса именно в этой возрастной категории отмечается наибольшее количество респондентов, предполагающих возможность очередной конфронтации России с Западом. Закономерным является и то, что данная возрастная группа демонстрирует наибольшую приверженность ценностям советского строя и испытывает естественную ностальгию по нему. И именно они, являясь основными противниками процессов 'вестернизации' российского общества, демонстрируют явно негативные этноцентристские установки по отношению к Западу. Так, согласно результатам опроса ВЦИОМ, проведенного в июне 2007 года тезис о сближении с Западом поддержали лишь 51 % тех, кому было на момент опроса 60 и более лет. Для сравнения тот же вопрос положительно оценивают 62 – 65 % опрошенных до 45 лет и 59 % респондентов 45 – 59 лет.

Советское поколение, которое условно можно назвать 'средним' или 'родителями', находится в жизненной стадии активного участия в социальных процессах как в сфере производства, так и в системе власти. Недаром для своей субъективной оценки они чаще других называют характеристики “труженика”,

“работоголика”, “добросовестного” и “трудолюбивого” человека. Это поколение является 'средним' не только в возрастном отношении, но оно стало 'средним звеном', определяющим сам характер перехода от коммунистической к либеральной модернизации. Социокультурный тип этого поколения также сформирован в рамках 'коммунистического проекта', но в период перехода к индустриальному обществу и массовому образованию (233, с.47-56).

В сознании этой генерации тесно переплетены социалистические и либеральные идеалы; тяга к прогрессу, с одной стороны, и приверженность к традиционным русским и советским ценностям, с другой. Этот синтез идеалов был обусловлен не только более высоким уровнем образования среднего поколения, но и существенно более благоприятными, чем у их 'родителей', политическими и экономическими условиями социализации.

Однако в силу сужения рамок социальных возможностей и лимитации социальной мобильности в начале 70-х годов происходит переориентация данного поколения на частную сферу, семью, потребление. Отличительными чертами ценностной базы этой генерации стали критический настрой по отношению к власти и ориентация на “постматериалистические” ценности, которые, согласно трактовке автора данного понятия Р. Ингелхарт (R. Inglehart), означают комплекс интеллектуальных, эстетических и нравственных ценностей (71, с.363).

Кульминационными событиями и, в то же время, важными социализирующими факторами в жизни среднего поколения стали два 'критически-либеральных пика' – 'оттепель' 60-х годов и 'перестройка' 80 – 90-х годов. И если 60-е годы 'заложили' в процесс социализации данного поколения элемент 'диссидентства' и определенного критицизма и даже нигилизма по отношению к советской власти, то в ходе экономических реформ периода 'перестройки' наблюдается активная культурная ресоциализация людей среднего возраста. Это проявилось как в социальном отношении – в волне нисходящих социальных перемещений, охвативших большую часть генерации, так и в культурном – как переосмысление привычной культурной парадигмы и прежней ориентации на статусные достижения.

В самооценках людей данного поколения чаще используются определения, связанные с новой социально-экономической ситуацией: “устойчивые,

стабильные”, “предприимчивые”, “деловые люди и предприниматели”, “трудоголики”, “надежные”, “способные сами решать свои проблемы”, “целеустремленные” и т.п. Встречаются и менее позитивные самооценки: “поколение выживания”, “растерянное”, “жертвы перестройки”. Присутствует и ощущение своей социальной невостребованности – “ненужные”. В своем социальном опыте эти респонденты упоминают как “советское воспитание”, “комсомольское прошлое”, так и события текущего момента – “поколение переходного периода”, “дети перестройки”.

Люди среднего поколения в разной степени испытали противоречивое воздействие переходного периода, вместе с тем, все его возрастные группы все еще находятся под социализирующим воздействием советской эпохи. Однако доминирующими моментами в их самоопределении являются как оценка соотношений между прошлыми потерями и настоящими личностными достижениями, так и определенный возрастной цикл. Так, у более старших представителей среднего поколения определяющим является субъективное ощущение “преждевременной старости” и “принесения в жертву”. У средних – “социальной усталости” и апатии. А наиболее молодая часть людей среднего возраста в большинстве своем отмечает чувство “устойчивой стабильности”.

Именно эти особенности проецируются как на характер восприятия и оценку данными категориями процесса постсоветской модернизации России, так и на их этноцентристские позиции относительно Запада. Та часть из них, которая успешно адаптировалась в новой экономической и социокультурной реальности, более позитивно настроена и к происходящим изменениям и к самому их детерминанту, а именно, Западу. И, наоборот, те представители среднего поколения, кто не реализовал себя успешно в условиях постсоветской реформации, больше солидаризуются в своих взглядах и позициях со старшим ‘постреволюционным’ поколением. Эту тенденцию и обратно-пропорциональную зависимость можно наблюдать не только по данным, приведенным в таблицах № 2 и № 3, но и по нижеследующим результатам опроса ВЦИОМ. (См. Табл. № 4)

Таблица № 4

Распределение ответов на вопрос **“Как вы полагаете, крупнейшие западные страны (США, Германия, Япония, Великобритания и другие) – это прежде всего ... (закрытый вопрос, один ответ) (%)”**

Возраст, лет					
	18 – 24	25 – 34	35 – 44	45 – 59	60 +
Противники России, которые стремятся решать свои проблемы за ее счет и при удобном случае наносят ущерб ее интересам	37	46	45	51	50
Партнеры России, имеющие общие с ней интересы (например, в борьбе преступностью, терроризмом, экологическими бедствиями и др.)	46	40	40	33	30
Затрудняюсь ответить	17	15	15	16	20
2008 г., сентябрь; № 1600 чел.					

Как видим, респонденты более старшей возрастной категории 'советского поколения' (от 45 до 59 лет) отличаются большей степенью негативизма по отношению к Западу, нежели молодые представители того же поколения (от 35 до 44 лет).

Перестроечное поколение – это условное поколение 'детей'. Они подростками встретили первые попытки социальных изменений второй половины 80-х годов с их противоречиями, конфликтами ценностей и интересов, а также с начинающимися приоткрываться новыми возможностями. Это первая генерация, которая не имеет возможности сравнивать потенциальные преимущества и слабости двух социальных систем на основании собственной практики, тем более, что и родительский опыт, так же как и опыт предыдущих поколений, не являясь основой для воспроизводства, теряет для данной возрастной категории свою ценность. Поэтому ориентация на 'прошлое' или ностальгия по нему значительно ниже (257).

Условия социализации данной генерации уже целиком складывались под влиянием набирающих темпов процессов модернизации российского общества. Повседневный жизненный опыт этого поколения формировался на фоне растущего демонстративного неравенства в доходах, в уровне и стилях жизни. С другой стороны, расширился круг социальных возможностей для индивидуального выбора, например, места жительства, уровня и формы образования, карьеры и т.п. (316).

Это поколение уже изначально отвергает все формы проявления патернализма. Основную ставку оно делает на собственные возможности и реализацию личного потенциала. Это поколение отличает и неизмеримо более высокий уровень прагматизма. Так, к примеру, на место ценностной ориентации 'родителей' – высшее образование как самоцель, приходит ориентация – образование, как средство успешной карьеры и достижения материального благополучия. В сознании данного поколения “интенсивный труд” напрямую связан с “материальным достатком”. А основной самоцелью является “открытие собственного бизнеса” (231).

Таким образом, поколение 'детей' кардинально отличается от предыдущих старших поколений не только по ценностным ориентациям, но и по своему мировоззрению. Этому во многом способствовало 'упразднение' границ между Россией и остальным миром. Интернет, разнообразие и доступность современных средств массовой информации, снятие для многих языкового барьера, возможности свободного выезда за рубеж стимулировали принятие данной генерацией как образа и стиля жизни, так и основных ценностей западного общества. Вследствие этого данная категория демонстрирует более высокий уровень позитивизма относительно процессов 'вестернизации' российского общества. И именно у представителей этого поколения доминируют позитивные этноцентристские установки относительно Запада и ее культуры. Это подтверждают как ранее приведенные результаты опросов ВЦИОМ, так и данные, отраженные в таблице № 5.

Таблица № 5

Распределение ответов на вопрос **“Политическое и социальное устройство какой страны вам кажется наиболее удачным?”** (открытый вопрос, не более пяти ответов) (%).

Возраст, лет					
	18 – 24	25 – 34	35 – 44	45 – 59	60 +
Германия	36	32	32	28	25
США	29	27	24	23	16
Япония	19	24	21	19	14
Великобритания	18	19	20	18	12
Франция	14	11	13	12	9
Китай	12	14	11	11	14
Индия	3	2	2	3	1
Другой	5	8	8	10	10
Ни одной из них	6	9	9	9	10
Затрудняюсь ответить	13	16	22	22	32
Нет ответа	2	3	3	2	3
2005 ., декабрь; № 1594 чел.					

Как видим, наиболее 'прозападно' настроенной является молодежь 18 – 24 лет, среди которой больше симпатизирующих немецкой и американской моделям. Такое категоричное предпочтение наиболее контрастно на фоне мнений более старшего поколения, в оценках которой хоть и лидируют немецкий и американский образцы, тем не менее, заметно больше тех, кто не смог определиться со своими предпочтениями или полагают, что ни на Западе, ни на Востоке нет страны, опыт которой был бы для России эталонным.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что возраст, условия социализации и опыт адаптации рассмотренных поколений явно отражаются на их мировоззрении и особенностях восприятия внешнего мира. Следует также отметить, что описанные 'взрослые' поколения, несмотря на различия в

историческом опыте и жизненной стратегии, в подавляющем своем большинстве инерционно все еще находятся под влиянием 'социалистического проекта'. Исключением является только, так называемое, 'перестроечное' поколение, социализация которой совпала с процессами активной постсоветской модернизации. Думается, что, представляя собой наиболее динамичную часть модернизирующегося российского общества и основными носителями, так называемого, 'глобализационного' мышления, именно это поколение создаст предпосылки для формирования в России качественно нового социокультурного паттерна, более прогрессивной экономической модели и, наконец, либерально-демократической системы. Разумеется, 'поколенческий' фактор не единственный, который детерминирует этноцентристские установки российского общества относительно Запада и, в конечном итоге, определяет его взаимоотношения с внешним миром. На постсоветское мировосприятие россиян оказывают влияние и многие другие условия, о которых и пойдет далее речь.

4. 5. Динамика образа 'Запада' в массовом сознании и основные предпосылки к формированию нового идеологического климата в постсоветской России.¹⁷

Особенности динамики образа Запада в российском сознании обусловлены как комплексностью значения и смысла самого этого феномена, так и спецификой его генезиса. В постсоветском образе Запада присутствуют следы как древних 'архетипических' представлений о нем, то есть мифов, сформировавшихся в предыдущие века и особенно в период петровских попыток 'вестернизации' России, так и недавних, еще свежих в памяти, советских идеологем. А острая актуализация этого феномена в общественном сознании вызвана как злободневностью проблем социально-экономического переустройства страны, так и необходимостью нового геополитического самоопределения.

¹⁷ Эмпирической основой последних двух разделов послужили итоги социологических исследований ВЦИОМ и ФОМ за последние 20 лет. См. <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single>; http://bd.fomru/report/cat/inter_pol/___west_rel

Более того, как уже ранее отмечалось, феномен 'Запада' традиционно является ценностно-эмоциональной сущностью национального самосознания русского народа, своеобразной точкой отсчета и даже высшим критерием. К этому же выводу приходит и Г.Г. Дилигенский, который отмечает такую особенность самосознания русского народа, как ее “несамостоятельность” или “зависимость”. Согласно его мнению, основой формирования российской идентичности, в отличие от “самодостаточного” самосознания многих восточных и западных народов, являлись либо постоянный учет мнения внешнего мира и прежде всего Запада, либо соперничество с ним (194, с.5). С ним солидаризуется и Ю. Левада, который отмечает, что для России:

Образ 'Запада' во всех его трансформациях (официально-идеологической, рафинировано-интеллигентской или простонародной) – это прежде всего некое превратное, перевернутое отображение своего собственного существования (точнее, представление о себе, о своем). В чужом, чуждом, запретном или вожделенном видят прежде всего или даже исключительно то, чего недостает или что не допущено у себя. Интерес к 'Западу' в этих рамках, напуганный или завистливый, все равно, – это интерес к себе, отражение собственных тревог или, допустим, надежд (248, с.181).

Такая ситуация детерминирует и характер диспозиции России по отношению к Западу. Так, она позиционирует себя относительно Запада прежде всего как субъект и объект международной политики, решая, тем самым, проблему места и политической роли России в современном мире. Не менее актуальна и проблема цивилизационного самоопределения страны. Именно она требует ответа на такой кардинальный и традиционный для русской ментальности вопрос как: может ли западное общество служить своеобразным эталоном для России? В какой мере модели социально-экономической, культурной и государственной структур западных стран соответствуют потребностям и особенностям российского общества в очередной переломный момент его развития.

Именно эти проблемы и вопросы являются эпицентром общественного внимания российского народа на протяжении почти двух постсоветских десятилетий. Для нас в этой ситуации, в связи с целями нашего исследования, наиболее существенно выявить особенности и основные детерминанты

формирования этноцентристских установок россиян относительно Запада в зависимости от текущего момента.

Так, следует прежде всего отметить, что утверждение в России нового политического режима тесно связано с динамикой массового сознания. В свою очередь, вместе с новым политическим режимом в стране утвердился и новый идеологический климат, в котором противоречиво сочетаются как модернизационные, так и антимодернизационные компоненты. Приход нового идеологического климата был во многом закономерен. Его истоки в тех переменах, которые происходили в массовом сознании с начала экономических реформ. В генезисе нынешнего климата за последние декады можно наблюдать три основных периода: 1991 – 1993 гг.; 1994 – 1999 гг.; 2000 по настоящее время.

Первый период: 1991 – 1993 годы – это время безусловной гегемонии либерально-западнических ценностей и ориентация на модернизацию страны. Но эта гегемония отличалась одной важной особенностью – она была обеспечена не идейной укорененностью в массовом сознании, а крахом официальной советской идеологии и состоянием идейного и ценностного вакуума. В итоге, 'идеологический переворот' установил новое соотношение между двумя основными субкультурами: либерально-западническая доминировала, а 'советско-коммунистическая' заняла подчиненное положение. На какое-то время либерально-западническая идеология просто заняла место дискредитировавшей себя официальной коммунистической идеологии. В свою очередь, последняя была отброшена на социальную и культурную периферию общества, где превратилась в оппозиционный, но сегрегированный идеологический полюс. Там продолжилось превращение коммунистической идеологии в особую субкультуру, начавшееся еще в позднесоветский период.

Других крупных субкультур не было. 'Национализм', представленный в интеллектуальных элитах, еще не сформировался как самостоятельный идеологический полюс притяжения в обществе, а посему играл подчиненную роль и лишь поставлял идеи, лозунги и отдельные концепции двум соперничающим субкультурам.

Эта диспозиция политических сил и идеологий явилась непосредственным отражением доминирующих в указанный период позитивных этноцентристских

установок россиян по отношению к Западу. Советские мифы о его враждебности и угрозе на данный момент утратили свою актуальность и поэтому отошли на периферию общественного сознания. Их, в свою очередь, начинают замещать новые мифы о готовности и решимости Запада прийти на помощь России. Более того, речь идет о твердой убежденности, что Запад, устав от перманентной конфронтации с СССР, искренне заинтересован в быстрой и эффективной реорганизации постсоветского пространства в соответствии с нормами цивилизованного общества. Это подтверждают и данные социологических исследований, представленные в Таблице № 1.

Таблица № 1

Распределение ответов на вопрос **“На какие страны нужно прежде всего ориентироваться России при выборе пути развития?”** (открытый вопрос, до двух ответов) (%)

	1991	1992
Страны Западной Европы	30	24
Страны Восточной Европы	4	4
США	33	28
Япония	31	25
Южная Корея	7	7
Страны ислама	1	2
Затруднились ответить	32	45
1991 г., № = 1000 чел.; 1992 г., № = 1000 чел.		

Как следует из приведенных данных, в начале 90-х годов российские граждане в большинстве своем не только позитивно относились к идее модернизации по канонам западной цивилизации, но, более того, в массовом сознании еще пока даже не актуализировались ни идея об отторжении опыта Запада, ни мысль о гипотетической возможности выбора другой концептуальной альтернативы. Так,

российские социологи, обобщая итоги проведенных в этот период исследований, пишут:

В начале 90-х годов у россиян преобладал негативный образ самих себя и своих достижений. Вошло в массовый обиход презрительно-ироничное слово 'совок', обозначающее и страну, и образ жизни, и тип человека. 'Советские' ценности, идеалы и образцы были повержены, и в поисках иных образцов массовое сознание обратилось к Западу. ... Запад как источник позитивных культурных, политических и экономических образцов был тогда необходимым элементом национальной идентификации (158, с.41).

Следует в связи с этим заметить, что либерально-западническая идеология имела определенные корни в постсоветском обществе. Она опиралась, главным образом, на пласт модернизированной культуры, сформировавшийся и окрепший в позднесоветский период. Однако лидерство либерально-западнической идеологии обеспечивалось преимущественно внешними факторами — притягательностью западных образцов, банкротством официальной коммунистической идеологии, а также тем фактом, что основные ценности и символы либералов были официализированы антикоммунистическим режимом Б. Ельцина.

В итоге, в период своего доминирования либерально-западническая идеология не смогла расширить свою базу в обществе и закрепиться на позициях гегемонии в массовом сознании. Уже тогда стали появляться первые признаки 'антимодернизационных' настроений, которые рельефно заявили о себе в последующий период.

Второй период с 1994 по 1999 годы можно назвать временем постепенного восстановления относительного равновесия субкультур или временем идеологического паритета. Как констатирует ведущий российский социолог Л. Гудков, доминирование либерально-западнической субкультуры со временем утрачивается:

К концу 1993 года российское правительство явно начало терять либерально-западнические ориентиры. ... 'демократы' вынуждены были отвечать и за 'свое' и за 'чужое': и за неизбежные трудности растягивающегося переходного периода, и за союз с авторитарной властью, перевалившей на

них вину за собственную неспособность обеспечить политическую стабильность в переходное время. ... Проиграв первые и вторые выборы в Госдуму в 1993 и 1995 гг., сторонники либерально-демократической модернизации практически ушли или были вытеснены с политической сцены (188, с.25-26).

В отсутствие третьей альтернативы настроения, ценности и идеи, тяготевшие к 'сегрегированному' идеологическому полюсу коммунистов, постепенно приобретают растущую притягательность. Так, по данным ФОМ в декабре 1992 года через год после распада СССР, сожаление по поводу этого события выразило 69% опрошенных, а уже к январю 1997 их число возросло до 84%. При этом в два раза сократился удельный вес тех, кто испытывал противоположные чувства по поводу этого события: с 31% в декабре 1992 года до 15% в январе 1997 года. Таким образом, начинается процесс смещения и противоборства ценностей и идей.

Основными детерминантами новых настроений, носящих преимущественно антимодернизационный характер, стали: высокая степень неудовлетворенности социально-экономическим состоянием страны и ее положением в мире; активизация антирыночных установок, которые выразились в подозрительном и откровенно враждебном отношении к формирующейся частной собственности и новой финансово-экономической элите; усиление общественного скепсиса относительно успешной интеграции в постсоветском обществе демократических институтов и ценностей.

Как результат, негативный этноцентризм, адресованный Западу, начинает занимать прежние позиции. Его основным детерминантом в данной ситуации, на наш взгляд, является фрустрация от осознания нереальности сценария быстрого преодоления культурно-цивилизационной дистанции между Россией и Западом. Так, результаты социологических исследований, приведенные в Таблице № 2, показывают возрастающую динамику общественного мнения по поводу не только несхожести менталитетов двух культур, но и невозможности преодоления разрыва между ними.

Таблица № 2

Распределение ответов на вопрос **“Согласны ли вы с тем, что за годы советской власти наши люди стали другими, чем в странах Запада, и этого уже не изменить?” (%)**

	1994	2000
Согласен	54	68
Не согласен	29	21
Затруднились ответить	17	11
1994 г., №= 2000; 2000г., №= 1600		

Как видим, число респондентов, разуверившихся в возможности сокращения культурной дистанции между Россией и Западом за 6 лет увеличилось на 14%. В связи с этим уместно вспомнить, что одним из постулатов основоположника теории этноцентризма У Самнер, является утверждение о том, что воспринимаемое культурное несходство между этносами ведет к взаимной неприязни и отвержению. В таком случае напрашивается вопрос: почему этнос, пытающийся адаптироваться к иной культуре, начинает, в конечном итоге, проявлять негативизм по отношению к ней. На наш взгляд, ответом на данный вопрос служат выводы и результаты кросс-культурных исследований.

Так, сторонники ранее рассмотренной нами теории культурной дистанции как источника негативного этноцентризма объясняют феномены межэтнической неприязни и враждебности реакцией этносубъектов на 'культурный барьер' (54). Другими словами, как следствие межкультурных несоответствий, рассогласования норм и обычаев контактирующих этнических культур.

Причем феномен негативного этноцентризма является функцией этнокультурной адаптации, а его проявления строго пропорциональны величине культурных различий между этноконтактными группами. Чем больше культурная дистанция, реальная или воспринимаемая, тем выше уровень 'культурного шока', который проявляется в виде переживания чувств дискомфорта, тревоги, взаимного непонимания, страха, чувства неполноценности и снижения самооценки. Лучшей иллюстрацией к этому послужит высказывание Л. Гудкова, который, анализируя

на основе проведенных социологических исследований сложившуюся в России во второй половине 90-х годов ситуацию, приходит к следующему выводу:

Механизм нейтрализации новационных импульсов ... сводится в своей основе ... к негативной оценке, редукции любой сложности, непривычности, нестабильности. ... Но эти механизмы могут выражаться и в виде страха или недоверия к амбивалентному 'будущему', ... либо к 'западному'. Эти символически нагруженные и предварительно оцененные инстанции и точки, в свою очередь, представляются как нечто угрожающее, безнадежное, бесперспективное, во всяком случае не содержащее опоры и стимула для индивидуальных стремлений (188, с.32).

Таким образом, по нашему мнению, в рассматриваемой ситуации негативный этноцентризм по отношению к Западу возник как психологическая реакция дезадаптации массового сознания к иной культуре, как результат неготовности российского общества к построению адекватного взаимодействия с западной цивилизацией в условиях межкультурных отличий. Следствием этого явилось не только декларативное отторжение ценностей и опыта западных стран, но и провозглашение приоритета собственной культуры. Так, результаты социологических исследований, представленных в Таблице № 3, явно свидетельствуют о том, что уже к 2000 году общественное мнение склоняется к выводу, что России лучше оставить попытки усвоить опыт Запада.

Таблица № 3

Распределение ответов на вопрос **“В какой мере для России подходит западный вариант общественного устройства?” (%)**

Это универсальный образец общественного устройства, который целиком подходит для российских условий	4
Это образец общественного устройства, который можно приспособить для российских условий	15
Не вполне подходит для российских условий, вряд ли может прижиться в России	30
Совершенно не подходит для российских условий, противоречит укладу жизни русского народа	37
Затруднились ответить	13
2000 г., № = 1600 чел.	

Особенностью рассматриваемого периода является то, что негативные этноцентристские установки возрождаются на основе уже укоренившихся в сознании советских мифов. Стараясь определить первопричину всех текущих неурядиц и трудностей, массовое сознание, следуя заданной советской инерции, обращает весь свой негативизм на Запад. В соответствии с логикой формирования негативного этноцентризма одним из первых был возрожден миф об угрозе России со стороны западных держав. Так, в сентябре 1994 года по данным ВЦИОМ 57% опрошенных соглашались с утверждением, что “главная цель Запада – превратить Россию в третьеразрядную страну, в свой сырьевой придаток”. В августе 1995 года количество сторонников этой точки зрения возросло до 62%. А весной 1998 года уже 75% считали, что “США использует нынешние трудности России, чтобы превратить ее в сырьевой придаток”.

Еще большим источником опасений в отношении Запада стала тема расширения НАТО на Восток. По данным ФОМ, весной 1997 года, когда эта проблема активно обсуждалась в России, 51% опрошенных считали, что “расширение НАТО на Восток представляет угрозу для России”, а противоположного мнения придерживалось 34%. В последующие два года враждебность в отношении НАТО значительно возросла и уже к июлю 1999 года

число противников НАТО составляло 66%, а доля сторонников противоположного мнения уменьшилась до 14%.

Новое отношение к Западу меняет и отношение к иностранным кредитам. Внешние кредиты начали ассоциироваться с утратой самостоятельности. По данным ФОМ, в июле 1998 года только 7% полагали, что получение западных кредитов позволит решить экономические проблемы России. Напротив, 65% выступали в поддержку “опоры на собственные силы”. В марте 1999 года доля сторонников этой точки зрения увеличилась до 73%.

Как известно, феномен негативного этноцентризма требует соблюдения определенного социально-психологического баланса. Поэтому эскалация враждебности по отношению к иной культуре, как правило, сопровождаются явлениями ингруппового фаворитизма, которые проявляются, согласно концепции У. Самнер, посредством гипертрофии позитивных этнокультурных характеристик ингруппы и утверждения превосходства ее культуры над культурой аутгруппы. В нашем случае подтверждение этому мы находим в явлениях ностальгической эстетизации советского быта и культуры. В условиях царящего хаоса и неопределенности люди пытались найти хоть какую-то эмоциональную опору в сравнительно более благополучном прошлом. Так, возрастает популярность советских фильмов, песен и даже продуктов отечественного производства. Идеализируется не только недавний советский опыт, но и поэтизируются гуманитарные ценности минувшей эпохи. Косвенным подтверждением этому служит динамика общественного мнения по поводу взаимовлияния двух культур, представленная в Таблице № 4.

Таблица № 4

Распределение ответов на вопрос **“Согласны ли вы с тем, что западная культура оказывает отрицательное влияние на положение дел в России?”** (%)

	1996	1998
Полностью согласен	24	36
Скорее согласен	24	25
Скорее несогласен	24	22
Целиком не согласен	12	11
Затруднились ответить	16	6
1996 г., № = 1700 чел; 1998 г., № = 1600 чел.		

Следует отметить, что со временем ностальгия по Советскому Союзу приобрела характер новой социальной нормы: подчинение ей превратилось в проявление социальной конформности и стало признаком 'хорошего тона'. Именно эти неотрадиционалистские настроения создали благоприятные условия для становления идеологемы 'особого пути', которая, в свою очередь, явилась своеобразной реакцией российского общества на более радикальную постсоветскую модернизацию. Определяющими признаками данной реакции были социальная слабость и усталость от перемен.

4. 6. Государство и институционализация нового идеологического климата в постсоветской России.

Утверждение в массовом сознании идеи 'особого пути' знаменует собой начало обозначенного нами третьего периода. С 2000 года в массовом сознании наблюдаются новые, более 'мажорные' настроения. Их составляющими стали: социальный оптимизм, новый патриотизм, возросшее доверие к власти. Во многом это было обусловлено весьма знаменательным событием современной

русской истории, а именно, приходом к власти В. Путина. Для того, чтобы понять энтузиазм россиян по этому поводу, процитируем одного из русских журналистов, выразившего общую тональность настроений россиян на тот момент:

Вы там у себя на Западе слишком долго унижали нас. Вы относились к нам с предубеждением и постоянно донимали мелочной опекой и вели вы так себя по отношению к нам потому, что во главе нашего государства стоял алкоголик, у которого с годами произошла полная деградация личности. Но теперь все будет по-другому. Наш новый президент – душевно стойкий, глубоко порядочный человек, способный возродить Россию. В трудные времена народ избрал себе подлинно народного лидера. В его лице вы критикуете процессы нашего возрождения (301, с.280).

В этом патетическом высказывании проявляются не только укоренившийся в русском сознании патернализм и неистребимая вера в 'доброго и справедливого царя', но и традиционное противопоставляющее позиционирование себя относительно Запада. Причем конфронтация по отношению к Западу сопровождается чувствами ущемленного национального достоинства.

Результаты социологических исследований также подтверждают, что эмоциональное восприятие Запада в этот период было окрашено преимущественно чувствами оскорбленного достоинства и демонстративным равнодушием. Так, по данным ВЦИОМ, в августе 2000 года в декларированном отношении россиян к Западу доминировали “равнодушие” (36%) и “уважение” (34%), тогда как, согласно их же мнению, на Западе к России относятся преимущественно с “сочувствием” (24%), с “презрением” (21%) и “равнодушием” (19%).

Далее следует очередное 'разочарование в Западе', подростковая обида на него, на его недостаточное внимание, уважение, помощь и т.п. – вся классическая симптоматика эмоциональной зависимости, безуспешного стремления от нее освободиться и неизбежно связанного с этим обстоятельством рессантимента. И вот уже около половины (47%) опрошенных в апреле 2008 года ВЦИОМ уверены, что западные страны являются “противниками России, которые стремятся решать свои проблемы за ее счет и при удобном случае наносят ущерб ее интересам”.

В стране в данный период наблюдается усиление и изоляционистских настроений. Так, по данным ФОМ в ноябре 2000 года в поддержку ужесточения правил въезда иностранцев в Россию высказалось 60% опрошенных, против – 30%. Основной причиной возросшей тенденции к изоляционизму стало возрождение 'образа врага' и широко распространившаяся подозрительность по отношению к Западу. Согласно результатам опроса 67% респондентов сообщили, что у них сложилось впечатление, что “за последние годы на территории России иностранные разведки стали действовать активнее”. Не согласились с данным мнением лишь 8% опрошенных.

Эти настроения доминировали и в последующие годы. Так, согласно результатам опроса ВЦИОМ в 2007 году, 49% опрошенных поддержали мнение о том, что “усиление России представляет собой угрозу для европейских стран, поэтому эти страны не заинтересованы в подъеме и укреплении России”. Противоположную точку зрения поддержали 34% респондентов. Весьма характерна в этом плане и динамика эскалации 'образа врага', выявленная по итогам исследований ВЦИОМ и представленная в Таблице № 5.

Таблица № 5

Распределение ответов на вопрос “**Как вы считаете, чем является сегодня для России блок НАТО?** (Закрытый вопрос, один ответ)”

	2003	2005	2007	2009
Эта организация представляет серьезную угрозу безопасности России	21	27	34	41
Блок НАТО не представляет угрозы для безопасности России но не является и ее союзником	40	42	42	32
Блок НАТО в настоящее время является партнером и союзником России	17	9	7	5
Затрудняюсь ответить	22	22	17	23
№ = 1600 чел.				

Как видим, новый идеологический климат характеризуется дальнейшим усилением ощущения одиночества во враждебном мире, что в очередной раз

способствует восстановлению и укреплению позиций **резекционного** этноцентризма. Думается, это вполне закономерно, ибо изоляция является своеобразной мобилизационной и защитной реакцией ингруппы на воздействие более сильной аутгруппы. Так, Ю. Левада считает, что традиционными условиями утверждения модуса изоляции от Запада в России являются:

... доминирующий комплекс неполноценности, тенденции автаркии в экономике и политике, повышенная оценка барьера, распространение самоуничижительных защитных формул (типа того же 'совка'), а также установок на самобытность развития (248, с.187).

Таким образом, одной из главных особенностей нового идеологического климата можно считать 'реактивное состояние' массового сознания, вызванное 'модернизационным шоком'. В рамках такого состояния психологические травмы преодолеваются посредством компенсации и дистанцирования от источника травматических переживаний, в данном случае Запада. Конкретной формой компенсации становится широкое распространение в обществе, согласно Ю. Леваде, "установок на самобытность развития" и убежденности в национально-государственном своеобразии, что нашло свое выражение в идеологеме 'особого пути'.

Концепция 'особого пути' постепенно начинает занимать центральное место в общественном сознании, травмированном модернизацией, и позволяет ему сохранять внутреннее равновесие после всех перенесенных потрясений, шоков и стрессов. Она же является и своеобразным компромиссом, поскольку помогает обществу отказаться от возврата назад, тем самым спасая от еще больших потрясений, и в то же время стимулирует движение вперед в заданном модернизационными образцами направлении, при этом давая возможность не признавать, что такое движение происходит. Так, по данным опроса ВЦИОМ, проведенного в марте 2007 года, 45% респондентов согласились с суждением, что "Россия не является в полной мере европейской страной". Согласно их мнению, "это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр ее интересов будет смещаться на Восток". Число их оппонентов составило 38%.

Что касается идейной основы данной концепции, то она исходит из традиционного мифа об исключительности России, об уникальности ее исторического предназначения и культуры, о превосходстве русского (советского) человека. Роль этого фундаментального мифологического комплекса – служить механизмом психологической защиты и компенсации. Причем сам этот миф изначально адресуется именно Западу, ибо феномен России непостижим именно для 'разума', который ассоциируется с Западом. С точки зрения апологетов данной концепции 'холодная', 'формальная', чересчур 'рациональная' логика Запада не в состоянии понять 'душу России'. По этому поводу Г.Г. Дилигенский замечает:

Объективное положение России как страны догоняющего развития порождало метания русского сознания как бы между двумя полюсами. Один полюс – это восхищение Западом, зависть, стремление к подражанию; а второй – столь же или еще более эмоциональное отрицание, отторжение западного опыта. Комплекс неполноценности психологически вытеснялся комплексом превосходства (по принципу 'зелен виноград') (195, с.278).

Согласно этому басенному принципу 'зеленого винограда' достижения Запада переоцениваются как несущественные, ненужные и мелкие в сравнении с тем главным и заветным, чем, как подчеркивается, всегда владела Россия – 'духовность', 'соборность', 'русская душа'. Здесь наблюдается классический сценарий 'синдрома этноцентризма', когда утверждение позитивной идентичности ингруппы базируется на нивелировании, отрицании позитивных характеристик аутгруппы. Еще одним тактическим приемом обретения собственной значимости и душевного равновесия является приписывание представителям аутгруппы тех достоинств и качеств, которые с точки зрения ингруппы, либо представляются им менее востребованными, престижными или значимыми, либо присущих им самим, но осуждаемы обществом.

В качестве примера хочется привести результаты опроса ВЦИОМ 2005 года на тему “Люди русские и западные: близость и противоположность двух национальных характеров в оценках россиян”. Так, среди положительных качеств, свойственных русскому характеру чаще всего упоминались “добродота, честность, искренность” (41%), а также “душевность, благородство, порядочность” (26%). От 9 до 13% отмечают в русском характере такие качества как “взаимовыручка,

товарищество, терпимость, безотказность, трудолюбие, гостеприимность, мужественность, упорство, стойкость, целеустремленность”. Далее следуют “доверчивость, миролюбие” (6%); “щедрость” (6%); “оптимизм” (5%); “патриотизм, гордость” (5%); “талантливость, ум” (3%); “справедливость” (1%). Только 14 % не смогли назвать ни одного положительного качества, присущих русским.

Диаметрально противоположная картина складывается из представлений русских о позитивных характеристиках 'западного' человека. Так, здесь доминируют “работоспособность” (16%); “ответственность, умение держать себя” (10%); “уважение друг к другу и к закону” (9%); “уверенность в своих силах и возможностях” (8%); “вежливость, внимательность” (6%); “культура поведения” (5%); 4% отметили такие качества как “бережливость, любовь к деньгам”, “жизнерадостность”, “любовь к родине, патриотизм”; от 3 до 2% назвали такие качества как “чистоплотность, образованность, демократизм, свободолюбие, активность, инициативность, энергичность, прагматизм, рациональность, предприимчивость, расчетливость, честность”.

Даже самый поверхностный сопоставительный анализ этих данных показывает, что, позитивные качества двух групп практически не только не совпадают, но даже взаимоисключают друг друга. Это происходит ввиду того, что неосознанно респонденты не просто противопоставляют себя, свой этнос представителям западной цивилизации, а отмечают у них те качества, которые они считают менее социально значимыми или востребованными их обществом. Это тот самый эффект 'зеркала', о котором говорил Ю. Левада. Не менее показателен в этом отношении тот факт, что 42% опрошенных не назвали ни одного положительного качества, присущего представителям западной культуры.

Еще более характерны результаты опроса на тему об отрицательных чертах, присущих, по мнению россиян, 'западным людям'. Так, 25% отличительными негативными качествами западных людей назвали “любовь к деньгам, высокомерие, чванливость, зазнайство, заносчивость”; от 7 до 4% отметили такие черты характера как “хитрость, расчетливость, эгоизм, безразличие, бездуховность, бесчувствие, бессердечность, развращенность, распущенность, жестокость, неискренность, недоброжелательность”. Далее следуют

“негостеприимность” (3%); по 2% называли “стремление вмешиваться в дела других”, “пренебрежение к людям другой национальности”, “скудоумие”. Были отмечены также “агрессивность” (1%), “индивидуализм, карьеризм” (1%), “нелюбовь к русским” (1%).

Здесь, по всей видимости, находит свое подтверждение один из постулатов теории проекции З. Фрейда, при котором индивид бессознательно переносит, проецирует или другими словами приписывает другому 'чужому' те свои качества или собственные импульсы, которые противоречат его моральным установкам или рассматриваются окружающим его обществом как постыдные или неприемлемые (52). Феномен негативного этноцентризма по отношению к аутгруппе в этом случае проявляется как один из способов разрешения его внутриличностных противоречий путем переноса внутреннего конфликта или неудовлетворенности на представителей другого социума. Эта тот самый случай психологической аналогии 'зеркальности' по отношению к Западу, которую подметил в русском менталитете Ю. Левада и который по нему означает:

... перенесение, проецирование негативных проявлений личности на другого. Как известно, это распространенный способ психологического самоутверждения, преодоления неуверенности и комплекса неполноценности (248, с.182).

Также весьма характерно, что в перечне негативных качеств, приписываемых россиянами представителям западных стран, доминируют характеристики, которые, в конечном итоге, отражают травматические переживания по поводу снизившегося международного статуса России и ущемленного национального достоинства, ибо “высокомерие”, “недоброжелательность”, “эгоизм” 'западных людей' россияне адресуют непосредственно себе.

Таким образом, восприятие внешнего мира и окружающей действительности определяется сочетанием реакции на новый травматический опыт вовлеченности в модернизационный процесс и новых когнитивных приобретений, а именно: возросшей ценности национальной идентичности; стремления к консолидации и выработке общей стратегии выживания в трудных условиях социально-экономической трансформации; преодоления хаоса в сознании и повседневной

жизни; и, наконец, адаптации к новоприобретенному чувству личностного суверенитета. Это наделяет массовое сознание 'новым реализмом' в восприятии окружающей действительности и формировании отношения к ней. Общество как бы по-новому открывает для себя ценности 'порядка', 'государства' и 'закона'.

В результате этих процессов, а также в силу испытываемого 'культурного шока', дискредитации в массовом сознании либерально-западнических идей, а, самое главное, слабости гражданского общества, государство вновь начинает захватывать центральное место в публичном пространстве. Оно постепенно восстанавливает свои идеологические функции и свою роль в качестве 'воспитателя' и 'опекуна' граждан. Оно также берет на себя роль арбитра и занимает позицию 'равноудаленности' от двух основных идеологических полюсов и стоящих за ними субкультур. Провозглашенный им новый идеологический порядок призван не только найти компромисс между противоборствующими идеологическими субкультурами, но и обеспечить решение двух основных задач: культурной реинтеграции постсоветского общества и продолжения в новой форме модернизационных процессов.

Прежде всего официализируются настроения и ценности, которые к настоящему времени стали 'консенсусными' или близки к таковым. Это прежде всего: само государство и его производные, среди которых центральное место занимают идея возврата статуса супердержавы, для чего следует укрепить экономику и вооруженные силы; моральная реабилитация силы и жесткости в случае, если они обращены на общественно санкционированного 'врага'; рыночная система и частная собственность, но в формате, ограниченном расширенным присутствием государства и обеспечивающая, в первую очередь, экономическое процветание страны и всего народа. Для иллюстрации обратимся к результатам социологического исследования, проведенного ВЦИОМ, и отражающем точку зрения россиян о приоритете задач российского государства на текущий момент. (Таблица № 6)

Таблица № 6

Распределение ответов на вопрос **“Чего должна добиться Россия, чтобы считаться великой державой?”**(закрытый вопрос, не более двух ответов)

	Январь 2007	Ноябрь 2008
Иметь развитую современную экономику	55	53
Иметь мощные вооруженные силы	24	35
Обеспечить высокий уровень благосостояния граждан	36	30
Развивать науку, внедрять высокие технологии	20	18
Возродить высокий уровень русской культуры и национального духа	10	8
Соблюдать нормы демократии и прав человека, принятые в цивилизованном мире	7	8
Стать мировым центром влияния, способным регулировать международные конфликты	6	8
Получить контроль над территориями, ранее входившими в состав России и СССР	7	6
Стать ведущим государством в области энергетики	4	5
Стать “цивилизационным” мостом между Европой и Азией, между развитыми странами и “третьим миром”	5	4
Затруднились ответить	4	3
№ = 1600 чел.		

Как видим, в массовом сознании утверждаются ценности, по своему происхождению связанные с двумя противоположными идеологическими полюсами и стоящими за ними субкультурами. В то же время, получив статус приоритетных и официальных, эти ценности видоизменяются таким образом, чтобы стать совместимыми друг с другом. Либеральные и 'традиционно-советские' ценности либо деидеологизируются, либо убираются на периферию сознания. Так, из либеральных ценностей нивелируются компоненты и символы,

наиболее раздражающие массовое сознание, например, “демократия и права человека” и, наоборот, из 'советского' опыта заимствуется идея сильного государства.

В итоге, официализированный либерализм приобретает 'технократический' облик, который становится совместим с 'идеей сильного государства'. В свою очередь, из 'традиционно-советских' ценностей вытесняются компоненты, прочнее всего связанные с коммунистической идеологией и способные стать препятствием для рыночной системы и обременительными для государства.

Кроме того, делается попытка по-новому идеологически обосновать либеральную реформу в экономике, связать ее с 'государственными' символами, такими как, например, 'национальная безопасность', 'укрепление государства', 'повышение благосостояния народа', 'национальные интересы' и т.п. Это, кстати, вполне совместимо с советской традицией. Советское общество никогда не было 'ретро-ориентированным', оно всегда символически было обращено в будущее.

Результатом перестановки всех этих политических и идеологических акцентов стало не только официальное утверждение идеологемы 'особого пути', но и тот факт, что центральное место в этой новой идеологеме, объединяющей технократизированную версию либеральных ценностей и деидеологизированную версию 'традиционно-советских' ценностей, вновь стало занимать государство. В массовом сознании утверждается убежденность, что только государство является защитником и гарантом соблюдения интересов народа, а также единственной политической силой, способной осуществить своеобразный 'реванш' и вернуть России утраченную позицию 'сверхдержавы'.

Таким образом, несмотря на переживаемый российским обществом шок, массовое сознание не отказывается от идеи модернизации. Общество продолжает быть вовлеченным в модернизационный процесс. Это касается как обновления экономической и политической системы, так и обыденной культуры и повседневных поведенческих установок. При этом происходит 'камуфляж' модернизационных образцов. Во внешнем мире это достигается за счет психологического дистанцирования от Запада и относительного доминирования негативных этноцентристских установок по отношению к нему. Внутри страны

модернизационная составляющая массового сознания лишается адекватной ей, а именно либеральной, идеологии. Другими словами, 'прагматический' уровень адаптации общества к модернизационным процессам на 'идеалистическом' уровне избирает более щадящую и менее болезненную для национального самолюбия идеологему 'особого пути', выполняющей функцию психологической компенсации и дающей основания для проявления негативного этноцентризма по отношению к Западу.

Это говорит о том, что даже в состоянии шока общество стремится сохранить модернизационные образцы: оно дорожит ими и не собирается от них отказываться. Но открытая, откровенная и подчеркнутая ориентация на модернизацию травмирует общество. Оно предпочитает модернизироваться, не вполне отдавая себе в этом отчет. Таким образом, общественно одобряемая модернизация переводится преимущественно в 'скрытую' стадию. Хочется надеяться, что рано или поздно сработает закон 'перехода количества в качество' и российское общество реально модернизируется настолько, чтобы 'на равных' с другими западными странами осваиваться в постиндустриальной эпохе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В социально-культурной картине мира, складывающейся в самосознании русского народа, образ Запада традиционно занимает центральное место. Культурно-исторический анализ этого феномена показывает, что со временем образ Запада приобрел статус генерального символа, универсального объяснительного принципа. Более того, исследование динамики восприятия Россией Запада позволило нам сделать вывод о том, что Запад постоянно использовался как мобилизующий фактор и объект русского этноцентризма. В связи с этим функции образа Запада на протяжении всей истории развития Российского государства были чрезвычайно многообразны.

Предложенная нами концепция этноцентризма, апробированная на примере парадигмы 'Россия – Запад', показала, что в зависимости от конкретно-исторического контекста Россия избирала различный модус взаимодействия с западной цивилизацией. Так, исходя из нашей предпосылки, что этноцентризм – это специфическое мировоззрение, регулирующее поведение субъекта в различных этноконтактных ситуациях, мы попытались доказать, что в отличие от классической трактовки данного явления, как детерминанта лишь межэтнического антагонизма и негативизма, в реальных ситуациях в зависимости от различных факторов стратегия межэтнического взаимодействия может варьироваться. Конкретно-исторический анализ взаимоотношений двух культур показал, что русский этноцентризм, адресованный Западу, отличался самым широким диапазоном форм и уровней проявления, от позитивного до негативного. Неизменным оставался лишь сам принцип этого межкультурного диалога, а именно – противостояние России Западу.

Так, в самый ранний средневековый период актуализации данного диалога это противостояние носило абсолютный и тотальный характер, поскольку западная культура не только отрицалась целиком и полностью, но антизападный негативизм был характерен для всех страт российского общества. Детерминантами негативных этноцентристских установок русского этноса по отношению к Западу в этом случае явились, главным образом, религиозные противоречия. При этом Россия, рассматривая себя в качестве единственной приемницы византийского

наследия, и провозглашая себя 'Третьим Римом', испытывала даже определенный комплекс величия и даже высокомерия по отношению к Западу. Думается, именно поэтому в целях предохранения православных традиций и ценностей, а также остерегаясь экспансии католической церкви, Русское государство избрало стратегию **резекционного** этноцентризма, в соответствии с которой она не только максимально дистанцировалась от Запада, но и свела до минимума все контакты с ней. В определенные периоды, когда вставала необходимость отстаивания религиозных принципов, российское государство иногда даже переходило на позиции **конфронтационного** этноцентризма и непримиримо боролось против попыток католической церкви распространить свои догматы на территории Руси.

Однако логика социально-исторической динамики отношений двух культур потребовала более интенсивного диалога, поскольку по истечении нескольких столетий Россия неожиданно встала перед фактом, что избранный ею модус изоляции от Запада не только ввел страну в состояние тяжелейшей экономической стагнации, но и практически поставил ее на грань выживания. Реализация этого факта привела к тому, что противостояние России Западу приобрело новый импульс, суть которого сводилась к сокращению культурно-цивилизационной дистанции.

Именно с этого момента основным принципом и фактором развития как в целом всей парадигмы 'Россия – Запад', так и русского этноцентризма, в частности, становится модернизация страны в соответствии с западными канонами. Наиболее ярким историческим примером воплощения данного принципа является петровская эпоха, которая ознаменовалась как широкомасштабными социальными и экономическими реформами, так и культурно-цивилизационным расслоением русского общества.

В свою очередь, последний процесс обусловил появление в данный период не только такого феномена как дифференциация этноцентристских установок русского общества по отношению к западной культуре, но и феномен проявления позитивного уровня этноцентризма. Так, его высшие привилегированные страты в зависимости от степени адаптации к чужой культуре демонстрировали самый широкий диапазон позитивных и негативных этноцентристских установок по отношению к Западу и ее культуре, от **аккультурационной** формы до **гибкой** и,

наоборот, от **резекционной** до **конфронтационной**. Однако поскольку, так называемая, 'вестернизация' на данном этапе коснулась исключительно элитарных слоев российского общества, другой, количественно доминирующий, его полюс, преимущественно представленный крепостным крестьянством, остался практически незатронутым модернизационными процессами. Как результат, древние архетипы и мифы о 'люторе и латине', по-прежнему детерминировали антизападные этноцентристские установки в этой среде.

В связи с этим следует отметить, что вся последующая история российской модернизации отрабатывала одну основную схему: модернизационные процессы ограничивались определенным сектором общества. И хотя сам этот сектор рос и расширялся, модернизация достаточно долго оставалась локальным явлением. Рядом с новой, вошедшей в трансформацию частью общества, располагалась неоглядная российская деревня. Царское правительство, насколько это возможно, ограждало мир патриархальной деревни от неизбежного разрушающего воздействия модернизационных процессов и, в конечном счете, от их источника – Запада.

Такое амбивалентное отношение к модернизации и ее детерминанту – Западу нашло свое отражение даже в русской философии, в которой оформились два основополагающих мировоззренческих направления: 'западничество', признающее Запад в качестве культурно-цивилизационного эталона, и 'славянофильство', отстаивающее идеи самобытности России. И если сторонники первого течения демонстрировали позитивные этноцентристские установки по отношению к Западу и его культуре, то вторые стояли на позициях негативного этноцентризма.

Тем временем, во второй половине XIX века можно было наблюдать попытки смены генеральной стратегии, сутью которой становилась актуализация геополитических амбиций российского государства. Новый виток конкуренции за обладание реальными ресурсами мира требовали от России создания более эффективных социальных структур и экономической системы. А это означало только одно – более кардинальное и последовательное включение в модернизационные процессы. Как результат, в конце XIX века в России

разворачивается городская революция. Миллионы вчерашних крестьян разом расстаются с традиционной культурой и связывают свою судьбу с городом.

Тем не менее, сам этот переход не изменил качества массового сознания. Оно остается в своей основе архаичным и сохраняет фундаментальные характеристики патриархальной средневековой культуры, поскольку, в силу своей природы и сущности, требовало не только особых социально-культурных условий адаптации к изменяющейся реальности, но и определенного периода эволюционного развития. В итоге, революционный скачок от патриархального мира к миру городской цивилизации для носителя традиционной ментальности сопровождался культурным шоком, выразившемся в сильном психологическом стрессе. А так как урбанистическая культура ассоциировалась с Западом, то именно с ним подсознательно связывались все негативные эмоции и реакции. С этих позиций массовое сознание российского общества, ее этноцентристские установки по-прежнему исходили из традиционных архетипов отвержения чуждой западной культуры.

Итак, к началу XX века существовал целый 'пакет' и образов Запада, и этноцентристских установок по отношению к нему, причем 'вверху' - достаточно дифференцированных и рациональных. Однако с каждой ступенью по пути к низовой культуре образ Запада становился все более мифологизированным и однообразным, а этноцентристские установки все более категорично негативными.

Тем не менее, к данному моменту возможности 'раздельного' развития городского и сельского секторов общества были исчерпаны. Логика процессов модернизации требовала включения в свою орбиту всех слоев российского общества. Тем временем, доминирующим персонажем российских городов становится мигрант – вчерашний житель села, порвавший с деревней и ценностями патриархальной культуры. Для него мир городской цивилизации не просто непонятен. Урбанистическая и, по сути, западная культура перечеркивает, обесмысливает весь традиционный опыт, что вселяет в сознание новоявленного горожанина ужас, неуверенность и растерянность. Перед ним стоит мучительная задача адаптации к качественно иной реальности. В результате возникает естественное, лежащее за гранью осознаваемого, стремление трансформировать

городскую реальность, сделать ее похожей на привычную, привести устойчивые константы традиционной культуры.

Ответом на эту потребность и явились русские революции начала XX века, которые позволили вписать базовые ценности традиционной культуры в процесс модернизации. Таким образом, крестьянин-мигрант представлял собой социальную и культурную основу большевистской революции, а главным общеисторическим итогом революции 1917 года было принятие идей, принципов и ценностей модернизации всем российским обществом. Но, поскольку модернизация неотделима от 'вестернизации', это означало принятие фундаментальных элементов западной культуры.

Противостояние России Западу именно в данный период переходит на качественно новый уровень. Так, в соответствии с большевистской стратегией модернизации российского общества образ Запада расслаивается и из него выделяется актуальнейшая ценность: технология. Технологическая модернизация по западным образцам и все вырастающие в ее результате элементы культуры и образа жизни наделяются высшим сакральным статусом и осознаются как способ построения коммунистического общества, аналога православного 'Царства небесного'.

Это означало формирование определенной тенденции культивирования в массовом сознании элементов позитивного этноцентризма по отношению к такой производной западной культуры как технология. Другими словами, коммунистические лидеры стимулировали **аккультурационные** процессы в тех сферах, в которых западная культура представлялась эталонной, а именно в области технологии, и тем самым вовлекли в модернизационный процесс наиболее инертную и традиционную часть российского общества – крестьянство.

В связи с этим следует отметить, что определенная тождественность между эсхатологизмом христианства и коммунизма сыграла решающую роль в успехе большевистской революции и избранной ею стратегии модернизации российского общества. Коммунистическая идеология, в которую в качестве компонента были встроены идеи актуальности и насущности модернизационных, в сущности, процессов 'индустриализации', 'коллективизации' и 'культурной революции'

оправдала и обосновала большевистский вариант преобразования мира. Но это уровень идеологии. Другое дело повседневные реалии.

Коммунистам крайне необходимо было консолидировать народ, мобилизовать его на осуществление своих планов по радикальному преобразованию страны. А как известно, согласно теории этноцентризма, сильнейшим стимулятором консолидации ингруппы является внешняя угроза, исходящая от аутгруппы. Вследствие из этого, вновь появляется необходимость задействования механизмов формирования негативного этноцентризма. Вскоре появилось и его идеологическое обоснование: поскольку коммунистическая революция победила только в СССР, внешнее окружение, прежде всего, Запад, представляло собой смертельных противников Советской власти. Дьявол, вычеркнутый из атеистической картины мира коммунистов, получает новую номинацию – мирового империализма, местом сосредоточения которого являлся Запад. Таким образом, образ Запада вновь встраивается в традиционную для российской ментальности этноцентристскую схему в своем вечном качестве носителя мирового зла.

В связи с этим следует заметить, что революция принесла с собой громадный объем инноваций. Крах монархии и православия, смена идеологии, установление нового общественного строя и многое другое – все это требовало времени на адаптацию, побуждало к замыканию в знакомых и привычных пределах, вселяло неуверенность. Дискомфорт, рожденный жизнью в неуютном, необжитом и непонятном мире, и страхи рождают образы зла и опасностей. В стрессовой ситуации всегда актуализируются архаические мифы. А, поскольку мифологизированное сознание весьма категорично, эти образы требуют персонализации. Эта естественная, коренящаяся в природе традиционного общества защитная реакция накладывалась на сильнейшую изоляционистскую традицию. В такой атмосфере отвержение и 'демонизация' Запада как традиционного источника опасности встречает самый искренний и массовый отклик.

Итак, отныне Запад будет использоваться как универсальное объяснение любых трудностей, экономических и политических провалов, хозяйственных неурядиц и даже стихийных бедствий. Он же был главным объяснением и оправданием

любых беззаконий, террора, сверхэксплуатации, снижения жизненного уровня, тотальной слежки, подавления инакомыслия и т.д. Особое место в советской мифологии занимал собственный образ Запада. Он был ужасен. Мир бесправия и нищеты, в котором обездоленные и безработные роются в мусорных баках, а горстка богачей купается в безумной роскоши. Мир, где полиция подавляет несчастного маленького человека и гноит в тюрьмах мужественных борцов с тиранией капитала.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что советскими правителями и идеологами максимально использовались все механизмы и функции негативного этноцентризма по отношению к Западу. Так, в целях усиления лояльности коммунистическому режиму и поддержания высокого уровня позитивной самоидентификации советскому народу настойчиво внушались идеи его морального и культурного превосходства над Западом. Необходимость же постоянной консолидации и поистине милитаризированной мобилизации страны требовало не только культивирования чувств неприязни, враждебности и недоверия по отношению к Западу, но и использования образа Запада в качестве перманентной угрозы СССР.

Весь арсенал изоляционистских и антизападных этноцентристских установок эффективно использовался коммунистическими лидерами в борьбе с противниками советского режима. Система советской пропаганды в зависимости от текущего момента либо раскручивала антизападные фобии и массовую истерию, либо в соответствии с международной конъюнктурой приглушала их. Политика балансирования между отдельными странами и силовыми блоками Европы ведет к тому, что звание 'Главного врага' оказывается переходящим. На определенном этапе это английский империализм, на другом германский фашизм, затем, с началом 'холодной войны', США.

Тем временем, задачи модернизации делали образ Запада амбивалентным. Расслоение образа Запада на нужную и возжеленную технологию и опасные буржуазные ценности было сложной и противоречивой процедурой. Оно требовало специальных пропагандистских приемов и идеологических оговорок. Эта задача решалась следующим образом: взятая 'оттуда' технология меняет свою природу, трансформируется и становится 'советской', поставленной на службу

новообретенным целям общества. Отсюда утверждение новой, 'пролетарской' науки и культуры. Это совсем не та 'буржуазная' западная наука и культура, а 'советская'. Их предназначение – содействовать построению советского идеала, а именно, коммунистического общества.

Однако расслоение целостного, безусловно негативного образа Запада на чуждую социально-политическую систему, с одной стороны, и заслуживающую копирования и присвоения технологию, с другой, в стратегической перспективе было началом конца. Борьба с идеологическим противником успешна лишь до тех пор, пока он отрицается целиком и безусловно. Советское же общество постоянно заимствовало, догоняло, соотносило себя с Западом. Задачи модернизации традиционно делали образ Запада амбивалентным, наделяли его ценными и возжеленными коннотациями. В итоге, несмотря на то, что коммунистическая идеология и государство всячески подавляли и пресекали тенденции конвергенции советского менталитета с западной культурой, процесс этот уже невозможно было предотвратить.

В данной ситуации сработала естественная логика изживания противостояния, поскольку адаптация представителя традиционной культуры к городу и к стоящей за ним западной цивилизации, посредством заимствования и использования продуктов данной цивилизации, а именно ее технологии, в конечном итоге, предполагает усвоение и всей ее культуры целиком. Советский человек, войдя в урбанистическую культуру, по своему существу не мог противостоять Западу, поскольку усвоенная им городская ментальность ориентирует его на ценности, модели и идеалы, нашедшие свое полное воплощение в западной цивилизации. Поэтому, несмотря на то, что социокультурная логика развития советского общества основывалась на принципе противостояния Западу, процессы модернизации по западным канонам несли в своей сущности отрицание этого противостояния. В результате это привело сначала к кризису советской системы, а затем и к ее распаду.

Итогом советского варианта модернизации страны явилось разрушение традиционного общества и вхождение России в индустриальную эпоху. Однако издержками этой квазимодернизационной трансформации стали: отсутствие развитого гражданского общества, неразвитость и повышенная

мифологизированность общественного сознания, неэффективная и стагнирующая экономика. Все это было унаследовано постсоветской Россией, перед которой встала задача не только устранить все эти издержки, но и более последовательно включиться в процесс модернизации.

Безусловно, это не могло не отразиться на современном состоянии как самой страны, так и ее взаимоотношений с внешним миром и, прежде всего, с Западом. Так, в постсоветском развитии России наблюдаются как бы два уровня приспособления общества к последующему этапу более радикальной модернизации, первый из которых сосредоточен в социально-культурной и экономической сферах и носит 'прагматический' характер и отличается определенной стихийностью; второй из этих уровней отражает рефлексию общественного сознания на происходящие изменения. Именно на этом уровне происходит фиксация и оценка процессов модернизации и, в конечном итоге, отношение к ним. Данный уровень мы обозначили как 'идеалистический'.

На, так называемом, 'прагматическом' уровне наблюдается стремительная и почти бесконтрольная модернизация как быденной жизни россиян, так и таких базовых структур общества как экономика, социально-культурная и политическая системы. Складывается впечатление, что страна после длительного, насильственного и строгого 'советского карантина' готова незамедлительно и безусловно перенять все структурообразующие элементы западной цивилизации.

В данной ситуации прослеживаются явные признаки **аккультурационного** этноцентризма, в соответствии с которым ингруппа стремится перенять у эталонной аутгруппы все основные знаковые и значимые составные ее культуры. В результате, такое хаотичное, порой неразборчивое и стихийное усвоение принципов и ценностей инородной культуры приводит к определенному 'культурному шоку' и сопутствующими ему болезненными реакциями.

Именно эти реакции и находят свое отражение на, так называемом, 'идеалистическом' уровне адаптации российского общества к постсоветской модернизации. Здесь сразу проявляются два противостоящих идеологических полюса: первый из них отражает интересы той части российского общества, которая успешно вписалась в модернизационные процессы. Культурные, финансовые и социальные интересы этой страты российского общества требуют

включения страны в мировой глобализационный процесс. Именно поэтому любые попытки восстановить позиции **резекционного** этноцентризма по отношению к Западу не только угрожают насущным потребностям данной социальной прослойки, но и ставят под удар сам принцип их существования. В связи с этим эта часть российского общества целиком и безоговорочно поддерживает идею евроатлантической ориентации России.

Противовесом им служат интересы тех слоев населения страны, которые либо с трудом приспосабливаются к современным реалиям, либо вообще не способны адаптироваться к ним. Общественное мнение данной категории, рассматривающей себя в качестве своеобразной жертвы постсоветской модернизации, не только отвергает ее основополагающие принципы, но и, ностальгируя по прежнему советскому опыту государственного патернализма и социальной уравнительности, является базисом, пусть и достаточно дискредитировавшего себя, но все еще востребованного коммунистического идеологического полюса.

Анализ социологических исследований показал, что одним из детерминантов такого идеологического расслоения общества является генерационный фактор. Так, согласно данному анализу, старшие поколения, социализация которых пришлась на постреволюционный и советский периоды, отличаются пониженной степенью адаптации к модернизационным процессам, тогда как молодые поколения, выросшие в условиях социально-экономической трансформации постсоветской России, характеризуются более высоким уровнем толерантности к происходящим изменениям.

Анализ социологических данных дал нам также возможность определить генезис взаимоотношений России с Западом в постсоветский период. Так, в нем явно выделяются три основных этапа: первый из них, с 1991 по 1993 годы, был периодом почти тотальной и безусловной ориентации на модернизацию и принятия либерально-западных ценностей. Однако их доминантность явилась лишь следствием дискредитации коммунистической идеологии, а потому не была обеспечена идейной укорененностью в массовом сознании российского общества. Тем не менее, именно эта доминантность отражала характерные для данного периода позитивные этноцентристские установки по отношению к Западу.

На втором этапе, с 1994 по 1999 годы, был восстановлен паритет двух идеологий, выражавших два полюса общественного мнения, а именно, прозападной и антизападной. Детерминантами антизападных настроений в данный период явились как неудовлетворенность динамикой модернизационных процессов, так и падение международного престижа России и связанных с этим переживаний своеобразного 'комплекса неполноценности'. В итоге, модернизационные устремления российского общества лишились цельной идеологии. Либерально-западническая субкультура, которая раньше обеспечивала модернизационные ориентации массового сознания, себя дискредитировала. Консервативные и ностальгические настроения резко увеличили свою интенсивность и широко распространились за пределы своей исходной социально-демографической среды. Фрустрация от реализации факта существования пока непреодолимой культурно-цивилизационной дистанции между Россией и Западом явилась первопричиной восстановления позиций негативного этноцентризма по отношению к последнему.

Начало третьего этапа ознаменовалось, прежде всего, приходом в 2000 году к власти В. Путина. Благодаря укорененному в российском сознании патернализму, именно с ним стали связываться надежды на быстрое восстановление социально-экономической структуры страны и обретение Россией более высокого геополитического статуса в мире. Эти же настроения позволили государственным структурам восстановить свои контрольные позиции. Более того, государство быстро захватывает функции и идеологического субъекта и провозглашает собственные взгляды и позиции по интеграции российского общества в глобализационный процесс. Заняв положение своеобразного 'арбитра' между двумя идеологическими полюсами и, выработав некоторый идейный консенсус между ними, государство провозглашает собственное видение стратегии развития страны и формирует новую официальную идеологию. Это, так называемая, 'идеология особого пути'. Суть ее сводится к тому, что Россия якобы является уникальной самобытной цивилизацией, соединяющей в себе достоинства как западной, так восточной культур, а потому предназначена нести особую роль культурного посредника между Западом и Востоком. Исходя из данной предпосылки, страна не может уподобиться и следовать культурным образцам ни

одной из двух обозначенных цивилизаций и обречена на высокую миссию особой евразийской цивилизации.

Комплексная оценка доступных для анализа реакций и оценок общественного мнения позволила нам сделать вывод, что для российского общества 'особый путь' это, скорее, не 'новый эталон', а особый, 'щадящий' способ признания невозможности приблизиться к западному эталону в желаемое время. Недостигаемость эталона травмирует, поэтому от него демонстративно отказываются и, по видимости, замещают 'особым путем'. Тем не менее, подлинным эталоном для ориентированного на 'особый путь' массового сознания продолжают оставаться 'западные образцы'.

Эта традиционная амбивалентность относительно Запада и ее культурно-цивилизационной модели в этноцентризме проявляется также неоднозначно. С одной стороны, последовательная динамика модернизационных процессов явно подтверждает доминирование в прагматической сфере общественного развития прозападных **аккультурационных** этноцентристских установок. С другой стороны, на идеалистическом уровне в зависимости от уровня адаптации различных страт российского общества к процессам его 'вестернизации' демонстрируется самый широкий диапазон проявлений как негативного этноцентризма, так и его позитивных форм.

Таким образом, можно сказать, что в российском обществе происходит естественный процесс адаптации к неизбежному историческому и социальному императиву глобализации. Феномен этноцентризма в данном случае, являясь древнейшей формой социально-перцептивного освоения межкультурного пространства и специфическим этнически окрашенным мировоззрением играет в этом процессе одну из определяющих ролей. По нашему мнению, именно он детерминирует, регулирует и обуславливает взаимодействие России с западной цивилизацией. Думается, по мере снятия остроты противостояния между двумя цивилизациями, и постепенной конвергенции России в постиндустриальное западное общество фактор этноцентризма постепенно утратит свою актуальность. Если это, в конце концов, произойдет, то хочется надеяться, что в мире станет на одну стратегическую конфронтацию меньше.

Итак, проведенное исследование доказало правомерность рассмотрения фактора этноцентризма как одного из наиболее решающих и значимых детерминантов взаимодействия даже таких социальных мегасубъектов как целые страны, регионы и даже цивилизации. Данная задача была достигнута прежде всего в результате разработки автором нового подхода к трактовке понятия этноцентризма и принципиально новой концепции содержания, структуры, форм и уровней феномена этноцентризма. Авторская концепция этноцентризма была апробирована посредством изучения особенностей и закономерностей развития парадигмы 'Россия — Запад', что позволило, в свою очередь, не только осуществить комплексный анализ культурно-исторической динамики восприятия Россией Запада, но и выявить основные детерминанты и факторы, влияющие на современную стратегию взаимоотношений России с Западом.

Предложенная автором концепция этноцентризма может быть использована при дальнейшей теоретической и методологической разработке проблем этноцентризма. Авторский подход к изучению воздействия фактора этноцентризма на взаимоотношения России с Западом может стать методологической основой при изучении феноменов взаимодействия аналогичных социально-культурных и этнических субъектов и структур.

Материалы диссертации могут также послужить как источником изучения истории взаимодействия России с внешним миром, так и основой для многоаспектного анализа современной стратегии развития парадигмы 'Россия — Запад'.

CONCLUSION

In the socio-cultural picture of the world, emerging in the consciousness of the Russian people, the image of the West traditionally occupies the centre. Cultural and historical analysis of this phenomenon demonstrates that, overtime, the image of the West has acquired the status of a major symbol, a universal explanatory principle. Moreover, the study of the dynamics of Russia's perception of the West has allowed us to conclude that the West has been constantly used as a mobilising factor, and the object of Russian ethnocentrism. In this regard, the functions of the West's image throughout the history of the development of the Russian state have varied considerably.

The concept of ethnocentrism proposed by us and tested in the instance of the paradigm 'Russia vs the West' has shown that, depending on specific historical context, Russia has chosen different modes of interaction with the Western civilisation. Thus, based on our postulate that ethnocentrism is a specific worldview, governing the behavior of the subject in various ethnic contact situations, we have tried to prove that, in contrast to the classical interpretation of this phenomenon as the determinant of only interethnic hostility and negativism, in real situations, depending on various factors, the strategy of interethnic interaction may vary. Specific historical analysis of the relationship between the two cultures has demonstrated that Russian ethnocentrism addressed to the West, has been characterised by a wide range of forms and levels of expression, from positive to negative. Unchanged was only the principle itself of this intercultural dialogue, namely, Russia's opposition to the West.

So, in the beginning of the medieval period of actualisation of this dialogue this confrontation had an absolutist and totalitarian character, since not only was the Western culture denied entirely, but also the anti-Western negativism was typical for all strata of the Russian society. Determinants of negative ethnocentric attitudes of the Russian ethnicity towards the West, in this case, were primarily religious differences. In this instance Russia, seeing itself as the sole successor to the Byzantine heritage, and proclaiming itself 'The Third Rome', experienced a certain complex of greatness, and even of arrogance towards the West. This probably is the precise reason why, in order to protect the Orthodox traditions and values, as well as fearing expansion of the Catholic

Church, the Russian state had chosen the strategy of **rejectional** ethnocentrism, which led not only to its maximal distancing from the West, but also brought to a minimum all contacts with it. In certain times, when there emerged a need to uphold religious principles, the Russian state sometimes even shifted its position to **confrontational** ethnocentrism and implacably fought against attempts by the Catholic Church to extend its doctrines to the Russian territory.

However, the logic of the socio-historical dynamics of the relations between the two cultures has required a more intensive dialogue, because after a few centuries, Russia suddenly faced the fact that its chosen mode of isolation from the West had not only led the country to the dire state of economic stagnation, but also almost put it on the brink of survival. The realisation of this fact led to a new impetus in Russia's opposition to the West, the essence of which was to reduce the cultural and civilizational distance.

It is from this moment that the main principle and factor of development of the paradigm 'Russia vs the West' in general, as well as Russian ethnocentrism, in particular, becomes the country's modernisation in accordance with Western standards. The most striking historical example of the embodiment of this principle is the time of Peter the Great, which was marked by wide-ranging social and economic reforms, as well as the cultural and civilizational stratification of the Russian society.

In turn, the latter process determined the emergence during this period not only of such phenomenon as the differentiation of ethnocentric attitudes of the Russian society towards the Western culture, but also the phenomenon of manifestation of the positive level of ethnocentrism. So, the most highly privileged strata, depending on the degree of adaptation to other cultures, demonstrated a wide range of positive and negative ethnocentric attitudes toward the West and its culture, from the **acculturational** variety to the **flexible** one, and conversely, from the **rejectional** to the **confrontational**. However, because the so-called 'Westernisation', at this stage, concerned only the elite strata of the Russian society, the other quantitatively dominant extreme, mostly represented in serf peasantry, remained virtually unaffected by the modernisation processes. As a result, the ancient archetypes and myths about 'Luthors and Latinus', still dominated and determined the anti-Western ethnocentric attitudes in this environment.

We should note in this regard that the entire subsequent history of Russian

modernisation followed a basic pattern: the processes of modernisation were limited to a particular sector of society. And although this sector grew and expanded, modernisation had remained for a long time a localised phenomenon. Side by side with the new, entering the transformation part of society, was the boundless Russian village. The imperial government, as far as it was possible, protected the world of the patriarchal village from the inevitable destructive impact of modernisation processes and, ultimately, from their source – the West.

Such an ambivalent attitude towards modernisation and its proponent, the West, is reflected even in the Russian philosophy, which molded two founding philosophical trends: 'Westernizers', who acknowledged the West as a cultural and civilizational standard, and 'Slavophiles', advocating ideas of the uniqueness of Russia. And while supporters of the former trend demonstrated positive ethnocentric attitudes towards the West and its culture, the latter trend ones occupied positions of negative ethnocentrism.

Meanwhile, in the second half of the XIXth century we can observe attempts to change the general strategy, the essence of which became the actualisation of geopolitical ambitions of the Russian state. A new round of competition for possession of real world resources demanded from Russia the creation of more effective social structures and the economic system. This meant only one thing - a more radical and consistent engagement with modernisation processes. As a result, at the end of the XIXth century Russia encounters urban revolution. Millions of former peasants at once part with traditional culture and hand their lives over to the city.

Nevertheless, this transition in itself did not change the quality of mass consciousness. It remains basically archaic and preserves the fundamental characteristics of the medieval patriarchal culture, because, by its very nature and essence, it required not only specific socio-cultural conditions of adaption to the changing reality, but also a certain period of evolutionary development. As a result, the revolutionary leap from the patriarchal world to the world of urban civilisation for a bearer of traditional mentality was accompanied by cultural shock, resulting in powerful psychological stress. And since the urban culture was associated with the West, it is precisely the West that comes to be subconsciously associated with all the negative emotions and reactions. From this perspective, the mass consciousness of the

Russian society, and its ethnocentric attitudes were still based on the traditional archetypes of the rejection of the alien Western culture.

Thus, by the beginning of the XXth century there existed a whole 'package' of images of the West, as well as of the ethnocentric attitudes towards it, albeit reasonably differentiated and rational at the 'top'. But with each step on towards the lower cultural rungs, the image of the West became increasingly mythologised and unilateral, and ethnocentric attitudes more and more categorically negative.

Nevertheless, at that moment, the possibility of the 'split' development of the urban and rural sectors of society had been exhausted. The logic of the processes of modernisation required the inclusion in its orbit of all segments of the Russian society. In the meantime, the migrant becomes the dominant character of the Russian cities – yesterday, a resident of the countryside, rejecting the village and the values of the patriarchal culture. For him, the world of urban civilisation is not just confusing. The urban, and in its heart, western culture rejects all the traditional experience, empties it of meaning, which fills the minds of new city dwellers with horror, uncertainty and confusion. They have a painful task of adapting to a qualitatively different reality. As a result, a natural subconscious desire emerges to transform the urban reality, to make it more like the known one, to bring the steady constants of traditional culture.

The answer to this need were the Russian Revolutions of the beginning of the XXth century, which helped to include the basic values of traditional culture into the process of modernisation. Thus, the peasant-migrant represented the social and cultural foundation of the Bolshevik revolution, and the main general historical outcome of the 1917 revolution was the adoption of ideas, principles and values of modernisation by the whole of Russian society. But, since modernisation cannot be separated 'Westernisation', this meant accepting the basic elements of the Western culture.

Russia's confrontation with the West in this period of shifts to a qualitatively new level. So, in accordance with the Bolshevik strategy of modernisation of the Russian society the West's image has become stratified and a pertinent value has emerged: technology. Technological modernisation based on the Western models, and all elements of culture and way of life resulting from it are vested with the supreme sacred status and recognised as a way of creating the Communist society, the equivalent of the Orthodox 'kingdom of heaven'.

This meant the development of a certain tendency of cultivation of elements of positive ethnocentrism in the mass consciousness in regards to such a derivative of the Western culture as technology. In other words, the Communist leaders stimulated the processes of **acculturation** in those spheres, in which the Western culture was considered to be the standard, namely in the area of technology, and thus engaged the most inert and traditional part of the Russian society, the peasantry, in the modernisation process.

It should be noted in this regard that some similarity between the Christian eschatology and the Communist one played a crucial role in the success of the Bolshevik revolution and its chosen strategy for the modernisation of Russian society. Communist ideology, which included among its components ideas of pertinence and urgency of modernisation, basically, the processes of 'industrialisation', 'collectivisation' and 'cultural revolution', justified and provided the basis for the Bolshevik variant of transforming the world. But this is the level of ideology. Everyday realities are another matter.

Communists felt the urgent need to consolidate the people, to mobilise them for the purpose of implementing the plans for the radical transformation of the country. As we know, according to the theory of ethnocentrism, the strongest driver of consolidation of an in-group is an external threat posed by an out-group. Due to this, again arises the need to trigger the mechanisms of negative ethnocentrism. Soon there appeared its ideological rationale: since the Communist revolution triumphed only in the USSR, the external environment, especially the West, were deadly enemies of the Soviet government. The devil, removed from the atheistic picture of the Communist world, acquires a new nomination - the world of imperialism, represented by the West. Thus, the image of the West again fits into the traditional for the Russian mentality ethnocentric pattern in its eternal role as the bearer of the world's evil.

In this regard, it should be noted that the revolution brought with it a huge amount of innovation. The collapse of the monarchy and the Orthodox religion, the change of ideology, establishing a new social order, and much more - all this required time for adaptation, led to isolation within familiar and usual limits, invited uncertainty. Discomfort springing from living in the uncomfortable, desolate and incomprehensible world, as well as fears give rise to images of evil and danger. In a stressful situation

archaic myths always become pertinent. And as the mythologised consciousness is quite categorical, these images require personification. This inherent, rooted in the nature of the traditional society defensive reaction was superimposed on an extremely strong isolationist tradition. In such an atmosphere, the rejection and 'demonization' of the West as a traditional source of danger is met with the most sincere and mass response.

Thus, from now on the West will be employed as a universal explanation for any difficulties, economic and political failures, fiscal fiascos, and even natural disasters. It was also used as the main explanation and justification of any unlawful actions, terror, excessive exploitation, reduced standard of living, total surveillance, suppression of dissent, etc. A special place in the Soviet mythology was occupied by the image of the West itself. It was awful. The world of powerlessness and poverty, in which the disadvantaged and the unemployed rifle through garbage bins, while a handful of the rich are wallowing in insane luxury. The world where the police stifle the ordinary wretched person, and where courageous fighters against the tyranny of capital rot in prison.

So, we can state with confidence that the Soviet rulers and ideologists fully used all the mechanisms and functions of negative ethnocentrism towards the West. For instance, in order to strengthen the loyalty to the Communist regime and to maintain a high level of positive self-identification, the Soviet people were constantly fed ideas of their moral and cultural superiority over the West. The need for constant consolidation and for the truly military mobilisation of the country required not only cultivating the feelings of ill will, hostility and mistrust towards the West, but also using the image of the West as a permanent threat to the USSR.

The entire arsenal of isolationist and anti-Western ethnocentric attitudes was used effectively by the Communist leaders in the fight against the opponents of the Soviet regime. The system of Soviet propaganda, depending on the current moment, either encouraged anti-Western phobias and mass hysteria, or in accordance with the international climate quietened them. The policy of balancing between the individual countries and the power blocs in Europe results in the title of the 'Chief enemy' shifting from one entity to the next. At one stage, it is English imperialism, at another German fascism, then, with the beginning of the Cold War, the United States.

In the meantime, the task of modernisation made the image of the West ambivalent.

Splitting the West's image into the desired and necessary technology and dangerous bourgeois values was a difficult and contradictory procedure. It required special promotional techniques and ideological assertions. The solution was found in the following way: the technology extracted from 'over there' changes its nature, is transformed and becomes the 'Soviet' one, serving the newfound goals of society. Hence the affirmation of the new 'proletarian' science and culture. These are completely different to the 'bourgeois' Western science and culture, these are the 'Soviet' ones. Their mission is to promote the creation of the Soviet ideal, namely, the Communist society.

However, the split of a singularly negative image of the West into the alien socio-political system, on the one hand, and the technology worthy of copying and appropriation, on the other hand, from a strategic perspective, was the beginning of the end. The struggle against an ideological opponent is only successful for as long as the enemy is rejected entirely and unconditionally. The Soviet society, on the other hand, constantly borrowed from, caught up with, and compared itself with the West. The objectives of modernisation usually made the West's image ambivalent, vested it with valuable and desirable connotations. As a result, despite the fact that the Communist ideology and the state in many ways suppressed and stifled the tendencies of convergence of the Soviet mentality with the Western culture, this process was already impossible to stop.

In this situation, the natural logic of demolishing the opposition was at work, since the adaptation of a representative of the traditional culture to the city and the Western civilisation behind it, through borrowing and employing the products of this civilisation, in particular, its technology, eventually assumes absorbing its entire culture. The Soviet people, entering the urban culture, by their very nature could not resist the West, as the urban mentality absorbed by them directs them to the values, models and ideals that have found their full embodiment in the Western civilisation. Therefore, despite the fact that the socio-cultural logic of the development of the Soviet society was based on the principle of opposition to the West, the processes of modernisation according to the Western canons held in their essence the denial of this opposition. This had resulted first in the crisis of the Soviet system, and then to its disintegration.

The outcome of the Soviet version of the modernisation of the country was the destruction of traditional society and Russia's stepping into the industrial era. However,

the costs of this quasi-modernising transformation were: the absence of a developed civilian society, the underdeveloped and overmythologized public consciousness, the inefficient and stagnant economy. All this was inherited by the post-Soviet Russia, which faced the challenge of not only solving all these problems, but also of involving itself more consistently into the process of modernisation.

Undoubtedly, this could not but affect the current state of the country itself, as well as its relationship with the outside world and, above all, the West. So, in the post-Soviet development of Russia two levels of society's adaptation to the next stage of a more radical modernisation were observed, the first of which is concentrated in the socio-cultural and economic spheres, is 'pragmatic' in nature, and has a certain spontaneity; the second of these levels reflects the rumination of social consciousness in response to occurring changes. It is precisely at this latter level that the fixation and assessment of the processes of modernisation and, ultimately, the attitude towards them occur. This level has defined as 'idealistic'.

On the so-called 'pragmatic' level, there has been rapid and almost uncontrolled modernisation of the everyday life of Russians, as well as of such basic structures of society as economics, socio-cultural and political systems. It seems that after a long, violent and strict 'Soviet quarantine' the country is ready to immediately and unconditionally copy all structural elements of the Western civilisation.

In this situation, this research observed clear signs of the **acculturational** ethnocentrism, whereby the in-group seeks to adopt all the major landmark and significant components of the culture of the out-group. As a result, such chaotic, sometimes confused and spontaneous absorption of the principles and values of an alien culture leads to a certain 'culture shock' and its attendant painful reactions.

These reactions in particular are reflected in the so-called 'idealistic' level of adaptation of the Russian society to the post-Soviet modernisation. Here, two opposing ideological poles are immediately revealed: the first one represents the interests of the part of Russian society, which has been successful in fitting into the modernisation process. Cultural, financial and social interests of this strand of Russian society require the inclusion of the country into the world globalisation process. That is why any attempts to restore the positions of **rejectional** ethnocentrism in relation to the West not only threaten the primary needs of this social stratum, but also put at risk the very

principle of their existence. In this regard, this part of the Russian society unequivocally and unreservedly supports the idea of Euro-Atlantic orientation of Russia.

A counterbalance to these is the outlook of those sectors of the population that either have difficulty adapting to modern realities, or are unable to adapt to them whatsoever. The public opinion of this category, considering itself to be a sort of a victim of the post-Soviet modernisation, not only rejects its fundamental principles, but feeling nostalgic in relation to the Soviet experience of state paternalism and social equalisation, provides the basis for a somewhat discredited, but still popular Communist ideological extreme.

Analysis of sociological research has shown that one of the determinants of such ideological stratification of society is the generation factor. So, according to this analysis, the senior generations, the socialisation of which happened during the post-revolutionary and the Soviet periods, are distinguished by a lower degree of adaptation to modernisation processes, while the younger generations, grown up in the environment of the socio-economic transformation of post-Soviet Russia, are characterised by a higher level of tolerance to changes.

Analysis of the sociological data gave us the opportunity to determine the genesis of the relationship between Russia and the West in the post-Soviet period. Respectively this research clearly identified three major phases. The first one, from 1991 to 1993, was a period of almost total and absolute focus on modernisation and the adoption of liberal Western values. However, their dominance was only a consequence of the discrediting of the Communist ideology, and therefore was not supported by ideological anchoring in the mass consciousness of the Russian society. Nevertheless, it is precisely this dominance that reflects positive ethnocentric attitudes towards the West characteristic of this period.

In the second phase, from 1994 to 1999, restored the parity of the two ideologies, expressing the two extremes of the public opinion, namely, pro- and anti-Western. Determining factors of the anti-Western sentiment in this period were the dissatisfaction with the dynamics of modernisation processes, as well as the plummeting international prestige of Russia, and related to it feelings of a certain 'inferiority complex'. As a result, the modernisation aspirations of the Russian society have lost the overall ideology. Liberal westernised subculture, which used to provide modernisation goals for the mass

consciousness, discredited itself. Conservative and nostalgic feelings were dramatically increased in their intensity and spread widely beyond the limits of the socio-demographic sphere of their origin. Frustration from the realisation of the fact of existence of a currently insurmountable cultural and civilizational distance between Russia and the West was the primary reason for the restoration of the positions of negative ethnocentrism in relation to the latter.

The beginning of the third stage was marked, above all, in 2000, by the ascend of Vladimir Putin to power. Due to paternalism rooted in the Russian consciousness, he was vested with hope for a quick restoration of the social and economic structure of the country and for Russia gaining a greater geopolitical status in the world. These same sentiments have allowed the state structures to restore their positions of control. Moreover, the state has quickly moved to fulfil the functions of an ideological subject, and has started to declare its own views and positions on the integration of the Russian society in the globalisation process. By occupying the position of a 'referee' of sorts between the two ideological extremes, and identifying some ideological consensus between them, the state announces its own vision of the country's development strategy and formulates a new official ideology. This is the so-called 'ideology of a special way'. The essence of it is that Russia is supposedly a unique singular civilisation that combines the advantages of both the Western and the Eastern cultures, and therefore is destined to play a special role of the cultural mediator between East and West. It follows from this premise that the country cannot imitate or follow the cultural patterns of either of the two designated civilisations, and is fated for the high mission of a special Eurasian civilisation.

A comprehensive assessment of reactions and assessments of public opinion available for analysis has allowed us to conclude that for the Russian society, 'the special way' is not so much a 'new standard', as a particular, 'sparing' way of admitting the impossibility of attaining the Western standard within the desired timeframe. The impossibility of reaching the standard traumatises, therefore it is defiantly rejected and, in all likelihood, replaced with 'the special way'. Nevertheless, the true model for the mass consciousness attuned to 'the special way' still involves the 'Western patterns'.

This traditional ambivalence in relation to the West and its cultural and civilizational model is also manifested ambiguously in ethnocentrism. On the one hand, the consistent

dynamics of modernisation processes clearly confirms the dominance of pro-Western **acculturational** ethnocentric attitudes in the pragmatic sphere of social development. On the other hand, on an idealistic level, depending on the level of adaptation of various strata of the Russian society to the process of its 'Westernisation', there is demonstrated a very wide range of expressions of negative ethnocentrism, as well as its positive forms.

So, we can state that the Russian society is going through a natural process of adaptation to the inevitable historical and social imperative of globalisation. The phenomenon of ethnocentrism in this case, being the oldest form of social and perceptual exploration of the intercultural space, and the specific ethnically coloured worldview, plays one of the defining roles in this process. This thesis argues that, it is precisely ethnocentrism that determines, regulates, and sets the limits of Russia's interaction with the Western civilisation. It is this research claim that as the confrontation between the two civilisations becomes less acute, and as Russia gradually converges with the post-industrial Western society, the factor of ethnocentrism will gradually lose its relevance. If it does, after all, happen, it is to be hoped that the world will have one less strategic confrontation than it currently does.

Thus, the conducted research has proven the legitimacy of considering the factor of ethnocentrism to be one of the most decisive and significant determinants of the interaction of even such social mega-subjects as entire countries, regions, and even civilisations. This goal was achieved primarily as a result of the author developing a new approach to the interpretation of the concept of ethnocentrism, and a fundamentally new concept of content, structure, forms and levels of the phenomenon of ethnocentrism. The author's concept of ethnocentrism has been verified by examining the characteristics and principles of the development of the paradigm 'Russia vs. the West', which, in turn, has allowed not only to undertake a comprehensive analysis of cultural and historical dynamics of the perception of Russia by the West, but also to identify the main determinants and factors affecting the current strategy of Russia's relations with the West.

The concept of ethnocentrism proposed by the author can be used in the further development of theoretical and methodological research into the problems of ethnocentrism. The author's approach to studying the of impact of the factor of

ethnocentrism on the relationship between Russia and the West can provide a methodological basis for studying the phenomena of interaction of analogous socio-cultural and ethnic subjects and structures.

The research material can also serve as a source for exploring the history of interaction between Russia and the outside world, as well as the basis for a multidimensional analysis of the modern strategy of development of the paradigm 'Russia vs. the West'.

ГЛОССАРИЙ

Басурман – (Heterodox), иноверец, преимущественно последователь ислама.

Большевики – представители политического течения, коммунисты, возглавляемые В.Лениным.

Золотая Орда – (Gold Horde), монголо-татарское государство (XIII – XV вв.), в состав которого входила средневековая Русь.

Игумен – (Abbot), настоятель православного монастыря.

Индустриализация – кампания, предпринятая большевиками, в целях индустриальной модернизации экономики постреволюционной России.

Коллективизация – большевистская кампания по ликвидации частной собственности на землю и массовое создание коллективных хозяйств в постреволюционной России.

Крепостное право – форма феодальной зависимости крестьян в России, практически рабство.

Культурная революция – программа большевиков по ликвидации массовой безграмотности, подготовке специалистов и реорганизации всей социально-культурной сферы постреволюционной России.

Магазин “Березка” – сеть специальных магазинов в СССР, в которых продавались дефицитные товары на иностранную валюту, недоступную для рядовых советских граждан.

Мещанство – (Petty Bourgeoisie), социальное сословие России, преимущественно представленный небогатым городским населением.

НАТО – (NATO), военно-политический союз, созданный на основе Североатлантического договора.

НЭП – Новая Экономическая Политика, направленная в 20-х годах на временную либерализацию экономики постреволюционной России, с целью восстановления разрушенного гражданской войной народного хозяйства страны.

Община – (Community), феодальная форма социальной организации крепостных крестьян в России.

Перестройка – термин, вошедший в широкое употребление с середины 80-х годов XX века и обозначающий курс на реформирование тоталитарной системы в СССР.

Самодержавие – (Autocracy), монархическая форма правления в России.

Смута, 'смутное время' - (Unrest), термин, обозначающий события конца XVI начала XVII вв. в России, эпоху кризиса российской государственности.

'Совок' – самоуничижительное производное от 'советский человек'.

'Челнок' – ('Shuttle'), феномен, возникший в постсоветский период и означающий мелкого торговца, закупавшего товары за границей и затем перепродававшего его в России.

СПИСОК АББРЕВИАТУР

ВКП(б) – Всероссийская Коммунистическая Партия большевиков.

ВЦИОМ – Всероссийский Центр Изучения Общественного Мнения.

ПМЖ – Постоянное Место Жительства.

СНК – Совет Народных Комиссаров.

ФОМ – Фонд “Общественное Мнение”.

ЦК ВКП(б) – Центральный Комитет Всероссийской Коммунистической Партии большевиков.

ЦК КПСС – Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *A Comprehensive Dictionary of Psychological and Psychoanalytical Terms*, edited by H.B.English and A.C.English, N.Y., 1958.
2. Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D.J., Sanford R.N. *The Authoritarian Personality*, N.Y., 1950.
3. Allport G.W. *The Nature of Prejudice*, London, 1954.
4. Amir Y. "Contact Hypothesis in Ethnic Relations", *Psychological Bulletin*, # 5, 1969.
5. *APA Dictionary of Psychology*, edited by G.R.VandenBos, Washington, 2006.
6. Beattic G.W., Agani C., Spencer C. Social Stereotypes held by different occupational groups in post-revolutionary Iran, *European Journal of Social Psychology*, vol.12, 1982.
7. Beidelman T.O. Intertribal Insult and Opprobrium in an East African Chiefdom (Ukaguru), *Anthropological Quarterly*, # 37, 1964.
8. Bell D. Ethnicity and Social Change in *Ethnicity. Theory and Experience*, Cambridge, 1975.
9. Bell D. *Sociological Journeys: Essays 1960-80*, London, 1980.
10. Bell D. The Post-Industrial Society: The Evolution of an Idea, *Survey*, # 2 (79), 1971.
11. Bell W., Freeman W. *Ethnicity and Nation-Building: Comparative, International, and Historical Perspectives*, Beverly Hills (California), 1974.
12. Berkowitz L. *Advances in Experimental Social Psychology*, N.Y., 1972.
13. Berry J.W. Ecology, Cultural Adaptation and Psychological Differentiation: Traditional Patterning and Acculturative Stress in *Cross-Cultural Perspectives on Learning*, N.Y., 1975.
14. Berry J.W. Psychological Aspects of Cultural Pluralism: Unity and Identity reconsidered in *Topics in Culture Learning*, vol.2, 1974.
15. Bialer S., Mandelbaum M. *Gorbachev's Russia and American Foreign Policy*, Boulder, 1988.
16. Billig M., Tajfel H. "Social Categorization and Similarity in Intergroup Behaviour", *European Journal of Social Psychology*, vol.3, 1973.

17. Black C. *The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History*, N.Y., 1966.
18. Blackwell W. *The Beginning of Russian Industrialization 1800-1860*, Princeton, 1968.
19. Bochner S. The Social Psychology of Cross-Cultural Relations in *Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction*, Oxford, 1982.
20. Bourhis R.Y., Hill P. "Intergroup Perception in British Higher Education. A Field Study" in *Social Identity and Intergroup Relation*, London, 1982.
21. Bourricaud F. "Universal Reference" and the Process of Modernization in *Patterns of Modernity*, London, 1987.
22. Brewer M.B. Determinants of Social Distance Among East African Tribal Groups, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol.10, 1968.
23. Brewer M.B., Campbell D. *Ethnocentrism and Intergroup Attitudes: East African Evidence*, N.Y., 1976.
24. Brewer M.B., Kramer R.M. The Psychology of Intergroup Attitudes and Behavior, *Annual Review of Psychology*, vol.36, 1985.
25. Brigham J.C. "Ethnic Stereotypes and Attitudes: a Different Mode of Analysis", *Journal of Personality*, vol.41, 1973.
26. Brislin R.W. "Interaction Among Members of Nine Ethnic Groups and Belief-Similarity Hypothesis", *Journal of Social Psychology*, vol.85, 1971.
27. Brown R.J., Ross G.F. The Battle for Acceptance. An Investigation into the Dynamics of Intergroup Behavior in *Social Identity and Intergroup Relation*, London-Cambridge, 1982.
28. Brzezinski Z. *The Grand Failure: The birth and Death of Communism in the Twentieth Century*, N.Y., 1990.
29. Caddik B. Perceived Illegitimacy and Intergroup Relations in *Social Identity and Intergroup Relation*, London-Cambridge, 1982.
30. Campbell D.T. Ethnocentrism and Other Altruistic Motives in *Nebraska Symposium on Motivation*, vol.13, Lincoln, 1965
31. Campbell D.T. Stereotypes and the Perception of Group Differences, *American Psychologist*, vol.22, 1967.

32. Cappoza D., Bonaldo E., Maggio A. "Problems of Identity and Social Conflict: Research on Ethnic Groups in Italy" in *Social Identity and Intergroup Relation*, London, 1982.
33. Couthen N.C., Robinson A.E., Krauss H.N. "Stereotypes: a Review of the Literature 1926-1970", *Journal of Social Psychology*, vol.81, #1, 1971.
34. Crankshaw E. *The Shadow of Winter Palace. Russia's Drift to Revolution 1825-1917*, N.Y., 1976.
35. Curtis M. *Totalitarianism*, New Brunswick- London, 1980.
36. Deutsch M. *The Resolution of Conflict: Constructive and Destructive Processes*, New Haven, 1973.
37. *Dictionary of Sociology*, edited by H.P.Fairchild, N.Y., 1944.
38. Douglas N.J., Messick S. "Content and Style in Personality Assessment", *Psychological Bulletin*, vol.55, 1958.
39. DuffyC. *Russia's Military Way to the West: Origins and Nature of Russian Military Power, 1700-1800*, London, 1981.
40. Dukes P. *Russia and Europe*, London, 1991.
41. *Encyclopedia of Psychology*, vol.1, edited by R.J.Consini, N.Y., 1984 (1994).
42. *Encyclopedia of Psychology*, vol.3, edited by A.E.Kazdin, N.Y., 2000.
43. *Encyclopedia of Race and Ethnic Studies*, edited by E.Cashmore, London & N.Y., 2004.
44. *Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology*, edited by A.Barnard and J.Spencer, London & N.Y., 2002.
45. *Encyclopedia of Social Psychology*, vol.1, edited by R.E.Baumeister & K.D.Vohs, L.A., London, New Delhi, Singapore, 2007.
46. *Encyclopedia of Sociology*, vol.2, N.Y., 2000.
47. Enrlich H.J. *The Social Psychology of Prejudice. A Systematic Theoretical Review of the American Social Psychological Study of Prejudice*, N.Y., 1972.
48. *Ethnic Relations. A Cross-Cultural Encyclopedia*, edited by D.Levinson, Oxford, 1994.
49. Falkus M. *The Industrialization of Russia. 1700-1914*, London, 1972.
50. Figes O. *Peoples Tragedy. The Russian Revolution. 1891-1924*, London, 1996.

51. Forbes H.D. *Nationalism, Ethnocentrism, and Personality: Social Science and Critical Theory*, Chicago, 1985.
52. Freud S. *Group Psychology and the Analysis of the Ego*, London, 1955.
53. Funk S., Horowitz A.D., Lipshitz, Young F.M. The Perceived Structure of American Ethnic Group: the Use of Multidimensional Scaling in Stereotype Research, *Sociometry*, # 2, vol.39, 1976.
54. Furnham A., Bochner S. *Culture Shock: Psychological Reactions to unfamiliar Environments*, London – N.Y., 1986.
55. Gaddis J.L. The Tragedy of Cold War History, *Diplomatic History*, Winter, 1993.
56. Gellner E. Ethnicity and Faith in Eastern Europe, *Daedalus*, # 1, vol.119, 1990.
57. Giles H., Bourhis R.Y., Taylor D.M. Toward a Theory of Language in Ethnic Group Relations, *European Monographs in Social Psychology*, # 13, 1977.
58. Giles M.W., Evans A. The Power Approach to Intergroup Hostility, *Journal of Conflict Resolution*, # 3, vol.30, 1986.
59. Gough H.G. “Studies on Social Intolerance. A Personality Scale of Anti-Semitism, *Journal of Social Psychology*, vol.33, 1955.
60. Grant P.R. “Ethnocentrism between Groups of Unequal Power under Threat on Intergroup Competition”, *Journal of Social Psychology*, vol.131 (1), 1991.
61. *Handbook of Cross-Cultural Psychology*, vol.5, edited by R.W.Brislin, Boston, 1980.
62. *Handbook of Social Psychology*, vol.2, edited by G.Lindzey and E.Gardner, Cambridge, 1959.
63. Harding J., Kutner B., Chein I. Prejudice and Ethnic Relations in *Handbook of Social Psychology*, vol. 2, Cambridge, 1959.
64. Harrison R.G., Hagelstein V.C. *The Avant-Garde Frontier: Russia Meets the West, 1910-1930*, University Press Florida, 1992.
65. Hashamova Y. *Pride and Panic: Russian Imagination of the West in post-Soviet Film*, Bristol, 2007.
66. Haslam J. *The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe. 1933-1939*, London, 1984.
67. Herbert C., Kelman A., Bloom H. Assumptive Frameworks in International Politics in *Handbook of Political Psychology*, San-Francisco, 1973.

68. Hewstone M., Jaspars J.M. "Intergroup Relation and Attribution Processes" in *Social Identity and Intergroup Relation*, London, 1982.
69. Hewstone M., Jaspars J.M. Explanation for Racial Discrimination: the Effect of Group Discussion on Intergroup Attributions, *European Journal of Social Psychology*, vol.12 (1), 1982.
70. Holmes J.G., Grant P. "Ethnocentric Reactions to Social Threat" in *Soviet and Western Perspectives in Social Psychology*, N.Y., 1979.
71. Inglehart R. Changing Values, Economic Development and Political Change, *International Social Science Journal*, vol.145, 1995.
72. Inkeles A., Levinson D.J. "National Character" in *Handbook of Social Psychology*, vol.2, edited by Linzey G. and Gardner E., Cambridge, 1959.
73. Invar M., Guchtman-Yaar E. Some Cognitive Dimensions of the Israeli-Arab Conflict, *Journal of Conflict Resolution*, # 4, vol. 29, 1985.
74. Jackson D.N., Messick S. A Note on Ethnocentrism and Acquiescent Response Sets, *Journal of Abnormal and Social Psychology*, vol.54, 1957.
75. Jaspars J.M., Warnaen S. Intergroup Relations, Ethnic Identity and Self-Evaluation in Indonesia in *Social Identity and Intergroup Relation*, London-Cambridge, 1982.
76. Jowell R. The Measurement of Prejudice in *Psychology and Race*, London, 1973.
77. Kahn A., Ryen A.H. "Factors Influencing the Bias Towards One's Own Group", *International Journal of Group Tension*, vol.2, 1972.
78. Kaiser R. *Why Gorbachev Happened: His Triumphs, His Failure, and His Fall*, N.Y., 1992.
79. Kaplowitz N. National Self-Images, Perception of Enemies and Conflict Strategies, *Political Psychology*, vol.11 (1), 1990.
80. Katz D., Braly K.W. Racial Stereotypes of 100 College Students, *Journal of Abnormal and Social Psychology*, vol. 28, 1933.
81. Kenez P. *The birth of the Propaganda State. Soviet methods of Mass Mobilisation. 1917-1929*, Cambridge, 1985.
82. Kennan C.F. *Russia and the West under Lenin and Stalin*, London, 1961.

83. Kingston-Mann E. *In Search of the True West: Culture, Economics, and Problems of Russian Development*, Princeton, 1999.
84. Klineberg O. Contact between Ethnic Groups: a Historical Perspective of Some Aspects of Theory and Research in *Cultures in Contact*, Oxford, 1982.
85. Le Vine R.A., Campbell D.T. *Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes and Group Behaviour*, N.Y., 1972.
86. Levinson J.D., Sanford R.N. A Scale for the Measurement of Antisemitism, *Journal of Psychology*, vol.17, 1944.
87. Maloff M., Lott A.J. Ethnocentrism and the Acceptance of Negro Support on a Group Pressure Situation, *Journal of Abnormal and Social Psychology*, vol.65, 1962.
88. Mann J.H. The Differential Nature of Prejudice Reduction”, *Journal of Social Psychology*, vol.52, (1-2), 1960.
89. Mannheim K. The Problem of Generations in *Essays on the Sociology of Knowledge*, London, 1952.
90. McCauley C., Stitt C.L., Segal M. Stereotyping from Prejudice to Prediction, *Psychological Bulletin*, # 1, vol.87, 1980.
91. Mihalyi L.J. Ethnocentrism vs Nationalism: Origin and Fundamental Aspects of a Major Problem for the Future, *Humboldt Journal of Social Relations*, vol.12 (1), 1985.
92. Miller N.E., Dollard J. Personality and Psychotherapy: An analysis in *Terms of Learning, Thinking and Culture*, London, 1950.
93. Miller N.E., Dollard J., Doob L.W., Mowrer O.H., Sears R.R. *Frustration and Aggression*, New Haven, 1939.
94. *Path to the War: New Essays on the Origin of the Second World War*, edited by Boyce R.W. & Robertson E.M., N.Y., 1989.
95. Pettigrew T.F. “Regional Differences in Antinegro Prejudice”, *Journal of Social Psychology*, # 3, 1959.
96. Pettigrew T.F. Advancing Racial Justice: Past Lessons for Future use in *Opening Doors: Perspectives on Race Relations in Contemporary America*, University Alabama Press, 1991.

97. Proenza L., Stricland B.R. "A Study of Prejudice in Negro and White College Students", *Journal of Social Psychology*, # 2, 1965.
98. Prothro E.T. Ethnocentrism and Anti-Negro Attitudes in the Deep South, *Journal of Abnormal and Social Psychology*, vol. 47, 1952.
99. *Racial Issues in New Zealand*, edited by G.M Vaughan, Auckland, 1972.
100. *Racism, Modernity and Identity: on the Western Front*, edited by A.Rattansi & S.Westwood, Cambridge, 1994.
101. Redfield R. Ethnic Relations: Primitive and Civilized in *Race Relations. Problems and Theory*, N.Y., 1961.
102. Rosenblatt P.C. Origins and Effects of Group Ethnocentrism and Nationalism, *Journal of Conflict Resolution*, # 2, vol 8, 1964.
103. Rosenmayer L. *Age, Life Span and Biography*, London-N.Y., 1979.
104. Rudolph R. Agricultural Structure and Proto-Industrialization in Russia. Economic Development with Unfree Labor, *The Journal of Economic History*, # 1 (XLV), 1985.
105. *Russia and the West, 1945 – 63*, prepared by Reference Division, Central Information Office, London, 1963.
106. *Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin*, edited by Blackwell W., N.Y., 1974.
107. Sachdev I., Bourhis R.Y. Power and Status Differentials in Minority and Majority Group Relations, *European Journal of Social Psychology*, vol. 2 (1), 1991.
108. Seliktar O. The Arabs in Israel, *Journal of Conflict Resolution*, # 2, vol.28, 1984.
109. Shanin I. *Russia as a Developing Society*, New Haven, 1985.
110. Sherif M. *In Common Predicament: Social Psychology of Intergroup Conflict and Cooperation*, N.Y., 1966.
111. Sherif M., Harvey O.J., White B.J., Hood W.R., Sherif C.W. *Intergroup Conflict and Cooperation: the Robber's Cave Experiment*, Norman, 1961.
112. Sidanius J., Devereux, Pratto F. A Comparison of Symbolic Racism Theory and Social Dominance Theory as Explanations for Racial Policy Attitudes, *Journal of Social Psychology*, vol.132 (3), 1992.

113. Sinha A.X., Upadhyay O.P. "Change and Persistence on the Stereotypes of University Students toward Different Ethnic Groups during Sino-Indian Border Dispute", *Journal of Social Psychology*, vol.52, 1960.
114. Stein A.A. Conflict and Cohesion: A Review of the Literature, *Journal of Conflict Resolution*, vol.20, 1976.
115. Sumner W.G. *Folkways*, N.Y., 1906.
116. Sumner W.G., Keller A. *The Science of Society*, N.Y., 1946.
117. Tajfel H. "Social Stereotypes and Social Categories" in *Intergroup Behavior*, Oxford, 1981.
118. Tajfel H. "The Formation of National Attitudes: A Social Psychological Perspectives" in *Interdisciplinary Relationships in the Social Sciences*, Chicago, 1969.
119. Tajfel H. "The Roots of Prejudice: Cognitive Aspects" in *Psychology and Race*, N.Y., 1973.
120. Tajfel H. *Differentiation between Social Groups: Studies in Social Psychology of Intergroup Relations*, London, 1978.
121. Tajfel H. *Human Groups and Categories: Studies in Social Psychology*, Cambridge, 1981.
122. Tajfel H. *Social Identity and Intergroup Relation*, London, 1982.
123. Tajfel H., Billig M. "Familiarity and Categorization in Intergroup Behavior", *European Journal of Social Psychology*, # 3, vol.10, 1979.
124. Tajfel H., Jahoda G., Nemeth C., Rim Y. "The Devaluation by Children of Their Own National and Ethnic Group: Two Case Studies", *Journal of Social and Clinical Psychology*, vol.11, 1972.
125. Taylor D.M., Jaggy V. Ethnocentrism and Causal Attribution in a South-Indian Context, *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol.5, 1974.
126. The Encyclopaedic Dictionary of Psychology, edited by G.Davey, N.Y., 2006.
127. *The Modernization of Japan and Russia. A Comparative Study*, edited by C.E.Black, N.Y.-London, 1975.

128. Triandis H.C. "Stereotyping among Hispanics and Anglos: The Uniformity, Intensity, Direction and Quality of Auto- and Heterostereotypes", *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol.13, 1982.
129. Triandis H.C., Vassiliou V. "Frequency of Contact and Stereotyping", *Journal of Personality and Social Psychology*, # 3, 1967.
130. Turner J.C. "Social Categorization and Social Discrimination in the Minimal Group Paradigm" in *Differentiation between Social Groups: Studies in Social Psychology of Intergroup Relations*, London, 1978.
131. Turner J.C., Brown R.J. "Social Status, Cognitive Alternatives and Intergroup Relation" in *Differentiation between Social Groups: Studies in Social Psychology of Intergroup Relations*, London, 1978.
132. Turner J.C., Brown R.J., Tajfel H. Social Comparison and Group Interest in Intergroup Favoritism, *European Journal of Social Psychology*, vol.9, 1979.
133. Van den Berghe P.L. *Race and Ethnicity: Essays in Comparative Sociology*, N.Y., 1970.
134. Van Knippenberg A. "Status Differences, Comparative, Relevance and Intergroup Differentiation" in *Differentiation between Social Groups: Studies in Social Psychology of Intergroup Relations*, London, 1978.
135. Vassiliou V. Authostereotypes are Coordinated with Other Self-Percepts to Maximize Self-Esteem in *The Analysis of Subjective Culture*, N.Y., 1972.
136. Vassiliou V., Triandis H.C., Vassiliou G., McGuire H. Interpersonal contact and Stereotyping in *The Analysis of Subjective Culture*, N.Y., 1972.
137. Vaughan G.M. "Social Change and Intergroup Preferences in New Zealand", *European Journal of Social Psychology*, vol.8, 1978.
138. Wittram R. *Russia and Europe*, London, 1973.
139. Ageev B.C. Исследование межгрупповых отношений в зарубежной социальной психологии, *Вопросы психологии*, № 46, 1980.
140. Ageev B.C. Межгрупповое взаимодействие в кн. *Социально-психологические проблемы*, Москва, 1990.
141. Аксаков К.С. О русском воззрении в кн. *Русская идея*, Москва, 2002.
142. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. *Современная социальная психология на Западе*, Москва, 1978.

143. Аннинский Л. *Русские плюс ...*, Москва, 2001.
144. Артановский С.Н. Проблемы этноцентризма, этнического своеобразия культур и межэтнических отношений в современной зарубежной этнографии и социологии в кн. *Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука*, Ленинград, 1979.
145. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколова А.А. *Этносоциология, учебное пособие для вузов*, Москва, 1999.
146. Ахиезер А.С. *Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России)*, Новосибирск, 1997.
147. Бавин П. Международное положение России и задачи российской внешней политики. ФОМ, 28.08.2008, 28.08.2008, http://bd.fomh.ru/report/cat/inter_pol/west_rel/d083422.
148. Баронин А.С. *Этническая психология, учебное издание*, Киев, 2000.
149. Белинский В.Г. *Избранные философские произведения*, том 1, Москва, 1948.
150. Бердяев Н.А. Душа России в кн. *Русская идея*, Москва, 2002.
151. Бердяев Н.А. *Истоки и смысл русского коммунизма*, Москва, 1990.
152. Бердяев Н.А. *Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века*, Москва, 1990.
153. Бланк А., Хавкин Б. *Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса*, Москва, 1990.
154. Блейк О. Московские будни – 1937, *Коммунист*, № 3, 1991.
155. *Большой Энциклопедический Словарь*, Москва – Санкт-Петербург, 2002.
156. Бороноев А.О., Павленко В.Н. *Этническая психология*, Санкт-Петербург, 1994.
157. Бороноев А.О., Смирнов П.И. *Россия и русские, Характер народа и судьбы страны*, Санкт-Петербург, 1992.
158. Бочарова О., Ким Н. Россия и Запад: общность или отчуждение, *Мониторинг общественного мнения*, № 1(45), 2000.
159. Бочкарев В.Н. *Московское государство XV-XVII веков по сказаниям современников-иностранцев*, Санкт-Петербург, 1914.

160. Бромлей Ю.В. *Очерки теории этноса*, Москва, 1983.
161. Буховец О.Г. Клио на пороге XXI века: искушение национализмом ..., *Вопросы истории*, № 3, 2002.
162. Вандалковская М. Россия между Востоком и Западом: евразийская концепция русской истории в кн. *Россия и мировая цивилизация*, Москва, 2000.
163. Вернадский В.И. Дневник 1939 года, *Дружба народов*, № 11-12, 1992.
164. Вишневский В.В. *Собрание сочинений*, том 6, Москва, 1961.
165. Водарский Я. Реформаторство Петра I и Екатерины II в контексте европейской истории в кн. *Россия и мировая цивилизация*, Москва, 2000.
166. Вундт В. *Проблемы психологии народов*, Москва, 2000.
167. ВЦИОМ: *общественное мнение 2002*. (По материалам исследований 1989 – 2002 гг.), Москва, 2002.
168. Гаджиев К.С. Тоталитаризм как феномен XX века, *Вопросы философии*, № 2, 1992.
169. Геллнер Э. *Нации и национализм*, Москва, 1991.
170. Герцен А. *Былое и думы*, том IV, Москва, 1958.
171. *Голоса из России*, вып.2, кн.4, Москва, 1976.
172. Голубев А.В. “Мировая республика” или “закрытое общество”: СССР в 1920 – 30-е годы в кн. *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*, вып. 2, Москва, 2002.
173. Голубев А.В. Мифологизированное сознание и внешний мир в кн. *Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания*, Орел, 1994.
174. Голубев А.В. Мифологизированное сознание как фактор российской модернизации в кн. *Мировосприятие и самосознание русского общества XI-XX вв.*), Москва, 1994.
175. Голубев А.В. Мифологическое сознание в политической истории XX века в кн. *Человек и его время. Сборник материалов Всесоюзной школы молодых историков*, Москва, 1991.

176. Голубев А.В. Россия, век XX ... , *Отечественная история*, № 5, 1997.
177. Голубев А.В. Советское общество 1930-х годов и формирование внешнеполитических стереотипов в кн. *Россия и Европа в XIX-XX веках: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур*, Москва, 1996.
178. Горяева Т.М. Журналистика и цензура (По материалам советского радиовещания 20-30-х годов. Источниковедческий аспект), *История СССР*, № 4, 1990.
179. Горянин А. *Мифы о России и дух нации*, Москва, 2002.
180. Громыко М., Буганов А. *О воззрениях русского народа*, Москва, 2000.
181. Губман Б.Л. Евразийский синдром в кн. *Россия и Запад: диалог культур*, Тверь, 1994.
182. Гудков Л. Динамика этнических стереотипов (сравнение замеров 1989 и 1994 гг.), *Информационный бюллетень мониторинга*, № 2, 1995.
183. Гудков Л. К проблеме негативной идентификации, *Мониторинг общественного мнения*, № 5(49), 2000.
184. Гудков Л. Комплекс “жертвы”. Особенности массового восприятия россиянами себя как этнонациональной общности, *Мониторинг общественного мнения*, № 3(41), 1999.
185. Гудков Л. Отношение к США в России и проблема антиамериканизма, *Мониторинг общественного мнения*, № 2(58), 2002.
186. Гудков Л. Россия в ряду других стран: к проблеме национальной идентичности, *Мониторинг общественного мнения*, № 1(39), 1999.
187. Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам в кн. *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ*, Москва, 2002.
188. Гудков Л. Русский неотрадиционализм, *Информационный бюллетень мониторинга*, № 2(28), 1997.
189. Гудков Л. Этнические стереотипы населения: сравнение двух замеров, *Информационный бюллетень мониторинга*, № 3, 1995.
190. Гумилев Л. *Этногенез и биосфера Земли*, Москва, 2001.

191. Данилевский Н.Я. *Россия и Европа*, Москва, 1991.
192. *Два взгляда из-за рубежа*, Москва, 1990.
193. Демин А.С. Путешествие души по загробному миру (В древнерусской литературе), *Российский литературоведческий журнал*, № 5-6, 1994.
194. Дилигенский Г.Г. “Запад” в российском общественном сознании, *Общественные науки и современность*, № 5, 2000.
195. Дилигенский Г.Г. Российские архетипы и современность в кн. *Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии*, под ред. Т.И. Заславской, Москва, 1997.
196. Дмитриева Т. *Характер: русский*, Москва, 2001.
197. Добринская Е.И. Философия образования: Россия и Запад в кн. *Философия и проблема человека*, том IV, Санкт-Петербург, 1997.
198. Дубин Б. Запад, граница, особый путь: символика “другого” в политической мифологии современной России, *Мониторинг общественного мнения*, № 6(50), 2000.
199. Дубин Б. Конец века, *Мониторинг общественного мнения*, № 4(48), 2000.
200. Дубин Б. Поколение: социологические границы понятия, *Мониторинг общественного мнения*, № 2(58), 2002.
201. Дубин Б. Прошлые в сегодняшних оценках россиян, *Информационный бюллетень мониторинга*, № 5(25), 1996.
202. Дубин Б., Зурабишвили Т. Досуговые интересы и индивидуальные склонности (по данным международного сравнительного исследования), *Информационный бюллетень мониторинга*, № 1(21), 1996.
203. *Европа на рубеже третьего тысячелетия: народы и государства*, под ред. М.Ю. Мартыновой и Н.Н. Грацианской, Москва, 2000.
204. Егорова Е., Плешаков К. Бэконовские 'призраки' в нынешнем мире, *Международная жизнь*, № 8, 1988.
205. Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях, *Мировая экономика и международные отношения*, № 12, 1988.

206. Ерофеев Н.А. *Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825-1853 гг.*, Москва, 1982.
207. Ерошкин Н.П. *Крепостническое самодержавие и его политические институты*, Москва, 1981.
208. Зак Л.А. *Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы*, Москва, 1976.
209. Запад или Восток: с кем сотрудничать? ФОМ, 9.05.1998, http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/_west_rel/of19992704.
210. Здравомыслов А. Национальное самосознание россиян, *Мониторинг общественного мнения*, № 2(58), 2002.
211. Зубкова Е.Ю. Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году, *Отечественная история*, № 3, 1995.
212. Игрицкий Ю.И. Восприятие СССР как фактор глобальной политической конфронтации в кн. *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*, вып.2, Москва, 2002.
213. Игрицкий Ю.И. Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе, *История СССР*, № 6, 1990.
214. Игрицкий Ю.И. Россия и Запад: корни стереотипов в кн. *Россия и внешний мир: диалог культур*, Москва, 1997.
215. Ильин В., Ахиезер А. *Российская цивилизация: содержание, границы, возможности*, Москва, 2000.
216. *Иностранцы о древней Москве. Москва XV -XVII веков*, сост. М.М.Сухман, Москва, 1991.
217. *История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс*, Москва, 1938.
218. Казакова Н.А. *Западная Европа в русской письменности XV-XVI веков. Из истории международных культурных связей России*, Ленинград, 1980.
219. Кара-Мурза С.Г. *Европоцентризм – 'эдилов' комплекс интеллигенции*, Москва, 2002.

220. Кара-Мурза С.Г. Россия как традиционное общество в кн. *Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии* под ред. Т.И. Заславской, Москва, 1997.
221. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея в кн. *Русская идея*, Москва, 2002.
222. Карташов А.В. *Очерки по истории русской церкви*, том 1, Москва, 1993.
223. Кертман Г. Россия и Запад: размолвка или конфронтация? ФОМ, 30.06.1999, http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/_west_rel/o905401.
224. Кессиди Ф.Х. *От мифа к логосу (становление греческой мифологии)*, Москва, 1972.
225. Ключевский В.О. *Сказания иностранцев о Московском государстве*, Москва, 1991.
226. Коллингвуд Р.Д. *Идея истории. Автобиография*, Москва, 1980.
227. Комарова Г. *Русский Бостон*, Москва, 2002.
228. *Коминтерн и Вторая Мировая война*, Москва, 1994.
229. Кон И.С. Понятие поколения в современном обществоведении в кн. *Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука*, Ленинград, 1979.
230. Кон И.С. Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предрассудков), *Новый мир*, № 9, 1966.
231. Константиновский Д., Хохлушкина Ф. Формирование социального поведения молодежи в сфере образования, *Социологический журнал*, № 3-4, 1998.
232. Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия, *Вопросы истории*, № 7, 1993.
233. Коровицына Н. *Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века*, Москва, 1999.
234. Коротеева В.В. *Экономические интересы и национализм*, Москва, 2000.
235. Кочетков В.В. *Психология межкультурных различий*, Москва, 2002.

236. Кудюкина М.М. Запад в представлении российского крестьянства в конце 1920-х годов в кн. *Россия и внешний мир: диалог культур*, Москва, 1997.
237. Кудюкина М.М. Общее и особенное в настроениях крестьянства накануне коллективизации в кн. *Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания*, Орел, 1994.
238. Кулешова Н. И.В. Сталин о “капиталистическом окружении”: 1920 – 1930-е годы в кн. *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовопрятия*, вып.2, Москва, 2002.
239. Кцоева Г. *Этнические стереотипы в системе межнациональных отношений. Автореферат дисс. ... канд. псих. наук*, Москва, 1985.
240. Кэмпбелл Д.Т. Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность в кн. *Психологические проблемы социальной регуляции поведения*, Москва, 1979.
241. Лебедева Н.М. *Введение в этническую и кросс-культурную психологию*, Москва, 1999.
242. Лебедева Н.М. *Особенности социальной перцепции в процессе этнокультурной адаптации переселенческих групп. Дисс. ... канд. псих. наук*, Москва, 1989.
243. Лебедева Н.М. *Социальная психология этнических миграций*, Москва, 1993.
244. Лебон Г. *Психология народов и масс*, Санкт-Петербург, 1995.
245. Левада Ю. Заметки о “проблеме поколений”, *Мониторинг общественного мнения*, № 2(58), 2002.
246. Левада Ю. Комплексы общественного мнения, *Информационный бюллетень мониторинга*, № 1(27), 1997.
247. Левада Ю. *От мнения к пониманию*, Москва, 2000.
248. Левада Ю. *Статьи по социологии*, Москва, 1993.
249. Левинтова Е. Политический дискурс в постсоветской России (1992 – 2001), *Мониторинг общественного мнения*, № 2(58), 2002.
250. Леви-Стросс К. Структура мифов, *Вопросы философии*, № 7, 1970.
251. Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*, том 26, Москва, 1967.

252. Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*, том 32, Москва, 1967.
253. Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*, том 34, Москва, 1967.
254. *Личность, культура, этнос. Современная психологическая антропология*, под ред. А.А.Белика, Москва, 2001.
255. Лотман Ю. *Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*, Санкт-Петербург, 1994.
256. Лурье С.В. *Историческая этнология*, Москва, 1997.
257. Магун В. *Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи (1985 – 1995)*, Москва, 1998.
258. Мاستюгина Т.Н., Перепелкин Л.С. *Этнология. Народы России: история и современное положение*, Москва, 1992.
259. Махлин В.Л. Русский неклассический гуманизм 20-х годов XX века (неопознанная пара) в кн. *Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания*, Орел, 1994.
260. Мигдисова С., Петренко Е., Захарова Т., Воронцова А., Чубуков Д. Большинство россиян считают, что политика стран Запада направлена сегодня на ослабление России. ФОМ, 12.05.1995, http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/ west_rel/of19951805/
261. *Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика*, под ред. В.Колосова, Москва, 2003.
262. Морозова Л.Е. Иностранцы об изменениях в образе жизни русских людей. (Конец XV – XVI век) в кн. *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*, вып.1, Москва, 2000.
263. Морозова Л.Е. Образ “чужого” в представлении людей смутного времени начала XVII века в кн. *Россия и внешний мир: диалог культур*, Москва, 1997.
264. Невежин В. Оценка Сталиным Германии как потенциального противника накануне 22 июня 1941 года в кн. *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*, вып.2, Москва, 2002.
265. Опять ищем врага? ФОМ, 10.03.1995, http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/ west_rel/of19951404/

266. Осьмаков М. “Образы заграницы” в контексте мира вещей (по материалам провинциальной прессы конца XIX – начала XX века) в кн. *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*, вып. 2, Москва, 2002.
267. Очирова Т.А. Геополитическая концепция евразийства, *Общественные науки и современность*, № 1, 1994.
268. *Памятники литературы Древней Руси: XII век*, Москва, 1980.
269. *Памятники литературы Древней Руси: XIV-середина XV в.*, Москва, 1981.
270. *Памятники литературы Древней Руси: вторая половина XVI века*, Москва, 1986.
271. Перепелкин Л.С. К вопросу о модернизации России, *Мир России*, № 1, 1993.
272. Петрова А. Свобода выезда за границу: сторонники и противники. ФОМ, 30.11.2000, http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/_west_rel/of004803.
273. Петрова А. Черняков А., Климова С., Ядова Е. У России должен быть особый путь. ФОМ, 18.06.1999, http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/_west_rel/of19992402.
274. Петрова А., Воронцова А. По мнению образованных горожан, Россия должна ориентироваться на традиционно русские интересы. ФОМ, 15.03.1996, http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/_west_rel/of19961003.
275. Петрова А., Климова С. Кто верит в заговор Запада против России. ФОМ, 06.02.1997, http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/_west_rel/of19970503.
276. Петрова А., Климова С. Является ли Россия колонией Запада? ФОМ, 13.02.1997, http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/_west_rel/of19970603.
277. Петрова А., Черняков А., Климова С., Ядова Е. О врагах России. ФОМ, 23.04.1999, http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/_west_rel/of19991601.
278. Петтигрю Т.Ф. Расовые отношения в США: социологическая перспектива в кн. *Американская социология. Перспективы, проблемы, методы*, Москва, 1972.
279. Платонов Ю.П. *Народы мира в зеркале геополитики*, Санкт-Петербург, 2000.

280. Платонов Ю.П. *Этническая психология*, Санкт-Петербург, 2001.
281. Пленков О.Ю. *Мифы наций против мифов демократии*, Санкт-Петербург, 1997.
282. Портнов Л.О. Иностранцы об исторической памяти москвитов (по материалам сочинений путешественников второй половины XVII в.) в кн. *Россия и внешний мир: диалог культур*, Москва, 1997.
283. Поршнев Б.Ф. Контрсуггестия и история в кн. *История и психология*, Москва, 1971.
284. Поршнев Б.Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания в кн. *Тезисы IX Международного Конгресса антропологических и этнографических наук*, Москва, 1973.
285. Поршнев Б.Ф. *Социальная психология и история*, Москва, 1979.
286. Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (в прочтении западных ученых), *История СССР*, № 4, 1990.
287. Пресс-выпуск № 1038, 04.09.2008. Россия и Запад после “принуждения к миру”: партнерство или вражда?, [http:// wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10624.html](http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10624.html).
288. Пресс-выпуск № 1044, 19.10.2008. Россия и Запад: соперники или партнеры?, [http:// wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10681.html](http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10681.html).
289. Пресс-выпуск № 1089, 11.11.2008. Россия в мире: наши национальные цели и как их добиться?, [http:// wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10954.html](http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10954.html).
290. Пресс-выпуск № 1193, 06.04.2009. Россия и НАТО: Вступать? Сотрудничать? Противостоять!, [http:// wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/11681.html](http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/11681.html).
291. Пресс-выпуск № 274, 22.08.2005. Люди русские и западные: близость и противоположность двух национальных характеров в оценках россиян, [http:// wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/1634.html](http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/1634.html).
292. Пресс-выпуск № 361, 19.12.2005. Россия – между Востоком и Западом, [http:// wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/2129.html](http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/2129.html)

293. Пресс-выпуск № 630, 13.02.2007. Экспансия США – главная угроза российским интересам в бывшем СССР, [http:// wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/4015.html](http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/4015.html).
294. Пресс-выпуск № 650, 14.03.2007. Россия и Запад: новая “холодная война” - призрак или реальность, [http:// wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/4189.html](http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/4189.html).
295. Пресс-выпуск № 652, 16.03.2007. Россия: душой в Европе, телом в Азии, [http:// wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/4208.html](http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/4208.html).
296. Пресс-выпуск № 704, 04.06.2007. Россия усиливается, но это не повод ссориться с Западом, [http:// wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8305.html](http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8305.html).
297. Пресс-выпуск № 928, 10.04.2008. Россияне о внешней политике: за суверенитет, но против великодержавия, [http:// wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/9979.html](http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/9979.html).
298. Пресс-выпуск № 995, 03.07.2008. Россия и ЕС: будем “дружить домами”, не сливаясь в единое целое, [http:// wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10347.html](http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10347.html).
299. *Проезжая по Московии: Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов*, Москва, 1991.
300. *Пропагандист и агитатор РККА*, № 19, 1938.
301. Рар А. Владимир Путин. “Немец” в Кремле, Москва, 2003.
302. Рашковский У.Б., Хорос В.Г. Проблема “Запад – Россия – Восток” в философском наследии П.Я.Чаадаева в кн. *Восток – Запад*, Москва, 1988.
303. Робер М.А., Тильман Ф. *Психология индивида и группы*, Москва, 1988.
304. Розанов В.В. Возле “русской идеи” в кн. *Русская идея*, Москва, 2002.
305. *Россия в XX веке: проблемы национальных отношений*, Москва, 1999.
306. *Россия и Запад: диалог культур*, под ред. А.В.Павловской, Москва, 1994.
307. *Россия и Запад: диалог культур*. Сборник научных трудов, под ред. Б.Л.Губман, Тверь, 1994.

308. *Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн*, под ред. Новиковой Л.И. и Сиземской И.Н., Москва, 1993.
309. Рошин С.К. *Западная психология как инструмент идеологии и политики*, Москва, 1980.
310. Рошин С.К. Проблема этноцентризма: теория и политическая действительность XX века, *Расы и народы*, № 23, 1994.
311. Рошин С.К. Этноцентризм: теория и политическая действительность XX века в кн. *Расы и народы*, Москва, 1993.
312. *Русская история: проблемы менталитета. Тезисы докладов научной конференции*, Москва, 1994.
313. Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории, *Вопросы истории*, № 11-12, 1993.
314. Самойлов В., Виноградов Ю. Иван Павлов и Николай Бухарин. От конфликта к дружбе, *Звезда*, № 10, 1989.
315. Светлов Р.В. *Друзья и враги России*, Санкт-Петербург, 2002.
316. Седов Л. Проблема смены политических элит: поколение “next”, *Мониторинг общественного мнения*, № 3, 2000.
317. Сергеев Е.Ю. “Угроза с Запада” в оценках военно-политической элиты Российской империи (начало XX века) в кн. *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*, вып.2, Москва, 2002.
318. Сергеев Е.Ю. Образ США в представлениях россиян (Начало XX века) в кн. *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*, Москва, 2000.
319. Сикевич З. Этническая неприязнь в массовом сознании россиян в кн. *Нетерпимость в России: старые и новые фобии* под ред. Г.Витковской и А.Малашенко, Москва, 1999.
320. Сикевич З.В. *Русские. “Образ” народа*, Санкт-Петербург, 1996.
321. Симонов К.М. *Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В.Сталине*, Москва, 1988.
322. *Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х*, под ред. Ю.Левады, Москва, 1993.

323. Соколовский С.В. *Образы Других в российской науке, политике и праве*, Москва, 2001.
324. Солдатова Г.У. *Психология межэтнической напряженности*, Москва, 1998.
325. Соловьев В.С. Русская идея в кн. *Русская идея*, Москва, 2002.
326. *Сталинское Политбюро в 30-е годы*. Сборник документов, Москва, 1995.
327. Сталин И.В. *Вопросы ленинизма*, Москва, 1945.
328. Стефаненко Т. *Этнопсихология: учебник для вузов*, Москва, 2003.
329. Стефаненко Т.Г. Социальные стереотипы в социальном контексте в кн. *Общение и оптимизация совместной деятельности*, Москва, 1987.
330. Сухарев В., Сухарев М. *Европейцы и американцы глазами психолога*, Минск, 2000.
331. Тавадов Г.Т. *Этнология: учебник*, Москва, 2002.
332. Тихомиров Л.А. Что такое Россия ? в кн. *Русская идея*, Москва, 2002.
333. Тишков В.А. *Этнология и политика*, Москва, 2001.
334. Толстой Н. *Россия, Восток, Запад*, Москва, 1998.
335. *Трансформация идентификационных структур в современной России*, под ред. Т.Г.Стефаненко, Москва, 2001.
336. Треппер Л. *Большая игра: Воспоминания советского разведчика*, Москва, 1990.
337. Уткин А. *Вызов Запада и ответ России*, Москва, 2002.
338. Уткин А.И. *Россия и Запад: история цивилизаций*, Москва, 2000.
339. Фатеев А. Советский вариант образа врага: 1945 – 1954 гг. в кн. *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*, вып 2, Москва, 2002.
340. Флоровский Г. *Пути русского богословия*, Париж, 1937.
341. Холодная война: прошлое, настоящее, будущее? ФОМ, 06.09.2008, http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/ west_rel/d083621.
342. Хомяков А.С. О старом и новом в кн. *Русская идея*, Москва, 2002.
343. Хоскинг Д. *История Советского Союза. 1917-1991*, Смоленск, 2000.

- 344. Хоскинг Д. *Россия: народ и империя (1552-1917)*, Смоленск, 2001.
- 345. Хотинец В.Ю. *Этническое самосознание*, Санкт-Петербург, 2000.
- 346. Хюбнер К. *Нация: от забвения к возрождению*, Москва, 2001.
- 347. Чаадаев П.Я. *Статьи и письма*, Москва, 1989.
- 348. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. *Народы. Расы. Культуры*. Москва, 1985.
- 349. Чугров С.В. Идеологемы и внешнеполитическое сознание, *Мировая экономика и международные отношения*, № 2, 1993.
- 350. Чугров С.В. Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения, *Мировая экономика и международные отношения*, № 1, 1993.
- 351. Шестопал У., Брицкий Г., Денисенко М. Этнические стереотипы русских, *Социс*, № 4, 1999.
- 352. Шихирев П.Н. *Современная социальная психология в Западной Европе. Проблемы методологии и теории*, Москва, 1985.
- 353. Шихирев П.Н. *Современная социальная психология США*, Москва, 1979.
- 354. Шмеман А. *Исторический путь православия*, Париж, 1985.
- 355. Элез А.Й. *Критика этнологии*, Москва, 2001.
- 356. *Этнические аспекты власти*, под ред. В.В.Бочарова, Санкт-Петербург, 1995.
- 357. *Этничность и власть в полиэтничных государствах: материалы международной конференции 1993 г.*, Москва, 1994.
- 358. *Этнос и политика: Хрестоматия*, Москва, 2000.
- 359. Яковенко И.Г. От империи к национальному государству (попытка концептуализации процесса) в кн. *Этнос и политика: Хрестоматия*, Москва, 2000.
- 360. Яковенко И.Г. Россия и Запад: диалектика взаимодействия в кн. *Россия и Европа в XIX - XX веках: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур*, Москва, 1996.